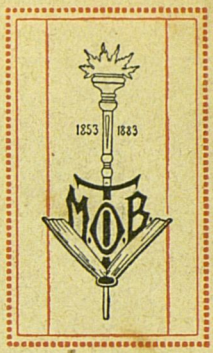

1853
1883
M.O.B.

Одна рука обвила плечи матери, другая странный предметъ....

Заказ № 2074 Пор. № 14

Книга имеет: 303 стр. . . . . иллюстр. 10

. . . . табл. . . . карт.

Примечания:

Расписка отв. за подгот. в перепл. . . . . .

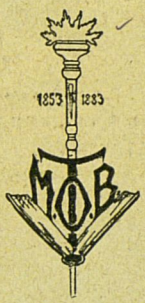
Зак. 3801 18-11-68

ДЖАВАХОВСКОЕ ГНѢЗДО

† † †

ПОВѢСТЬ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

Л. А. ЧАРСКОЙ



Съ 10 иллюстраціями И. Гурьева

† † †

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-Петербургъ | Москва
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 18 | Кузн. Мостъ, 12 и Моховая, 22.
1912

Печать типографіи
Т-ва М-О-Вольфъ
С-Петербургъ · Бас-Остр-16 линія соб-домъ
1912

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Ленинград
П 1970 акт РК-1300
4

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

ВЕСЬ день бушевала Кура...

Клокотали съ бѣшенымъ ревомъ дикія волны, сѣдѣя подъ брызжущей пѣной, бѣлой какъ снѣгъ. Косматыя, страшныя, о чемъ-то грозно ликуя и плача, набѣгали онѣ и разбивались вдребезги о каменную грудь подножія горъ...

Поднималась черная жуткая глубь, мчалась съ ужасающей быстротой къ противоположному берегу, туда, гдѣ не было ни высей, ни твердынь, съ клокотаніемъ и воемъ грозила затопить долину и снова, въ стихійной пляскѣ, торопливо и грозно отливала назадъ, чтобы опять метаться, выть и стонать на тысячи разныхъ голосовъ.

Весь день бушевала рѣка. Не успокоилась и къ ночи...

На синемъ бархатѣ небесъ залучились огромныя,

алмазныя звѣзды... Тихій вечерній ангелъ съ темными очами затеплилъ высоко золотые огни лампадъ...

Черныя развалины крѣпости на высокомъ столообразномъ утесѣ, расположенномъ въ самомъ сердцѣ Гори, призрачно жуткія и днемъ, теперь одѣлись темной, какой-то непонятой людьми и неузнанной міромъ, мрачной тайной.

Подползала, сверкая алмазными блестками своей діадемы, черная, непроницаемая и гордая кавказская ночь.

А Кура все бушевала...

* * *

Статный, весь точно изъ бронзы отлитый, татаринъ Амедъ, перевозчикъ, пригналъ еще съ утра свой паромъ къ берегу и рѣшилъ здѣсь маячить, пока не утихнетъ буря.

Не пришлось ему сегодня получить ни одного абаза *) на обѣдъ... Въ такую погоду кто же захочетъ проѣхаться по Курѣ на паромѣ!

Весь день остался безъ дѣла Амедъ.

— Алла верды! Алла верды! **) — шепчетъ онъ, тихо шевеля губами и обращая къ востоку молитвенный взоръ.—Если и завтра рѣка не уймется—ложись и умирай съ голоду, Амедъ! Или затяни потуже свой

*) Двадцать копѣекъ.
**) Помилуй Богъ.

поясъ и ступай въ горы промышлять барантой *), если допуститъ Пророкъ!..

И онъ накидываетъ бурку на голову, пряча лицо отъ безсмысленныхъ и непріятныхъ ласкъ разгулявшейся пучины...

* * *

— Эй, кто тутъ! Необходимо перевезти на ту сторону господъ! — доносится вдругъ до Амеда, сквозь шумъ волнъ и свистъ вѣтра, громкій голосъ.

— Великъ Аллахъ! Что они съ ума сошли тамъ на берегу!.. Въ такую погоду невозможно двинуться съ мѣста на паромѣ!

— Ты это говоришь, Амедъ?

— Я говорю — переправляться на паромѣ въ такую бурю нельзя... Обождать надо... Скажи это твоимъ господамъ, Николай! Мой слухъ не обманулъ меня? Это ты?

— Такъ... Селямъ алейкумъ **), пріятель!

— Алейкумъ селямъ! Кунаку привѣтствіе и почетъ!.. но переправляться нельзя... Надо обождать...

— Но намъ нельзя ждать! Поймите же!.. Намъ необходимо на ту сторону сейчасъ же... сейчасъ...

Это уже не голосъ армянина Николая, старика-слуги

*) Разбоемъ.
**) Татарское привѣтствіе.

изъ ближайшаго духана *), а молодой, звонкій и чистый, какъ серебро, дѣвичій голосокъ.

* * *

Амедъ зоркими кошачьими глазами впивается во тьму, чтобъ разглядѣть, кто это говоритъ.

Тамъ на берегу три фигуры. Двѣ женскія и одна мужская. Потомъ еще что-то странно изогнувшееся, жуткое по своей неясности, чего не можетъ постичь ни мозгъ, ни взоръ татарина. Что-то огромное широкое, съ крохотной головой, все въ черномъ, какъ монахъ...

— Намъ необходимо переѣхать сейчасъ! Во что бы то ни стало!—вспыхиваетъ снова нетерпѣливыми нотками юный серебристый голосъ.

— Да! Да! Пожалуйста, перевезите насъ!—говоритъ другой голосъ, низкій, глуховатый и какъ будто надорванный, слабый.

Амедъ колебался одну минуту.

Ахъ, эта Кура! Въ аду у шайтана могутъ быть только такія рѣки... Когда онъ, Амедъ, былъ совсѣмъ еще мальчишкой, на его памяти снесло бурей мостъ на Курѣ. Завели паромъ послѣ этого. Но и паромъ (все въ волѣ Аллаха), развѣ онъ такъ надеженъ?

— Не повезу! Не выдержитъ паромъ.

Голосъ Амеда звучитъ угрюмо, почти свирѣпо.

---

*) Заѣзжій домъ.

Что въ самомъ дѣлѣ! Аллахъ создалъ его не затѣмъ, чтобы умирать такъ рано, почти на зарѣ жизни, одинокимъ, какъ тополь въ горахъ.

Эта мысль едва-едва мелькаетъ у него въ головѣ и тутъ же гаснетъ.

Неожиданно маленькая ручка опускается ему на плечо.

— Послушайте! Пожалуйста перевезите насъ на тотъ берегъ... Возьмите съ насъ дороже, но перевезите. Намъ необходимо быть тамъ... къ 9-ти часамъ. И мы не смѣемъ опоздать! Ни за что! Ни за что!

Голосъ звенитъ и рвется...

Фонарь съ берега мигаетъ отъ вѣтра, но все же можетъ различить Амедъ при его слабомъ свѣтѣ неожиданно представшую передъ нимъ подъ резиновымъ плащомъ кудрявую бѣлокурую головку, капризный изломъ бровей, повелительно властный ротикъ и большіе-большіе синіе глаза,—совсѣмъ юное лицо съ прозрачной кожей и глаза, глубокіе, какъ сама Кура, почти что съ такою же буреи въ ихъ глубинѣ, буреи нетерпѣнія, мольбы и гнѣва.

— Намъ надо на ту сторону! Непремѣнно!

Уже не просьба, а приказаніе въ звонкомъ голоскѣ. И въ глазахъ то же. Губы складываются горделиво, строго.

— За полтумана *) вы перевезете насъ! — говорятъ онѣ—эти губы.

---

*) Туманъ—10 рублей.

И уже, повернувшись назадъ, другимъ тономъ добавляетъ энергичная молоденькая особа:

— Не бойтесь, мама! Входите на паромъ! А ее вы, Николай, поставьте сюда... Я буду ее держать обѣими руками... Сюда... Такъ... Прекрасно...

Мимо изумленнаго Амеда пронесли и поставили, прислонивъ къ доскѣ парома, какой-то безобразный черный предметъ, тотъ самый, что поразилъ его своимъ видомъ на берегу. Потомъ фигурка въ плащѣ протянула руку своей спутницѣ.

— Не бойтесь же, не бойтесь, мама... Сходите безъ страха.

— Но, Даня, дитя мое, я боюсь не за себя.

И тревога звучитъ въ низкомъ, грудномъ, надломленномъ голосѣ той, другой.

— Пустяки! Не волнуйтесь, мама, ради Бога... Опасность вовсе не такъ велика... Перевозчикъ получитъ цѣлыхъ пять рублей... Можно, кажется, постараться за эту сумму,—капризнымъ, не допускающимъ возраженія голосомъ доканчиваетъ молодая особа. Потомъ слегка киваетъ головой.

— Можете идти, Николай! На томъ берегу, я думаю, найдется возница для *нея*,—говоритъ она, указывая пальцемъ по направленію стоявшаго на доскѣ парома предмета.

Въ душѣ Амеда борются минутная тревога и радость.

Съ одной стороны, бѣшеныя волны рѣки могутъ сломать паромъ, какъ щепку, и тогда гибель имъ всѣмъ, всѣмъ безъ изъятія! Съ другой стороны—полтумана едва-ли когда-нибудь зарабатывалъ за двѣ недѣли онъ, перевозчикъ Амедъ!

Колебаній быть не можетъ...

Онъ перевезетъ ихъ!.. Перевезетъ!

И да хранитъ ихъ Аллахъ!

II.

СОВСѢМЪ не такъ страшно! Совсѣмъ!—говоритъ фигурка въ плащѣ.

Синіе глаза, похожіе на звѣзды, впиваются въ черную тайну волнъ.

— Мама, мама! Да неужели же вы боитесь?

Пожилая дама смотритъ, не отрываясь ни на минуту отъ клокочущихъ волнъ.

Волны заливаютъ паромъ, до колѣнъ захлестываютъ ноги... О, какой жуткій холодъ! Какая пронизывающая до костей ледяная вода!

Она вся мокра до нитки... Лихорадка трясетъ ее... И это сердцебіеніе... это сердцебіеніе! Какъ оно ужасно! Но она старается забыть о себѣ—и думаетъ только о своей юной спутницѣ—о Данѣ.

Даня—ея Даня!.. Хрупкое, какъ стебель тепличнаго

цвѣтка, существо! Ей ли выносить такіе ужасы—ей, Данѣ! Завтра будетъ простуда, можетъ быть горячка!.. Но иначе поступить онѣ не могли. Ихъ тамъ ждутъ. Если онѣ не поспѣютъ во-время, придется заплатить огромную неустойку, а у нихъ нѣтъ лишнихъ денегъ. Даня права. Ѣхать, переправиться необходимо!

Амедъ точно также чувствуетъ это. Его тѣло напряглось, вытянулось, какъ стрѣла. Мускулы сдѣлались стальными.

— Великъ Аллахъ и Магометъ Пророкъ его! — лепечетъ онъ и, напрягая всѣ свои силы, тянетъ за канатъ.

А вода захлестываетъ паромъ... Вода пѣнится, реветъ, клубится... Вода бѣснуется, заливая ихъ до колѣнъ...

Фигурка въ плащѣ прижала къ груди безобразный черный таинственный предметъ и держитъ его обѣими руками, обнявъ крѣпко, крѣпко.

Резиновый капюшонъ сползъ съ ея головки, волосы растрепались. Глаза сосредоточенно смотрятъ впередъ, въ темную даль...

Она вся мокра до нитки .. Въ головѣ вихрь мыслей. „Надо успѣть на ту сторону до закрытія лавокъ... Купить новую обувь... мамѣ и себѣ... А потомъ сейчасъ же отправиться туда... Только бы не опоздать, только бы не опоздать“...

А Кура реветъ, и клубятся ея холодныя волны...

Вдругъ невольно отвлекается въ сторону вниманіе фигурки въ плащѣ.

— Что-то плыветъ тамъ, вдали, прямо на насъ?.. Вы не видите, Амедъ?

Зоркимъ кошачьимъ взоромъ татаринъ впивается въ темноту.

Огромный остовъ, чудовищно длинный, какъ змѣя, не то плотъ, не то плоскодонная, громадныхъ размѣровъ лодка, мчится на нихъ, прямо на нихъ, мчится прямо на паромъ.

— Алла верды! Да это плотъ! Огромный плотъ изъ стволовъ деревьевъ, какой спускаютъ дальніе жители внизъ по Курѣ для продажи дровъ на базарѣ въ Гори!

Очевидно плотъ снесло по рѣкѣ. Онъ мчится по волѣ волнъ. Ни одной человѣческой фигуры не видно на немъ. Черный, тяжелый, онъ несется со стихійной быстротой по волнамъ.

— Клянусь бородой Пророка!—не совсѣмъ твердымъ голосомъ бросаетъ Амедъ, — если онъ сшибется съ нашимъ паромомъ, мы не выдержимъ, разобьемся и...

— Такъ скорѣе же! Ради Бога, скорѣе впередъ!

— Что можно сдѣлать противъ воли Аллаха!—отвѣчаетъ угрюмо Амедъ.

— О!

Крикъ отчаянія вырывается изъ груди обѣихъ женщинъ.

Ихъ блѣдныя лица, застывшія отъ ужаса, рельефно обрисовываются на фонѣ ночи.

Амедъ, едва-ли не менѣе блѣдный и потрясенный, нежели онѣ, усиленно перебираетъ канатъ руками.

Если паромъ успѣетъ отплыть со середины рѣки, плотъ не задѣнетъ его... и тогда—спасенье!

— Даня! Даня! Бѣдная ты моя Даня!

Пожилая женщина обвила руками свою юную спутницу... Слезы градомъ катятся у нея изъ глазъ.

— Если суждено—умремъ вмѣстѣ! Господи, спаси насъ! — шепчетъ она и незамѣтно креститъ холодной, какъ ледъ, рукой бѣлокурую головку...

А роковой плотъ все ближе, ближе...

Амедъ, съ дико округлившимися отъ ужаса глазами, работаетъ что есть мочи. Но паромъ подвигается черепашьимъ шагомъ, въ то время какъ плотъ несется стремительно, со страшной быстротой.

Плотъ несетъ гибель... Это несомнѣнно. Вопросъ гибели теперь развѣ въ минутахъ, въ секундахъ, можетъ быть...

Синіе глаза молодой дѣвушки въ плащѣ пронизываютъ тьму... Одна рука ея обвила плечи матери, другая странный предметъ, тѣснѣе прижавъ его къ груди.

— Боже мой, неужели намъ суждено здѣсь погибнуть?—шепчутъ дрожащія уста дѣвушки.

* * *

— Амедъ, ты?

— Я!

— Брось паромъ... Мы здѣсь... Прыгайте въ лодку...

— Спасены!

Большая темная, ныряющая въ волнахъ лодка, вѣрнѣе, катеръ, подплываетъ неожиданно къ парому, вынырнувъ изъ тьмы ночи.

Въ ней нѣсколько человѣкъ, лица которыхъ трудно различить.

— Спасены!

Два женскіе голоса слились въ одинъ.

— Слава Тебѣ, милостивый Господь!

Съ кормы лодки поднимается кто-то.

— Безуміе плыть въ такую бурю! — говоритъ сильный гортанный молодой голосъ. — Всѣ, кто на паромѣ, торопитесь прыгать сюда.

— Никакъ сама княжна съ вами?—изумляется Амедъ.

— Не время разсуждать! Помоги твоимъ попутчикамъ сойти къ намъ и сходи самъ.

Еще фигура поднялась съ кормы лодки и, съ трудомъ удерживая равновѣсіе отъ качки, протянула руки впередъ. Пожилая женщина, съ помощью Амеда, сошла съ парома въ лодку первая. За ней синеглазая дѣвушка въ плащѣ, не выпуская изъ рукъ странный черный предметъ. Послѣднимъ прыгнулъ Амедъ.

Лодка зашаталась, закачалась и снова заметалась по бѣснующейся Курѣ. Она съ трудомъ борется со сти-

хіей. Она носится по бушующимъ, клокочущимъ волнамъ, какъ жалкая щепка или ничтожный игрушечный корабликъ...

— Держи прямо на перевозъ, Аршакъ...

— Слушаю, княжна!

Трахъ!!!

Страшный, оглушительный трескъ, точно водяной царь разбилъ въ гнѣвѣ свою грозную палицу о подводные камни Куры...

Это плотъ налетѣлъ на паромъ, разбилъ его вдребезги...

— Какое счастье, что мы успѣли!

— О!

Сердце пожилой женщины сжалось въ ледяныхъ тискахъ.

Не подоспѣй этотъ спасительный съ невѣдомыми людьми катеръ, она и ея Даня пошли бы на дно..

Болью, почти невыносимой, зажглось сердце пожилой женщины. Что-то давитъ грудь, что-то душитъ горло камнемъ, разрастаясь въ немъ.

Она хватается за бокъ и съ легкимъ крикомъ падаетъ на корму...

— Мамѣ худо!.. У нея сердечный припадокъ!— крикъ, похожій на вопль, вылетаетъ изъ груди той, которую зовутъ Даней.

— Мама, мама! Голубушка! Не волнуйся! Опасности больше нѣтъ никакой!

Блѣдное, трепетное лицо склоняется надъ больною.

— Что дѣлать? Что дѣлать?—ломая руки, лепечетъ взволнованный голосъ.

И снова звучитъ гортанный, полный повелительныхъ, не женственныхъ нотокъ, властный приказъ:

— Держи правѣе, Аршакъ! Амедъ, садись на весла за меня! Я помогу больной... Сандро, ты совсѣмъ выбился изъ силъ, мой мальчикъ. И ты, Селимъ, тоже.

— Святая Нина, покровительница Грузіи, помогаетъ намъ, другъ!

— Самъ пророкъ вдохнулъ въ меня силы! Чувствую это!

Два звонкіе, чистые полуюношескіе, полудѣтскіе голоса отзываются, слившись въ одинъ.

— Тогда соберите силы, друзья, и гребите во всю. Берегъ въ двухъ саженяхъ только...

Стопъ!

Катеръ ударяется съ такой стремительностью, что находящійся въ лодкѣ рулевой падаетъ на колѣни на дно.

— Хвала свѣтлымъ духамъ. Мы доѣхали, джанымъ-княжна *)!

— Берегъ! Берегъ!

Кто-то легкій и гибкій, прыжкомъ дикой кошки, прыгаетъ на уступъ береговой скалы.

---

*) Джанымъ—душа, душенька (ласкательное).

— Давайте руки... Я помогу... Къ переѣзду нельзя... Кура затопила самый переѣздъ! Выходи первая, княжна...

— Нѣтъ, нѣтъ! Вынесемъ сперва больную! Зацѣпляй багромъ, Амедъ. Зацѣпляй багромъ...

Рѣка покрываетъ крики... Рѣка стонетъ и бѣсится въ безсильномъ гнѣвѣ объ упущенныхъ жертвахъ.

Съ трудомъ цѣпь лодки обвиваетъ столѣтній стволъ береговой чинары...

На скалѣ копошатся люди, зажигая фонарь...

Лодку подкидываетъ и бьетъ о прибрежные камни...

— Бога ради осторожнѣе!.. Больная въ обморокѣ. Сандро, Селимъ и ты, мой добрый старина Михако, поручаю ее вамъ, друзья...

Гортанный, характерный кавказскій говоръ и до странности четкая, чистая русская рѣчь...

Одинокій фонарь перевоза, чудомъ не затушенный бурей, слабо мерцаетъ. Другой на скалѣ.

Тихо и бережно выносятъ больную на берегъ подальше отъ жадныхъ и жестокихъ, чудовищныхъ волнъ... Даня, глотая слезы, идетъ подлѣ матери, согрѣвая ея похолодѣвшую руку въ своихъ.

У перевоза ждетъ коляска.

— Я приказала выѣхать на всякій случай,—отрывисто говоритъ тотъ же гортанный голосъ, обращаясь къ Данѣ.—Положите туда больную.

И повысивъ его до крика, бросаетъ въ темноту:

— Валентинъ! Ты здѣсь?

— Здѣсь, другъ, и со мною Павле!

— Подъѣзжайте ближе, сюда!

Изъ-за купы густо сросшихся чинаръ медленно выкатывается просторная коляска. За нею крошечный кабріолетъ.

Фонари очевидно потухли подъ бѣшенымъ дыханіемъ вѣтра. Но потайной фонарикъ нашелся подъ буркой той, кого зовутъ то „княжной“, то „другомъ“.

При свѣтѣ этого фонаря больную, все еще находящуюся въ обморочномъ состояніи, осторожно укладываютъ на сидѣнье коляски. Незнакомка, бережно обнявъ ее, помѣщается подлѣ.

— Садитесь!—тономъ, не допускающимъ возраженій, говоритъ она Данѣ, стоящей у подножки экипажа.

— Но... я не могу ѣхать... съ вами... Мнѣ необходимо сейчасъ же туда... въ концертъ,—говоритъ она дрожащимъ, рвущимся отъ волненія голосомъ и, передохнувъ, продолжаетъ:—у мамы обычный сердечный припадокъ... Это не въ первый разъ... Это пройдетъ... Ради Бога, не можете ли вы взять ее къ себѣ на время, пока я... пока... я не выполню своей обязанности... Потомъ я заѣду за ней... Мы пріѣзжія и остановились въ духанѣ на той сторонѣ... Но туда немыслимо попасть теперь... Ночью я перевезу ее въ гостиницу... Но пока... пока вы оставите ее у себя, не правда-ли?

Синіе глаза полны мольбы. Гордыя губы съ вла-

стнымъ капризнымъ изгибомъ просятъ трогательно и безпомощно.

Ручной фонарикъ мелькаетъ на мгновенье передъ блѣднымъ личикомъ и синими глазами.

— Боже мой! Да вы совсѣмъ ребенокъ! — восклицаетъ изумленно гортанный голосъ,—какъ же отпустить васъ одну такъ поздно?..

Минута молчанія, колебанья, потомъ уже мягко гортанный голосъ раздается опять:

— Будьте покойны, дитя. Я позабочусь о вашей матери. Поѣзжайте, если вамъ надо. Аршакъ проводитъ васъ въ кабріолетѣ и привезетъ обратно ко мнѣ, то-есть къ вашей матери. Я позабочусь о ней.

— Спасибо! Спасибо! Я не знаю, какъ благодарить васъ! Я даже не могу различить въ темнотѣ вашего лица. А между тѣмъ вы спасли жизнь мамѣ и мнѣ... Кто вы? Дайте мнѣ хоть взглянуть на васъ! Какъ ваше имя?

— Я—другъ!—тихо-тихо звучитъ ласковый отвѣтъ,— вы увидите меня скоро... Кончайте ваши дѣла... Аршакъ доставитъ васъ ко мнѣ. Жаль только, что вы такъ спѣшите. Вамъ бы надо переодѣться, перемѣнить обувь...

— Нѣтъ, нѣтъ! Я высохну по дорогѣ... Я и такъ опоздала... Только не оставьте маму... Ради Бога, позаботьтесь о ней!..

— Будьте покойны, дитя!

— Благодарю!

Даня крѣпко сжимаетъ протянутую руку, потомъ быстро вскакиваетъ на подножку, цѣлуетъ похолодѣвшее лицо матери и садится въ кабріолетъ подлѣ Аршака, осторожно уложивъ на переднемъ сидѣньѣ захваченный съ собою молчаливый странный предметъ.

— Можно ѣхать! Только поскорѣе! Прошу васъ, поскорѣе.

— Да, да! Княжна-джанымъ приказала, значитъ можно!—отвѣчаетъ почти невидимый во мракѣ Аршакъ и трогаетъ вожжами лошадь.

Позади нихъ остается маленькая толпа людей.

— Съ Богомъ! Возвращайтесь скорѣе! Будемъ васъ ждать!—раздается въ догонку гортанный голосъ.

Какой милый этотъ еще такъ мало знакомый, но уже безконечно близкій голосъ неизвѣстной спасительницы!

— Кто она—ваша княжна?—обращается Даня нетерпѣливо къ своему невидимому сосѣду, когда они отъѣхали немного отъ коляски и людей.

— Какъ?! ты не знаешь, госпожа?! — восклицаетъ тотъ съ удивленіемъ.

— Святая Нина, просвѣтительница Грузіи! неужели вы не слышали ничего о „другѣ“ и „княжнѣ“?—прибавляетъ онъ.

Даня, нетерпѣливая отъ природы, начинаетъ волноваться:

— Скажите же кто она! Кто спасъ меня и мою мать отъ смерти?

— Кто?—голосъ ея сосѣда вздрагиваетъ отъ затаенной гордости, когда онъ говоритъ:—Кто она? Она солнце и счастье Джаваховскаго гнѣзда! Она роза Гори и орлица Дагестанскихъ горъ! Она улыбка ангела и благоуханная азалія долины! Она—названная княжна Джаваха, Нина Бекъ-Израилъ.

III.

ДЕВЯТЬ часовъ вечера. Концертъ, устроенный въ залѣ учительской семинаріи въ Гори, въ самомъ разгарѣ.

Уже проигралъ на скрипкѣ чахоточный артистъ изъ Тифлиса, и вся розовая отъ смущенія любительница-исполнительница цыганскихъ пѣсенъ успѣла пропѣть нѣсколько задорно веселыхъ вещицъ и столько же грустныхъ, а высокій, бритый, плотный человѣкъ уже передалъ „на бисъ“ комичный разсказецъ о поросенкѣ. Наступало время исполненія одного изъ самыхъ интересныхъ нумеровъ концерта: юная, очень талантливая артистка, изъ Петербурга, должна была выступить на эстрадѣ собранія и исполнить нѣсколько „нумеровъ“ на арфѣ.

Въ афишахъ не было указано, какія пьесы она ис-

полнитъ, потому что молодая артистка была импровизаторшей на арфѣ: она сама сочиняла всѣ тѣ пьесы, которыя исполняла въ концертахъ и сочиняла ихъ тутъ-же, во время игры, „импровизировала“ ихъ. Это еще болѣе усилило интересъ къ необычайной артисткѣ, не учившейся, какъ говорили, ни въ одной школѣ, и между тѣмъ успѣвшей пріобрѣсти уже громкую извѣстность. Арфистка была въ полномъ смыслѣ талантъ-самородокъ, взлелѣянный на свободѣ.

Послушать юную петербургскую гостью собралась самая разнообразная, самая пестрая публика, какая только бываетъ въ Гори. Тутъ были и армяне, и грузины, и русскіе; были горцы въ своихъ живописныхъ костюмахъ, были мужчины и женщины, старики и юноши, пожилыя дамы и молоденькія барышни, словомъ, настоящая толпа закавказскаго гнѣздышка, притомъ шумная, нетерпѣливая.

— Гдѣ же эта артистка? Развѣ ея нѣтъ въ залѣ?— спрашивали слушатели другъ друга.

Грузинскій, армянскій и русскій говоръ слился воедино.

— Что же, однако! Неужели еще не явилась?

Но артистки не было. Она, очевидно, опоздала.

— Возможно, что и совсѣмъ не пріѣдетъ,—говоритъ какой-то полный армянинъ.

— Да и не мудрено,—замѣчаетъ другой.—Въ такую погоду переправляться черезъ Куру рискованно.

— Не только рискованно, а просто опасно!—вскрикиваетъ первый.

— Очень жаль, если концертъ окончится безъ нея. Только ради нея я билетъ взялъ,—говоритъ кто-то, вмѣшиваясь въ разговоръ.

— Я потребую деньги обратно, если она не выступитъ,—сердито произноситъ высокій черкесъ.

Вдругъ въ залѣ появляется какой-то господинъ, похожій на артиста, и заявляетъ:

— Пріѣхала, сейчасъ только пріѣхала!.. Говорятъ, Кура сорвала паромъ, не было переправы... Остановилась въ духанѣ за рѣкою... Что мудренаго, что опоздала! Бѣдняжка!

Встревоженный, взволнованный, чуть живой отъ хлопотъ, распорядитель проносится по залѣ, вылетаетъ на эстраду, блѣдный, съ горящими глазами, съ типичными глазами грузина, и анонсируетъ во весь голосъ:

— Администрація концерта проситъ извиненія у снисходительной публики... Госпожа Надежда Ларина опоздала не по своей винѣ. На Курѣ буря, смыло переправу. Артистка была на волосъ отъ смерти... Сейчасъ обсушится и выйдетъ играть...

Громъ аплодисментовъ покрылъ рѣчь распорядителя...

* * *

Съ горящими синимъ пламенемъ глазами, съ блѣднымъ, взволнованнымъ лицомъ, въ скромномъ черномъ

платьѣ, едва успѣвшемъ высохнуть у камина въ вестибюлѣ, съ туго самой природой завитыми бѣлокурыми кудрями, тоненькая, какъ гибкая тростинка, нѣсколько миніатюрная для своихъ 15 лѣтъ, Даня Ларина выходитъ на эстраду.

Подъ взрывъ аплодисментовъ садится она на стулъ, привычными руками обнимаетъ арфу, кладетъ тонкіе длинные бѣлые пальчики на ея холодныя пѣвучія струны... Минуты три настраиваетъ ихъ, увѣренно, спокойно, смѣло...

О, ей не привыкать стать къ этимъ выходамъ, къ этой толпѣ!.. Вѣдь она давно обречена на жизнь странствующей арфистки... Это ея чуть-ли не двадцатый концертъ. Уже годъ, какъ она ѣздитъ съ матерью, ея учительницей въ то же время, бывшей когда-то настоящей артисткой, обожавшей арфу и учившейся играть на ней много лѣтъ. Ѣздитъ, кочуя изъ города въ городъ... У нея нѣтъ школы, но зато есть талантъ. Съ дѣтства и мать, и всѣ окружающіе, кто зналъ ее, Даню, твердили ей это.

Талантъ! Да, она сама лучше, чѣмъ кто-либо другой, знаетъ это!

Она рождена для славы! Для одной только славы!

Мать говоритъ ей часто:—„Если бы ты имѣла возможность поступить въ музыкальные классы, изъ тебя вышла бы большая музыкантша, крупная, рѣдкая надиво!“

Но, увы! Этого нельзя!

Съ тѣхъ поръ, какъ у Анны Михайловны Ларионой болѣзнь сердца, она должна была бросить уроки, которые давала до сихъ поръ; и Даню учить не можетъ больше: нѣтъ физическихъ силъ... Нанять же учителя—дорого.

Не для нихъ, нищихъ—школа!

А тутъ еще изъ гимназіи исключили Даню за нерадѣніе, за лѣнь, за рѣзкость...

Пришлось превратить дѣвочку въ странствующую арфистку, чтобы зарабатывать свой хлѣбъ импровизованной игрой на арфѣ.

Когда-то, когда жилъ отецъ, они не нуждались. Потомъ обнищали. Въ душѣ Даня не можетъ примириться со своей участью. Даня считаетъ себя сказочной царевной, превращенной въ бѣдную арфистку по волѣ злой колдуньи-судьбы. И вѣритъ, вѣритъ въ то, что не долги колдовскія чары, что силою своего таланта она разобьетъ ихъ и что онѣ съ матерью будутъ еще знатны и богаты и всѣ станутъ завидовать имъ.

Даня—тщеславна. Роскошь, власть надъ людьми—влекутъ ее къ себѣ съ дѣтства, притягиваютъ какъ магнитъ.

Въ мечтахъ она всегда такъ и рисуетъ себя зачарованной царевной изъ сказки. И любитъ, безконечно любитъ себя...

Въ своемъ скромномъ черномъ платьѣ и еще не высохшихъ вполнѣ и обезображенныхъ водою башмакахъ, юная концертантка все же улыбается смѣло, гордо и побѣдно.

Ея сила—въ ея игрѣ.

Она—талантъ,—красивый, юный, своеобразный. И при помощи его она достигнетъ власти надъ людьми, надъ злой и жестокой судьбою...

И гордая, вдохновенная этимъ сознаніемъ, она улыбается ясно и кладетъ пальцы на струны.

* * *

Первый аккордъ!

Все стихло въ залѣ,—и полилась пѣснь... Все пережитое въ дѣтствѣ, въ отрочествѣ, въ юности выразилось въ ней...

Раздались звуки, тихіе, баюкающіе, какъ колыбельная пѣснь...

Сквозь ихъ серебристую сѣтку встаетъ розовая дѣтская, маленькая бѣлая постелька... Въ ней Даня... Она протягиваетъ ручонки, смѣется:

— Мама! Папа! Подойдите ко мнѣ.

Подходятъ оба, улыбаются, цѣлуютъ, ласкаютъ.

О, какая крошечка! Какой душонокъ ихъ дорогая дѣтка. Бѣлокурые кудри, синіе глаза,—маленькая фея! А слухъ! Какой у нея слухъ!.. Въ три года она уже наигрываетъ несложную пѣсенку, заученную у матери.

Талантъ!

Радость, счастье, солнце и розы ждутъ ихъ Даню.

. . . . . .

Какіе скорбные, скорбные звуки!

Зачѣмъ ты извлекаешь ихъ изъ нѣдръ своихъ, золотая, прекрасная, пѣвучая арфа?

Нарядная пестрая публика безпокойно тоскуетъ на своихъ мѣстахъ...

А звуки все летятъ и стонутъ, стонутъ...

Они говорятъ о томъ, чѣмъ полна теперь Данина душа...

Какой мракъ! Какая темнота!

Завѣшены плотно чѣмъ-то бѣлымъ зеркала въ гостиной... Посрединѣ черный гробъ... Въ немъ отецъ съ печатью на лицѣ непроницаемой, ему одному вѣщей, тайны... И этотъ напѣвъ печальный и протяжный: „Со святыми упокой!“

И плачъ матери... И стонъ тоски и перваго недѣтскаго горя, вырванный смертью родимаго изъ груди ея, Дани!

О, этотъ стонъ! Ты сумѣлъ хорошо повторить его, гордый, красивый инструментъ!..

. . . . . .

И еще звуки...

Игривые, нѣжащіе, сверкающіе, какъ весенніе ручейки... Звуки—плески...

Гимназія... Первыя грезы отрочества, первыя подруги...

Смѣхъ, шутки, игры и восторгъ, дѣтскій чистый восторгъ, передъ ея—Данинымъ талантомъ.

Прибѣгаютъ слушать по вечерамъ подруги въ ихъ убогую квартирку, слушать ее, Даню, играющую на арфѣ. И плачутъ, растроганныя, увлеченныя ея „захватомъ“.

У нея будущее—свѣтлое будущее сказочной царевны.

А разъ будущее и талантъ — къ чему учиться?

Не учится Даня. Грубитъ. Лѣнится. Гордынл обуяла ее... Она—талантъ!

Ее исключаютъ. Осмѣянная уходитъ она, но все же гордая, какъ эти звуки арфы, какъ сказочная царевна.

. . . . . .

Опять рыдаетъ золотая струна...

Стонетъ аккордами арфа... Въ ея пѣснѣ новое горе невѣдомой тоски. Мать болѣетъ, слабѣетъ съ каждымъ днемъ. Болѣзнь сердца... А жить такъ надо, такъ надо для Дани. Для нея одной.

. . . . . .

Первый концертъ!

О, ликуй, ликуй, золотой, прекрасный, сказочный лебедь!.. Мчитесь побѣдно, пламенемъ зажигайтесь, радостные, дивные звуки!

Какой успѣхъ! Она, Даня—царица вечера, царица концерта, признанный людьми недюжинный талантъ!

О, милая арфа! О, милая золотая подруга!

Какъ она пѣла въ тотъ вечеръ!.. Какъ пѣла! Казалось, сами струны играли, рѣя какъ птицы, волшебныя, сказочныя птицы съ алмазными сверкающими перьями одеждъ!

И сейчасъ она поетъ также...

Звуки растутъ, могучіе, и сплетаютъ ей, Данѣ, вѣнецъ, діадему сказочныхъ грезъ зачарованной царевнѣ...

Раздвигаются бѣлыя стѣны... Исчезаетъ пестрая толпа... Воздвигается дворецъ изъ яшмы и граната... Она тамъ на мраморныхъ ступеняхъ... А передъ ней склоняются толпы невольниковъ, подданныхъ, вельможи и цари...

Она—могучая царевна... Она дочь таланта! Его любимое, желанное дитя!

У нея власть надъ людьми. Она знатна и богата! О ней говорятъ и преклоняются всѣ передъ ней...

Теперь арфа уже не стонетъ, не рыдаетъ... Гордо, побѣдно и властно звучитъ торжествующая пѣснь...

* * *

Публика стихла... Точно замерла... Слышенъ, кажется, полетъ мухи въ огромной залѣ... Глаза впились въ юную арфистку... Въ ушахъ мелодія звуковъ ея чарующей, полной свѣта, солнца и образовъ, игры.

Умолкла арфа... Замолчали струны... Оборвалась пѣснь... Но не минуло очарованье...

Даня встала, торжествующая, какъ только что сыгранная ею импровизованная мелодія, блѣдная, еще не очнувшаяся отъ вдохновенія, съ яркими синими звѣздами загорѣвшихся пламенныхъ глазъ.

Встала и съ горделивымъ достоинствомъ наклонила бѣлокурую головку...

Мгновенное молчаніе... Тишина... Но уже спустя минуту, громъ аплодисментовъ летитъ навстрѣчу артисткѣ...

IV.

—МОЛОДАЯ арфистка еще здѣсь? Мнѣ надо поговорить съ нею!

Въ дверяхъ собранія стоитъ статный, плотный, широкоплечій мальчикъ, вѣрнѣе, юноша, лѣтъ 15-ти на видъ. На немъ сѣрый бешметъ съ козырями. Вокругъ таліи чеканный поясъ. За поясомъ кинжалъ, изящный, небольшой, съ усыпанной камнями рукояткой. Въ рукахъ бѣлая папаха. Черные кудри падаютъ на лицо, на бѣлый высокій лобъ, на гордыя, тонкія брови, на мечтательно-задумчивые глаза — глаза грузина.

— Я Сандро, Сандро Данадзе, изъ Джаваховскаго гнѣзда,—говоритъ мальчикъ распорядителю концерта, столкнувшемуся съ нимъ въ залѣ,—я посланъ сюда

княжною Ниной за пріѣзжей арфисткой. У насъ несчастье въ гнѣздѣ.

— Что? Что такое случилось?

— Отъ Бекъ-Израилъ я посланъ сюда. Гдѣ барышня-арфистка, пріѣзжая изъ Петербурга?

Быстрымъ взоромъ окинувъ залъ, Сандро замѣчаетъ ту, которую ищетъ.

Нѣсколько шаговъ и онъ у эстрады, посреди которой стоитъ Даня. Она еще кланяется, полная достоинства, сознанія своего превосходства. Толпа ей бѣшено рукоплещетъ.

Сандро видитъ блѣдное, вдохновенное лицо, горящія синія звѣзды глазъ. И острая жалость колючей струею вливается ему въ сердце.

— Бѣдная! Бѣдная! Она не знаетъ ничего!

Тремя прыжками, ловкій, какъ кошка, онъ пролетаетъ лѣстницу, ведущую на эстраду.

— Что вы дѣлаете! Туда нельзя! Постороннимъ входъ туда воспрещенъ!—несется ему вслѣдъ взволнованный недовольный говоръ.

Но уже поздно. Онъ на эстрадѣ. Вытянулъ шею, протянулъ руку.

— Послушайте...—роняетъ онъ быстро,—поѣзжайте скорѣе домой... „Другъ“ послалъ меня за вами... Ваша... мать... Ей очень худо... Она хочетъ васъ видѣть!.. Сейчасъ же ѣдемъ туда!..

— Вы говорите, съ мамой худо!?

Точно страшная черная туча разорвалась съ тре-

скомъ надъ головой Дани... Точно грянулъ грозный ударъ грома надъ бѣлокурой головкой юной арфистки, еще не остывшей отъ сладкаго экстаза и упоенія только что одержанной музыкальной побѣдой.

Руки Дани крѣпко цѣпляются за сильныя, широкія плечи юноши. Ея лицо вмигъ покрывается прозрачной блѣдностью ужаса, смертельнаго страха.

— Вашей матери дурно... У нея страшно-сильный припадокъ... Она зоветъ васъ!

— Сейчасъ! Сейчасъ!

Смутно, какъ во снѣ, Даня направляется къ выходу... Слѣдомъ за нею кто-то приказываетъ нести арфу... Чья-то рука предупредительно всовываетъ ей въ руку конвертъ съ деньгами—условную плату за участіе въ концертѣ... Не видя и не слыша гремѣвшихъ ей вслѣдъ аплодисментовъ, Даня выбѣгаетъ на улицу со смятенной душой.

— Аршакъ! Подавай скорѣй!—кричитъ Сандро и помогаетъ сѣсть въ кабріолетъ своей спутницѣ.

— Скорѣе! Скорѣе во имя святой Нины, Аршакъ!

— Мчусь, какъ горный джайранъ... Не медлю ни минуты...

Улицы Гори слабо освѣщены. Многіе фонари затушены бурей. Другіе еще стойко борются съ нею. Кабріолетъ не катится, а летитъ какъ птица, едва касаясь колесами мостовой.

— Скажите мнѣ, что съ мамой! Ради Бога, скажите!

Голосъ Дани глухъ, чуть слышенъ теперь. Но Сандро его все же разслышалъ. И онъ отвѣчаетъ почти крикомъ, заглушая вѣтеръ и бурю:

— „Другъ“, я и Селимъ привезли ее въ „Гнѣздо“, внесли въ кунацкую, положили на тахту... „Другъ“ далъ ей понюхать лекарства... И она пришла въ себя... стала звать васъ... допытываться, гдѣ вы... стала плакать и жаловаться на боль... Потомъ опять съ ней случился припадокъ... Тогда „другъ“ сказалъ мнѣ: — „Сандро, бери Ворона и мчись въ собраніе... Найди эту дѣвочку и вези сюда“. И Сандро оставалось повиноваться.

— Вы были верхомъ? Гдѣ же лошадь?

— Селимъ сопровождалъ меня. Онъ бѣгаетъ какъ стрѣла. Мы были у подъѣзда собранія почти въ одно время, я конный, онъ пѣшій... Сейчасъ онъ уже дома съ конемъ!

— Батоно *), и мы дома сейчасъ!

Это говоритъ Аршакъ, поворачиваясь съ передняго сидѣнья.

Сердце Дани вспыхиваетъ и дрожитъ...

Городъ съ его узкими азіатскими улицами и широкими площадями остался за ними.

Они въ предмѣстьѣ.

Темныя купы огромныхъ деревьевъ стоятъ кругомъ. Сквозь нихъ свѣтятся огоньки, точно камни въ

---

*) Господинъ.

діадемѣ ночной царицы... Въ темнотѣ слышенъ ревъ, угрожающій, призывный и страшный... Дьявольскій ревъ!..

— Это Кура. Не бойтесь... Она здѣсь сейчасъ подъ горой... Какъ видно, за ночь не утихнетъ буря... Но вотъ мы и пріѣхали... Выходите и довѣрьте мнѣ вашу ношу... Не бойтесь... Сандро обойдется осторожно съ ней.

— Это арфа...

— Знаю.

Изъ-за купы чинаръ вынырнула высокая гибкая фигура съ фонаремъ въ рукахъ.

— Сандро, ты?

— Я. Ты уже дома, Селимъ!

— А ты какъ думалъ? Или Аллахъ не наградилъ Селима парою ногъ, сильныхъ, какъ орлиныя крылья? Или Селимъ жалкая дѣвчонка, что не умѣетъ справиться съ конемъ?

— Но ты загналъ Ворона до полусмерти, несчастный! Я слышу, какъ онъ тяжело дышитъ у воротъ.

— Ха, ха! Или ты забылъ, что Воронъ и Селимъ оба родомъ изъ Кабарды, и что горецъ больше жизни щадитъ коня?

Гортанный, характерный татарскій говоръ звучитъ насмѣшкой.

Но Даня не слышитъ и не видитъ того, кто освѣщаетъ ей путь. Свѣтъ фонаря падаетъ на широкую

чинаровую аллею. Деревья глухо шумятъ, переговариваясь съ бунтующей Курой...

Вдали показывается гостепріимно освѣщенное всѣми окнами зданіе, съ плоской кровлей, обнесенное крытой галлереей.

Кто-то проворно сбѣгаетъ со ступеней крыльца.

— Это вы Селимъ, Сандро?

— Мы! Мы! И привезли *ее* ..

— Скорѣе! Скорѣе!

Голосъ нѣжный и мягкій, какъ шелестъ вѣтра, какимъ-то чудомъ долетаетъ до ушей Дани сквозь вопли бури и ревъ Куры...

На этотъ голосъ бросается Даня.

Передъ ней невысокая, худенькая дама, съ нѣжнымъ, немного усталымъ лицомъ. При освѣщенныхъ окнахъ ясно видны ея черты во мракѣ темной ночи. Блѣдное, трогательно-кроткое лицо съ огромными, черными, грустными глазами. Изъ-подъ башлыка бурки, накинутаго на голову, выбиваются черные же съ замѣтною сѣдиной волосы.

„Точно у мамы!“—вихремъ проносится въ головѣ Дани, и, движимая непонятнымъ влеченіемъ, она бросается незнакомкѣ на грудь.

— Бѣдное дитя! Бѣдное дитя!

Руки неизвѣстной дамы обвиваютъ плечи Дани, губы мимолетно касаются ея лба.

— Идемъ скорѣе, идемъ!

Цѣлый снопъ яркаго свѣта... Послѣ темноты улицъ и сада онъ нестерпимъ. Глаза, широко раскрытые до сихъ поръ, ослѣпленные яркимъ свѣтомъ, смыкаются сейчасъ помимо воли и въ первую минуту не могутъ ни разглядѣть, ни увидѣть ничего.

Но понемногу они начинаютъ различать...

Большая просторная комната. Бухаръ *) восточнаго типа съ огромнымъ отверстіемъ для топки. На полу войлокъ и ковры. Коврами же покрыты пестрыя тахты. Углубленія въ стѣнѣ въ видѣ креселъ. Дрова пылаютъ въ каминѣ. Висячая лампа яркимъ огнемъ озаряетъ комнату.

— Сандро, ты побудешь съ гостьей, а я пойду, приготовлю больную... Погрѣйтесь у бухара, дитя мое!

Незнакомая дама говоритъ это ласково, мягко и нѣжно, такъ нѣжно, что отъ словъ ея замираетъ острый приливъ страха и тоски.

Даня успокаивается

При свѣтѣ лампы лицо незнакомки еще болѣе влечетъ ее къ себѣ. Такое чарующее, такое скорбно-прелестное лицо! Точно добрая волшебница, повстрѣчавшаяся ей въ пути.

Но волшебница исчезаетъ, мягко ступая по коврамъ.

Передъ ней Сандро.

— Это наша рабочая комната,—говоритъ онъ,—мы

*) Каминъ.

занимаемся здѣсь за большимъ столомъ. А рядомъ кунацкая, горница для пріема гостей. Тамъ сейчасъ ваша мать... Здѣсь наше царство.

— Чье „наше“?—роняетъ машинально Даня, чтобы что-нибудь сказать, въ то время какъ уши ея напряженно-внимательно ловятъ каждый звукъ за стѣною, стараясь угадать, что происходитъ тамъ, за дверьми.

— Наше — то есть дѣтей Джаваховскаго гнѣзда. Наше—то есть Гемы, Валентина, Селтонетъ, Селима, Маруси и мое...

— Вы сироты?..

— Да... „Другъ“—намъ все... „Другъ“—намъ мать, отецъ, учитель... Она солнце, восшедшее надъ Джаваховскимъ гнѣздомъ... Тетя Люда—ея помощница. Намъ хорошо здѣсь, какъ вечернимъ звѣздамъ въ бархатномъ небѣ.

— Вы русскій?

— Я алазанецъ, грузинъ. И Гема тоже. Мы братъ и сестра.

— А Селимъ?

— Онъ родомъ изъ Кабарды, также и Селтонетъ. Маруся—кубанская казачка, а Валентинъ...

Онъ хочетъ прибавить что то, но внезапно прикладываетъ палецъ къ губамъ.

Странный взволнованный шопотъ привлекаетъ вниманіе обоихъ. Какая то возня. Потомъ знакомый повелительный голосъ бросаетъ властно:

— Ни съ мѣста! Говорю тебѣ, ни съ мѣста, Селтонетъ!

И легкіе быстрые шаги за дверью.

Фраза, готовая вырваться изъ груди Сандро, замираетъ на губахъ.

Даня широко раскрываетъ глаза отъ изумленія.

— Кто это?

На порогѣ комнаты странное видѣніе: пестрый шелковый кафтанъ, алыя шальвары, на головѣ легкое, какъ дымъ, покрывало поверхъ шапочки, низко насаженной на лобъ. Цѣлая масса монистъ и ожерелій вокругъ смуглой, тоненькой шеи. Среди черныхъ смоляныхъ косичекъ, извивающихся вдоль плечъ и стана — мглистые, пламенные, огромные, остановившіеся въ созерцаніи, глаза. Странные глаза, любопытные и упрямонастойчивые, лукавые и недобрые въ одно и то же время. Ноздри вздрагиваютъ. Взоръ скеркаетъ. Хищной улыбкой пріоткрытъ пунцовый, съ бѣлыми миндалинами зубовъ, маленькій ротъ.

Двумя прыжками отдѣляется отъ двери странное видѣніе, подбѣгаетъ къ Данѣ и однимъ взмахомъ рѣсницъ, длинныхъ и прямыхъ, окидываетъ ее всю.

Потомъ протягиваетъ руку по направленію къ двери.

— Ты дочка той, что лежитъ тамъ?

— Да!—помимо воли срывается съ губъ Дани.—Ей хуже? Она умираетъ? Скажите же!

Странное существо глядитъ во всѣ глаза, не отвѣчая ни слова.

Глядитъ, точно изучаетъ Даню, точно старается запомнить ее всю,—въ одно мгновеніе всю... Потомъ поднимаетъ высоко руку и лепечетъ таинственно:

— Сердце... у той... у гостьи въ кунацкой... уже не стучитъ... Селтонетъ клала ей руку на бокъ... Сердце молчало... Ангелъ Израилъ пролетѣлъ мимо и взялъ ее къ Аллаху на небеса... Ты опоздала... Твоя мать умерла!.. Это такъ же вѣрно, какъ зовутъ меня Селтонетъ!

— Ааа!

Крикъ, похожій на стонъ, срывается съ поблѣднѣвшихъ губокъ Дани. Синіе глаза расширяются ужасомъ нестерпимаго горя. Огромными черными пятнами разливаются въ нихъ зрачки, бѣлѣетъ, какъ известь, ротъ, перекошенный судорогой страданія...

— А-а-а!—проносится безумный крикъ, заглушающій на мгновеніе и свистъ вѣтра, и дикіе вопли Куры.

Даня шатается какъ тростинка, цѣпляется руками за пустое пространство и съ тѣмъ же дикимъ безумнымъ воплемъ падаетъ на руки подоспѣвшаго Сандро.

— О! Зачѣмъ ты сказала это?! Зачѣмъ?.. Ты убила ее, Селтонетъ!—говоритъ онъ грустно.

* * *

Вечеръ... Темныя тѣни падаютъ на садъ, домъ и галлерею, точно призраки, вышедшіе изъ могилъ.

Кура шумитъ какъ будто тише, добрѣе...

Ты опоздала... Ангелъ взялъ ее...

Неслышной походкой проходятъ часы... Луна то прячется, то опять медленно выходитъ изъ-за облака, темнаго, какъ душа подземнаго духа горъ и бездны...

Въ круглую комнатку, что въ видѣ башни высится надъ кровлей, входитъ неслышно женщина въ бѣломъ ночномъ капотѣ.

Другая, молодая, черноволосая, стремительно поднимается ей навстрѣчу.

— Что, Люда, ей хуже?

— Нѣтъ! Дѣвочка въ томъ же положеніи. Но я пришла поговорить съ тобою о другомъ. Амедъ перевозчикъ приходилъ благодарить тебя, душа моя, за твою щедрость...

— Ахъ! Стоитъ-ли объ этомъ говорить? Пустое!

— Не пустое, Нина, золотая душа... Ты дала ему денегъ на постройку новаго парома больше, нежели слѣдуетъ... Онъ призываетъ на твою голову благословеніе Аллаха и всѣхъ его ангеловъ. Если-бъ ты видѣла его лицо!.. Оно сіяло какъ солнце...

— Да! Но дѣвочка! Дѣвочка! Она должна жить, Люда. Было бы ужасной безсмыслицей погибнуть ей теперь.

— Съ твоимъ терпѣніемъ и умѣніемъ ты спасешь ее, Нина!

— О, люди бываютъ часто безсильны помочь себѣ подобнымъ, голубка моя! Но клянусь роднымъ моимъ Востокомъ, я приложу для этого всѣ мои силы, все мое стараніе, весь мой разумъ, что даровалъ мнѣ Господь!..

Прикажи Маро позаботиться о покойной. Мы похоронимъ ее, пока дѣвочка безъ памяти... Такъ будетъ лучше!..

— Ты устала, моя Нина?

И худенькая рука старшей подруги ложится на черпокудрую голову младшей.

— Развѣ я устаю когда-нибудь, Люда? Имѣю-ли я право уставать?

Черные, чуть-чуть суровые глаза улыбнулись.

Какая чарующая въ нихъ, своеобразная красота!

— Я приду смѣнить тебя передъ полуночью, Люда, а теперь съ Богомъ къ больной.. Если будетъ ухудшеніе, пришли за мною. Мнѣ надо приготовить лекарство...

* * *

Неслышно уходитъ Людмила Александровна Власовская, помощница Нины. Снова остается одна молодая княжна... Одна—со своими мыслями, съ ночью, съ ревомъ Куры за окнами и дальними звѣздами на бархатномъ небѣ. Руки, привычныя къ движеніямъ, смѣшиваютъ лекарственныя снадобья въ разставленныхъ передъ нею графинахъ и пузырькахъ, а мысли, мысли кружатся въ головѣ съ непонятной лихорадочной быстротою... Она—Нина Бекъ-Израилъ, названная княжна Джаваха, пріемная дочь всѣми уважаемаго князя Георгія Джаваха; онъ умеръ давно и да будетъ ему пухомъ родимая гру-

зинская земля! Она, Нина, не грузинка. Ея родители, крещеные лезгины, погибли въ бурю, задавленные обваломъ въ горахъ. Они родомъ изъ далекаго дагестанскаго аула Бестуди. Ея мать, Бэла или Елена, была дочь стараго Хаджи-Магомета и родная сестра покойной жены князя Георгія Джаваха. Отецъ ея, Израилъ или Арсеній по крещеніи, сынъ наиба того же аула Бестуди. Они крестились, убѣжавъ изъ горъ. Потомъ погибли.

Нина иначе не помнитъ себя какъ уже сиротою въ домѣ князя Георгія Джаваха. У того умерла лѣтъ за шесть до ея рожденія любимая и единственная дочь, красавица Нина, ея тезка, подруга Люды по институту.

И вмѣсто погибшей обожаемой дѣвочки-дочери, въ память ея князь Георгій двухъ другихъ взялъ къ себѣ: чужую ему Людмилу Александровну Влассовскую и свою крошку-племянницу Нину Бекъ-Израилъ *).

Дѣтство свое Нина помнитъ прекрасно. Скачки по горамъ, уроки съ Людой, поѣздки къ дѣдушкамъ Мешедзе и любимому Хаджи-Магомету въ горный аулъ Бестуди, въ глубь Дагестана.

По натурѣ она скорѣе юноша, нежели дѣвочка... Она лихо управляетъ конемъ, скачетъ по горамъ, какъ горецъ, прыгаетъ черезъ трещины и бездны и джигитуетъ не хуже горнаго наѣздника,—абрека. Ея дѣт-

*) Болѣе подробно исторія всѣхъ этихъ лицъ разсказана въ повѣстяхъ Л. А. Чарской: «Записки институтки», «Княжна Джаваха», «Люда Влассовская» и «Вторая Нина».

ство — восточная сказка, сотканная изъ солнца, горнаго воздуха, журчанія ручьевъ и дыханія розъ въ долинахъ и ущельяхъ...

И вдругъ первое огромное горе, какъ пропасть, раскрывшееся передъ нею: ея названный отецъ и дядя умираетъ внезапно...

Она одинока. Она—богатая наслѣдница всѣхъ Джаваховскихъ богатствъ... Дальняя родственница и опекунша-бабушка не можетъ ужиться съ нею, съ ея дикой душой, вольной и трепетной какъ у горной лани, и выживаетъ ее изъ дому...

И вотъ она въ учебномъ заведеніи, въ институтѣ... Другъ Люда не оставляетъ ее и здѣсь, беретъ мѣсто классной дамы въ томъ же институтѣ, пока Нина не кончаетъ курса ученья.

Наконецъ то законченъ онъ. Манитъ жизнь, манятъ розовыя мечты о волѣ, о далекомъ дагестанскомъ аулѣ, гдѣ ждетъ ее суровый съ виду, но добрый, добрый дѣдушка Хаджи-Магометъ...

Другого дѣдушки, наиба Мешедзе, уже нѣтъ въ живыхъ и жены его тоже: умерли оба, заочно именемъ Аллаха благословивъ ее, Нину...

Она и Люда ѣдутъ обѣ туда, въ Бестуди, повидать стараго дѣда Магомета, отца матери, обожавшаго свою внучку Нину. Счастливая, радостная летитъ Нина въ родимый аулъ... Вся ея горячая кровь, кровь прирожденной татарки-лезгинки полымемъ закипаетъ въ ней.

Родина!.. Родина!

Но—какой ужасъ!—въ далекой саклѣ далекаго аула она находитъ полумертвымъ любимаго старика: дѣдушку Хаджи-Магомета на смерть ранили въ горахъ барантачи-разбойники, прельстившись его богатымъ вооруженіемъ и одеждой. Онъ еще дышалъ, когда пріѣхали онѣ съ Людой къ нему...

Онъ еще дышалъ!

О, эти минуты!

Весь въ страшныхъ ранахъ, умирающій старикъ—и она безсильна помочь ему чѣмъ-либо!.. Если бы она умѣла лечить!.. Если бы умѣла проникнуть во всѣ тайны врачебной науки!..

Онъ умеръ у нея на рукахъ, истекая кровью, а она тутъ же надъ теплымъ трупомъ, проклиная свое дѣтское безсиліе спасти его, поклялась посвятить себя всю на пользу ближнихъ...

Она рѣшила учиться... Учиться, читать, работать, изучать дома врачебныя книги и въ то же время помогать всѣмъ тѣмъ, у кого нѣтъ опоры, у кого умерли или убиты родители, кто безпомощенъ и слабъ.

Такъ клялась она надъ курганомъ дѣда близъ мечети, куда съ оружіемъ и сѣдломъ зарыли стараго Хаджи...

Подъ ревъ Куры, въ знойной ласкѣ восточной ночи она вспоминаетъ картины прошлаго, такого пестраго событіями, такого богатаго воспоминаніями.

Хаджи-Магометъ любилъ дѣтей. И въ память его она, Нина, рѣшаетъ устроить у себя дѣтскій сиротскій домъ-питомникъ...

Она объѣзжаетъ свою милую, прекрасную родину, выискивая несчастныхъ сиротъ, нуждающихся въ помощи и покровительствѣ. Въ Петербургѣ узнаетъ она горькую новость: ея институтскій любимый другъ, уроженка холодной Финляндіи, Лидія Рамзай, потеряла родителей и разорена. Но Лидія не унываетъ. Лидія хочетъ учиться, усиленными занятіями заглушить тоску. У Лидіи есть братъ, двѣнадцатилѣтній мальчикъ. Его беретъ Нина въ свой питомникъ, чтобы дать возможность подругѣ свободно уѣхать за границу, посѣщать лекціи въ университетѣ, сдѣлаться врачомъ.

Беретъ, обѣщаетъ заботиться о немъ, какъ о родномъ сынѣ... Потомъ летитъ назадъ домой, въ Грузію, летитъ какъ на крыльяхъ...

Въ Алазани убиваютъ бѣдную грузинку какіе то грабители, напавъ на усадьбу одинокой беззащитной вдовы. Ея дѣти, тринадцатилѣтній Сандро и десятилѣтняя Гема, переходятъ къ Нинѣ... Сынъ кабардинскаго абрека Селимъ лишается отца, остается сиротою... И его беретъ Нина къ себѣ, не глядя на то, что Али-абрекъ извѣстный всей Кабардѣ и Грузіи разбойникъ. Съ черноокой Селтонетъ таже исторія. Ее, сироту, спасаетъ Нина въ то время, какъ дѣвочку везутъ въ Турцію продавать въ неволю какіе то темные люди, не то персы,

не то татары. И наконецъ, Маруся... На Кубани встрѣчаетъ Нина осиротѣвшую дѣвчурку, русскую казачку, и присоединяетъ новую птичку въ свое „гнѣздо“...

Въ этомъ „гнѣздѣ“ старой Джаваховской усадьбы нѣтъ различія націй и племенъ. Тутъ русскіе, грузины, татары—всѣ тѣ, кто нуждается въ помощи энергичной, сильной, благородной княжны. Она дала слово у могилы дѣдушки Магомета быть „другомъ“ всего несчастнаго человѣчества и свято сдержитъ его.

Она богата. Денегъ хватитъ на ея питомникъ. И силъ должно хватить тоже.

Ей помогаютъ ея вѣрная Люда, князь Андро Кашидзе, ея родственникъ, мулла изъ сосѣдней мечети, русскій священникъ и старый Михако, дядька дѣтей. Но больше всего ей помогаетъ ея разумъ, ея смѣлое сердце... Она уже не прежняя институточка Нина... Она выросла за эти дни горя, тревогъ и заботъ... Она — сильный, закаленный въ битвахъ съ жизнью, человѣкъ! Уже два года идетъ эта полная нравственнаго удовлетворенія въ трудѣ и заботахъ о близкихъ молодая жизнь. И Нина доведетъ до конца свою миссію. Дѣдушка Хаджи-Магометъ, ея названный отецъ князь Георгій Джаваха, ея родители могутъ спать спокойно въ своихъ могилахъ...

Теперь ея мысли полны новой питомицей Джаваховскаго гнѣзда—этой молоденькой арфисткой, попавшейся ей на пути такъ неожиданно и странно. И она должна

вернуть ей здоровье, должна дать возможность прожить свѣтло и прекрасно на радость и пользу людямъ, какъ живетъ теперь она сама — Нина Бекъ-Израилъ.

V.

— ВОТЪ еще азаліи, Сандро! Вотъ розы .. Смотрите, какая она красивая стала теперь!

— Покойники не могутъ быть красивыми, Гема.

— О, я не знаю, но мнѣ кажется она такъ хороша...

— Скоро придетъ мамао! Будутъ пѣть печальные напѣвы и понесутъ на Горійское кладбище гробъ...

— Перестань, Гема! И безъ тебя тошно... Дѣвочка третьи сутки не приходитъ въ себя... Но она должна жить! Должна! „Другъ“ сказала, что она не умретъ... И такъ и будетъ! Клянусь вамъ, такъ и будетъ! Да, вотъ увидите.

Русая головка трясетъ такъ убѣдительно двумя пышными до колѣнъ косами, а румяное задорное личико, съ пуговицеобразнымъ носомъ и сѣрыми щелочками вмѣсто глазъ, такъ полно милой настойчивости, что Марусѣ Хоменко, при всемъ нежеланіи, нельзя не повѣрить.

— Ну, конечно! Выживетъ, что и говорить! Разъ „другъ“ сама взялась за леченіе, такъ иначе и быть не можетъ!..

Сандро пожимаетъ привычнымъ жестомъ своими сильными юношескими плечами. Онъ такъ вѣритъ въ „друга“! Такъ вѣритъ—этотъ Сандро. Только личико Гемы, поэтичное, худенькое, все въ голубыхъ жилкахъ, съ большими карими печальными глазами, съ темными локонами, выбившимися изъ-подъ мингрельской шапочки (красивѣйшаго изъ всѣхъ женскихъ головныхъ уборовъ Грузіи), полно сомнѣнія...

Она лишь на мгновеніе увидѣла тогда, въ тотъ роковой вечеръ бури, бѣлокурую голову и синіе, остановившіеся въ безуміи горя, глаза юной незнакомки, но уже успѣла полюбить ее. Ея собственная поэтичная, мечтательная головка заработала въ новой области фантазій и грезъ.

Юная гостья, точно сказочная фея, прилетѣла къ нимъ изъ бури и ночи, въ такой ужасный, жуткій, роковой часъ. Такъ неужели же она улетитъ опять? Неужели-же умретъ, какъ и ея мать? Невозможно! Невозможно!

— Дѣвочки! Вотъ вамъ еще розы!

Въ маленькую часовню, куда члены гнѣзда собираются молиться по утрамъ и гдѣ теперь въ глазетовомъ гробу лежитъ Анна Михайловна Ларина, украшенная цвѣтами, входитъ еще кто-то.

Онъ меньше Сандро и уже его въ плечахъ. Его руки бѣлы и красивы. У него ноги аристократа по своему изяществу и миніатюрности. Скромный фасонъ ботинокъ не можетъ скрыть ихъ форму.

Онъ весь такой тонкій и граціозный, со стройнымъ станомъ и маленькой свѣтловолосой головой, подстриженной ежикомъ подъ гребенку.

Ему лѣтъ около 14, но онъ кажется старше. У него чуть сощуренные, глубокіе и какіе то усталые, слишкомъ усталые для такого юношескаго возраста, глаза. Надменное и серьезное, загорѣлое подъ восточнымъ солнцемъ лицо съ тонкими, но некрасивыми чертами. Изящное, полное достоинства лицо. Онъ похожъ на переодѣтаго принца въ своемъ сѣромъ съ красными козырями, какъ и у Сандро, бешметѣ, перетянутомъ такимъ-же чеканнымъ кушакомъ.

— А, Валентинъ! Наконецъ-то! Какъ хорошо, что ты пришелъ. Мы успѣемъ украсить покойницу до панихиды. Но гдѣ ты взялъ столько красивыхъ розъ?— спросилъ Сандро.

— Мнѣ ихъ далъ Павле изъ оранжереи тети Люды.

— Ты не видѣлъ Селима и Селтонетъ?

— Они оба надъ обрывомъ. Я видѣлъ торчащую бритую голову Селимки между скалъ. Баранья голова. Что и говорить. Разбойникъ!

— Ха, ха, ха! Правда, что разбойникъ! Правда, Валь!

И Маруся Хоменко заливается смѣхомъ, по-дѣтски хлопая въ ладоши.

— Но ты съ ума сошла! Здѣсь покойникъ!—произноситъ Сандро, и черные глаза его вспыхиваютъ гнѣвомъ.

— Пожалуйста, безъ замѣчаній. Я тебѣ не Гема. Ты мнѣ не братъ.

— Ты и Гема—Кура и Ріонъ... Двѣ рѣки по нраву... Ты—вѣчно бѣснуешься и хохочешь, она полна печали и тоски... Съ обѣими, какъ съ женщинами, возни не мало.

Сандро говоритъ это сердито, передергивая плечами. Это его привычка,—привычка маленькаго мужчины, помощника „друга“, какимъ всѣ считаютъ его здѣсь.

Гема улыбается на эти слова тихо и кротко, Маруся конфузится и краснѣетъ до ушей.

Въ четырнадцать лѣтъ не умѣть себя сдерживать нисколько, да еще здѣсь, въ присутствіи смерти!..

Она робко косится на глазетовый гробъ, весь засыпанный цвѣтами... Въ немъ лежитъ незнакомая женщина съ суровымъ, скорбнымъ лицомъ... Или отъ игры зажженныхъ свѣчей лицо ея кажется такимъ суровымъ?

Покойница, умершая въ чужомъ домѣ, на чужихъ незнакомыхъ рукахъ, не успѣвшая проститься съ дочерью, могла-ли она отойти спокойно?

Жалость прокрадывается въ веселое сердечко Маруси, вольной казачки съ Кубани, умѣющей такъ звонко и весело пѣть, такъ звонко и заливчато смѣяться...

Она беретъ розы, принесенныя Валентиномъ, и сыплетъ ихъ на мертвую грудь...

* * *

Какъ сквозь сонъ слышитъ Даня странные, тихіе, полные рвущей тоски, напѣвы...

Или это на самомъ дѣлѣ сонъ?

Иногда, открывая глаза, видитъ она чистую, свѣтлую комнату, выкрашенныя голубой масляной краской стѣны и клочокъ синяго неба, врывающійся въ окно... У окна—старую чинару... Она, точно сторожъ, караулитъ окно... Подъ нею цвѣтутъ розы, алыя какъ кровь, красивыя какъ юношескія мечтанія. И опять слышатся напѣвы, тягучіе, больные, напоминающіе что то горькое, мучительное изъ далекаго дѣтства...

Но „что“? — припомнить нельзя... Нѣтъ достаточно силъ на это...

У своей постели она часто видитъ ту, къ которой такъ повлекло ее недавно...

Но *когда* именно — она тоже не можетъ этого постичь... Печальные, темные, огромные глаза, сѣдѣющіе волосы, милое, задумчиво-нѣжное лицо...

Разъ она спросила:

— Кто вы?

Та, задумчивая, отвѣчала кротко, тихо, чуть слышно:

— Тотъ, кто любитъ васъ...

Съ этимъ отвѣтомъ снова впала въ забытье Даня.

А въ это время отпѣвали и хоронили на сосѣднемъ Горійскомъ кладбищѣ ея мать...

Но она не понимала этого, не сознавала.

Въ эти ужасные дни у нея была злѣйшая нервная горячка...

VI.

— НУ, что, какъ дѣла, сердце мое, Люда?

— Нина-джанъ! *) Ей лучше, она приходитъ въ себя!

— Наконецъ-то! Мои снадобья помогли тѣлу... Теперь попробуемъ помочь ея мыслямъ и душѣ.

Нина Бекъ-Израилъ, названная княжна Джаваха, дѣвушка лѣтъ 18-ти, кажущаяся много старше своихъ лѣтъ, съ черными, туго заплетенными, до колѣнъ длинными косами, съ серьезнымъ, вдумчивымъ, почти суровымъ лицомъ, съ глубокимъ, проницательнымъ, властнымъ подъ сросшимися бровями взглядомъ, полнымъ мысли, силы и всеобъемлющей, самоотверженной готовности, подходитъ къ постели больной.

Ея сильная, скорѣе мужская, нежели дѣвичья, рука осторожно опускается на бѣлокурую головку... Глаза

*) Душа—по-грузински; ласкательное слово.

впиваются зоркимъ орлинымъ взглядомъ въ широко раскрытые ей навстрѣчу зрачки...

О, эти глаза!

Они—синіе-синіе и такъ далеки сейчасъ отъ мысли. Они прозрачны, какъ весенняя глубина хрустальной рѣки...

У нормальныхъ людей такихъ глазъ не бываетъ.

На исхудаломъ лицѣ Дани не бродитъ ни одной мысли. Это маска. Красивая маска... Скульптурное въ своей неподвижности лицо...

Ея душа спитъ. Спитъ сномъ безумія...

Это видно... Мысль улетѣла давно-давно изъ этой прелестной головки...

— Люда,—говоритъ Нина, и ея гортанный голосъ пріобрѣтаетъ несвойственную ему мягкость и доброту,— Богъ посылаетъ въ наше гнѣздо новое живое существо... Мы беремъ его на свою отвѣтственность. Люда, слышишь, сестра души моей?

— Да, Нина. Иначе не можетъ быть. Она—сирота. Мы обѣ поклялись ея матери не оставлять Дани.

— Я поклялась ей, кромѣ того, сохранить ее... И я должна исполнить мою клятву, Люда... Эта дѣвочка на порогѣ безумія... Она умерла для здравой мысли, для разума... Но мы должны... я должна вернуть ей снова способность жить здоровой, мыслящей, ясной, разумной жизнью или...

— Или?

— Или она выздоровѣетъ совсѣмъ, или... нервная горячка вернется снова, и она погибнетъ...

— Нина! Нина!

— Да, Люда... Развѣ ты не знаешь, что первымъ условіемъ спасенія является рискъ?.. Рискъ на грани смерти или побѣды... Слушай меня, моя Люда... Я должна испробовать одно опасное средство, чтобы вернуть ей разумъ... Я знаю, это очень рискованное средство, но...

— О, дѣлай все, что знаешь, Нина! Я вѣрю въ твою мудрость и силы!

Слезы загораются въ огромныхъ печальныхъ глазахъ Людмилы Александровны, „тети Люды“, какъ зовутъ ее воспитанники Джаваховскаго гнѣзда... Загораются и пропадаютъ снова. Глаза поднимаются на Нину съ надеждой и любовью.

Бекъ-Израилъ говоритъ:

— Люда, тамъ въ сосѣдней комнатѣ арфа... Вели Марусѣ Хоменко взять нѣсколько аккордовъ на ней. Маруся обладаетъ слухомъ и сумѣетъ справиться съ этой задачей... Какіе-нибудь импровизированные аккорды... Это не трудно... Потомъ пошли ко мнѣ Селтонетъ!

Люда уходитъ молча, чтобы исполнить порученіе своей юной подруги-воспитанницы.

Нина съ минуту стоитъ у постели больной, глядя пристальнымъ, внимательнымъ взоромъ въ блѣдное, безжизненное лицо Дани, въ ея синіе глаза, такіе краси-

вые, глубокіе, но... лишенные мысли. Эти глаза глядятъ на Нину безмятежнымъ, прозрачнымъ и упорнымъ взглядомъ душевно-больной.

— Даня!—тихо, но повелительно говоритъ Нина.

— Что?

Слабо и безвучно падаетъ это „что“ съ побѣлѣвшихъ, слипшихся губокъ.

— Даня, тебѣ лучше? Не болитъ голова?

— Нѣтъ.

— Ничего не болитъ?

— Нѣтъ.

— Ты тоскуешь по мамѣ?

— Нѣтъ...

— Ты знаешь, гдѣ она?

— Она рядомъ со мною!

— А ты?

— Во дворцѣ изъ яшмы и гранита...

— Кто ты?

— Я — заколдованная царевна... изъ волшебной сказки... Я сама сказка о талантѣ и красотѣ...

Широко, неестественно разливаются зрачки больной.

— Бѣдная Даня! Бѣдное дитя!

Легкіе, чуть слышные аккорды звучатъ за стѣной... Въ лицѣ Дани проявляется смутная тревога... Страшное напряженіе застываетъ въ лицѣ, въ бровяхъ, губахъ и глазахъ.

— Это арфа! Твоя арфа, Даня! — говоритъ Нина,

понизивъ до шопота свой гортанный кавказскій говоръ.— Ты помнишь, какъ играла на ней?

По лицу больной пробѣгаетъ судорога, первый проблескъ мучительнаго старанія припомнить что-то...

Потомъ лицо это дѣлается опять безучастнымъ, какъ маска, и становится снова мертвымъ. Тогда Нина оборачивается назадъ. За нею стоитъ Селтонетъ, позвякивая своими монистами, съ горящимъ, какъ у кошки, любопытнымъ взоромъ.

— Подойди сюда,—приказываетъ ей сурово Нина.

Не безъ робости молоденькая татарка приближается къ ней. У нея гибкая, извилистая походка и хищное, выжидательное лицо.

— Что прикажетъ „другъ“ бѣдненькой Селтонетъ? Что желаетъ отъ несчастной бѣдняжки Селтонетъ звѣзда души ея, Аллахъ Нина!—льстивымъ и робкимъ голосомъ освѣдомляется она.

Лицо Бекъ-Израилъ хмурится сильнѣе. Густыя, сросшіяся на переносицѣ, брови почти слились.

— Слушай меня, Селтонетъ. Брось свои выходки, хитрая дѣвочка! Изъ-за твоего упрямства чуть не погибло это дитя. Если-бы ты послушалась насъ и не выбѣжала изъ кунацкой тогда и не сообщила бы этой несчастной такъ грубо и неумѣло ужасную вѣсть о смерти ея матери, она-бы не переживала того, что переживаетъ теперь... Слышишь меня, Селтонетъ?..

— Но что же можетъ сдѣлать теперь Селтонетъ,

сладкій лучъ солнечнаго восхода, моя джанымъ-радость черноокая царица моей души?

Черныя брови Нины сходятся снова.

— Молчи, не кривляйся. Ты должна исправить свою вину. Слушай! Собери всѣ свои силы и вспомни хорошенько тотъ вечеръ, какъ было все тогда, и повтори все, что ты сказала ей тогда, все, какъ было. Словомъ, сумѣй испугать эту дѣвочку вторично точно такъ же, какъ испугала ее тогда, въ первый разъ! Поняла? Это нужно для того, чтобы привести въ чувство, спасти эту несчастную, вырвать ее изъ того состоянія, въ которомъ она находится теперь...

— Поняла, радость моего сердца! Поняла тебя Селтонетъ.

— Ну, призови твоего Аллаха на помощь и начинай! Я буду тутъ-же, около васъ.

Нина поднимаетъ руку, повелительнымъ жестомъ указывая на дверь.

Въ одну минуту молоденькая кабардинка скрывается за нею, метнувъ своимъ пестрымъ нарядомъ и черными змѣями косъ. Въ слѣдующій же моментъ она врывается ураганомъ въ комнату. Ея лицо блѣдно. Нервно раздуваются тонкія ноздри. Пламенно горятъ глаза...

— Русская!—кричитъ она дико, заражая своимъ порывистымъ волненіемъ больную. — Русская, слышишь? Твоя мать умерла! У нея остановилось сердце. Селто-

нетъ клала ей руку на бокъ и слушала. Сердце молчало... Она умерла, твоя мать!

Сначала глаза Дани такъ же тихи и прозрачны, какъ прежде... Потомъ вдругъ, сразу, затемнѣли они... Что то зажглось въ глубинѣ ихъ странное, жуткое...

Мелькнуло сознаніе и потухло... Снова мелькнуло и точно разлилось по лицу...

— Мама?—скорѣе угадала, нежели услышала на губахъ Дани Нина.

— Твоя мама умерла отъ разрыва сердца, моя дѣвочка! Моя бѣдная дѣвочка! Нѣтъ твоей мамы на свѣтѣ!.. Мы уже схоронили ее!

Широкимъ, властнымъ объятіемъ привлекаетъ Нина къ себѣ на грудь худенькое, конвульсивно-трепещущее тѣльце.

— Моя бѣдная сиротка! Моя милая, родная дѣтка! Твоя мама умерла! Плачь, милая, плачь!—говоритъ она своимъ бархатнымъ голосомъ, лаская Даню.

За стѣною Маруся Хоменко неопытными пальчиками перебираетъ струны, беретъ аккорды, наигрывая по слуху красивую, тоскливую пѣснь своей родины, пѣснь Кубанскихъ станицъ...

Подъ эти звуки знакомыхъ, милыхъ струнъ рождается сознаніе Дани, свѣтлѣетъ ея разумъ... Слышны и доступны теперь закоченѣвшему, было, уму дѣвушки добрыя, жалобныя, простыя слова: „Умерла твоя мама! Схоронили мы ее. Одна ты! Одна бѣдная, бѣдная сиротка!“

Нина чувствуетъ, какъ дрожитъ у нея подъ руками худенькое тѣло, какъ трепещутъ плечики Дани... И вдругъ легкій стонъ, стонъ сознательнаго горя и муки потрясаетъ низкіе своды Джаваховскаго гнѣзда:

— Гдѣ ты, моя мама? Мама! Мама!

И судорожно, мучительно рыдаетъ Даня въ объятіяхъ княжны...

. . . . . .

— Дѣвочки, Люда! Идите сюда! Скорѣе! Всѣ идите!

Свѣтелъ и радостенъ голосъ Нины. Въ звукахъ его слышится: „она спасена!“

Комната наполняется мигомъ. Постель Дани окружаютъ взволнованныя лица.

— Она спасена!—говоритъ Нина ликующимъ голосомъ, попрежнему сжимая въ объятіяхъ плачущую Даню.

— Въ этомъ не могло быть сомнѣнія, разъ ты, другъ, взялась за это,—раздается за ея плечами.

— Кто это? Сандро?

Ну, конечно, онъ! Его глаза, полные обожанія и преданности, подняты на Нину. Сандро любитъ больше жизни свою воспитательницу и вторую мать. Скажи, кажется, ему другъ-Нина: „Бросься въ Куру, Сандро...“— и онъ безъ колебанія выполнитъ волю княжны.

Селимъ выходитъ впередъ.

— Другъ, — говоритъ онъ тихо, — она тоже будетъ наша? Дитя нашего гнѣзда,—да?

Нина молча киваетъ головою.

— Нашей сестрою она будетъ!—пылко вырывается изъ груди нѣжной и кроткой Гемы.

Нина улыбается ей ласковой улыбкой.

— Добрая малютка! Такая чуткая въ ея 12 лѣтъ!

Маруся Хоменко осторожно приближается къ постели. Тихонько кладетъ руку на бѣлокурую головку, наклоняется губами къ уху Дани и шепчетъ:

— Бѣдняжка, милая! Не плачь! Не плачь! Ты будешь съ нами... Ты будешь нашей!.. Мы всѣ сироты... И всѣ счастливы съ „другомъ“ и тетей Людой... И всѣ мы будемъ любить тебя! Да! Будемъ любить тебя, наша Даня!

VII.

РОВНО въ 7 часовъ старый, но крѣпкій, какъ дубъ, Михако въ военномъ, разстегнутомъ казакинѣ подходитъ къ столѣтней чинарѣ съ подвѣшеннымъ къ ней гонгомъ и ударяетъ въ него семь разъ.

Это значитъ: „Уже утро. Пробуждайтесь всѣ въ старомъ гнѣздѣ Джаваха!“

На половинѣ дѣвочекъ начинается суетня.

Онѣ всѣ спятъ въ просторной комнатѣ, всѣ четверо: Селтонетъ, Маруся, Гема и Даня. Подлѣ нихъ комната тети Люды. Немного дальше—круглая, нѣсколько мрачная, съ выступомъ на кровлю, горница „друга“.

На противоположномъ концѣ дома находится спальня мальчиковъ: Сандро, Селима и Валентина. Они спятъ здѣсь подъ надзоромъ стараго дядьки Михако. Въ домѣ есть еще кунацкая, столовая, рабочая горница и кухня, есть двѣ комнаты для прислуги: одна для стряпухи Маро, а братъ Маро, Аршакъ, молодой конюхъ, кучеръ и садовникъ Павле помѣщаются въ другой.

Вокругъ дома идетъ крытая галлерея. Кровля его—кровля горской сакли, плоская терраса, обнесенная парапетомъ со всѣхъ сторонъ. Здѣсь на солнцѣ сушатся дыни, персики, виноградныя лозы и розовые лепестки для шербета. А вечеромъ, когда багровое солнце прячется за горами, купая въ Курѣ послѣднія улыбки лучей, здѣсь собираются всѣ обитатели „гнѣзда“ полюбоваться закатомъ и горами.

Отсюда, какъ на ладони, виденъ весь Гори съ его церквами и мечетями, съ его зданіями европейскаго и азіатскаго образца, съ его грязною площадью базара, кривыми улицами и торговымъ кварталомъ армянъ.

Отсюда видна и широкая панорама горъ... Синія, туманныя, онѣ кажутся полными вѣянья какой то далекой могучей сказки, сказки о скованномъ богатырѣ Эльбрусѣ, который, потрясая цѣпями, приводитъ въ движеніе моря и сушу и весь міръ, склонившійся у подножія горъ...

Садъ, огромный и тѣнистый, даетъ прохладу. Въ

немъ столѣтніе каштаны, чинары и тополя. Орѣховые кусты и розы сплетаются, какъ братья. Азаліи дышатъ, какъ живыя, среди зеленой травы. О, этотъ запахъ, сладкій и медвяный, восточныхъ, мистическихъ, на-диво прекрасныхъ цвѣтовъ! Какое сильное впечатлѣніе производитъ онъ на всѣхъ, попадающихъ сюда!..

Даже бывшій денщикъ стараго князя, Михако, скорѣе членъ семьи, нежели слуга, щуря отъ яркихъ лучей свои старые, но еще зоркіе глаза, не можетъ не улыбнуться ароматной цвѣточной ласкѣ... Онъ улыбается и поднимаетъ лицо къ небу, сверкающему, чистому и голубому, какъ бирюза... Улыбается, крестится, снявъ древнюю свою казачью папаху, видавшую не одинъ кавказскій походъ, и еще разъ, послѣдній, ударяетъ въ гонгъ:

— Пора, милые, просыпайтесь!...

Флегматичная, съ виду сонная, но очень дѣятельная Маро подаетъ ключевую воду для мытья—огромный глиняный кувшинъ, полный студеной влаги.

Первой встаетъ Гема. Пока Маруся еще нѣжится въ постели, она пробирается къ Данѣ, карабкается къ ней на кровать и будитъ ее легкимъ, какъ дыханіе вѣтерка, поцѣлуемъ.

— Вставай, моя роза, вставай!

Глаза Дани раскрываются широко.

— Гема!

Милое личико улыбается.

— Вставай, нынче особый день!

— Почему?

— Развѣ ты не знаешь?

— Вотъ дурочка! Болтаетъ съ утра... Не даетъ спать,— ворчитъ Маруся Хоменко, бросая исподлобья на дѣвочку сердитый заспанный взглядъ.

Она выглядитъ презабавной: растрепанная, румяная, съ заспаннымъ лицомъ.

Гема улыбается.

— Завтра, цвѣтикъ, праздникъ „друга“ нашего— день рожденія—и всѣ мы кое-что приготовили для нея. Будетъ парадный обѣдъ, а ночью балъ. Нынче послѣ занятій, пока „другъ“ поѣдетъ за покупками въ городъ, мы украсимъ гирляндами весь домъ! Ахъ, какъ будетъ весело завтра, солнышко мое, мое счастье! Мальчики станутъ джигитовать и гости тоже. Потомъ будутъ плясать до утра всѣ, палить изъ ружей и жечь цвѣтные огни.

— Бенгальскіе,—поправляетъ Маруся, снова высунувъ изъ-подъ одѣяла кончикъ вздернутаго носа.

— Все равно,—покорно соглашается Гема.—Я хуже знаю по-русски, чѣмъ вы... Не все-ли равно, какъ ихъ называютъ? Не въ этомъ дѣлѣ... Пріѣдутъ изъ горъ Гуль-Гуль и Керимъ, а изъ полка князь Андро ..

— Князь Андро? Кто это?

— Ты увидишь, узнаешь потомъ... Пока скажу тебѣ: князь Андрей, Андро—орелъ. Керимъ еще бо́льшій орелъ, только у него срѣзаны крылья.

— Ты говоришь загадками, Гема!

— Полно, цвѣточекъ. Я говорю, какъ умѣю... И какъ умѣю люблю тебя, Данечка-джанъ!

Глаза Гемы, темные, каріе, съ пушистыми рѣсницами, загнутыми кверху — цѣлая поэма восторга... Что для ея брата Сандро—„другъ“, то для нея, сестры его, Гемы—Даня. Блѣдная, синеглазая, талантливая Даня, три недѣли назадъ потерявшая мать, какъ-бы приросла къ чуткому, нѣжному сердечку Гемы.

Новый ударъ гонга прерываетъ болтовню восторженной дѣвочки. Появляется тетя Люда въ своемъ обычномъ темномъ платьѣ, съ ниточкой ровнаго пробора въ черныхъ, съ просѣдью, волосахъ.

— Какъ? Дѣвочки, вы еще не готовы? А гдѣ Селтонетъ?—спрашиваетъ она, замѣтивъ, что постель Селтонетъ пуста.—Гдѣ Селтонетъ, Маро?

— Не знаю, госпожа... Должно быть побѣжала за дикими азаліями въ горы... Навѣрное, выпрыгнула въ окно... Дверь заперта...

— Безумная дѣвочка! Нѣтъ сладу съ нею... Она опоздаетъ на урокъ... Сейчасъ приходитъ мулла... Это его часы...

— Онъ займется пока съ Селимомъ, тетя Люда... А Селтонетъ подоспѣетъ какъ разъ... Только бы не узнала „другъ“. Другу нельзя сердиться въ такіе дни... Не правда-ли, тетя?

И кроткое личико Гемы принимаетъ молящее выраженіе.

Въ 8 часовъ христіанскіе члены гнѣзда собираются въ часовнѣ. Она построена въ углу сада усадьбы въ память князя Георгія Джаваха, названнаго отца тети Люды и „друга“. Съ мусульманами, Селимомъ и Селтонетъ, молится приходящій для занятій изъ сосѣдней мечети мулла.

Въ часовнѣ сама Люда читаетъ молитвы, хоръ дѣтей поетъ, и затѣмъ всѣ идутъ въ кунацкую на ранній завтракъ. Въ девять—уроки. Тетя Люда и Нина занимаются съ дѣтьми всѣмъ, что проходятъ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Нина сама преподаетъ мальчикамъ математику и латынь. Спеціально ради этого она прошла то и другое въ послѣдніе два года. Эти уроки двухъ женщинъ, сильныхъ и энергичныхъ не менѣе любого мужчины, невольно привлекаютъ къ наукѣ, заставляютъ любить ее и жадно, стремительно постигать ея свѣточъ.

Всѣ дѣти приблизительно одного возраста—отъ 12 до 15 лѣтъ.

Мальчики готовятся въ гимназію. Только Селимъ хочетъ быть военнымъ. Съ нимъ отдѣльно занимается пріѣзжающій изъ полка казачій есаулъ, князь Андрей Кашидзе. Онъ же учитъ одинаково, мальчиковъ и дѣвочекъ, стрѣльбѣ въ цѣль и верховой ѣздѣ, развивая ихъ силу и ловкость. Нина готовитъ Гему и Марусю въ средніе классы тифлисскаго института. Судьба дальнѣйшихъ занятій Селтонетъ еще не рѣшена. Трудно

запереть въ четырехъ стѣнахъ вольную и дикую, какъ конь ея горъ, кабардинку!

Послѣ двухъ часовъ ѣдутъ въ горы верхомъ. Иногда состязаются въ скачкахъ въ красивыхъ карталинскихъ низинахъ.

Кромѣ Вороного, красавца кабардинскаго коня, еще дюжина другихъ коней стоитъ на конюшнѣ.

Нина требуетъ отъ своихъ питомцевъ, мальчиковъ и дѣвочекъ—безразлично, сидѣть въ сѣдлѣ, какъ въ креслѣ, стрѣлять безъ промаха въ цѣль, править рулемъ и грести на лодкѣ во всякую погоду. Она сама съ помощью князя Андрея, Михако и Аршака выучила ихъ этому. Когда Кура бушуетъ и ропщетъ, она беретъ свой катеръ, надежный какъ библейскій Ноевъ ковчегъ, и ѣдетъ туда, гдѣ ея чуткому сердцу кажется, что нужна ея помощь. Случится гдѣ пожаръ,—она немедля спѣшитъ съ помощью. Ея мальчики, Селимъ, Сандро и Валентинъ, она сама, Аршакъ и Павле всегда первые тамъ, гдѣ опасность грозитъ людямъ.

Данѣ трудно свыкнуться съ новой для нея обстановкой.

Когда первые приступы горя и тоски по матери стихли и притупились, Нина указала Данѣ, что надо дѣлать, какъ учиться и чѣмъ заниматься въ Джавахов-скомъ гнѣздѣ.

Какъ менѣе всѣхъ знающая, Даня стала отдѣльно отъ другихъ брать уроки у Людмилы Александровны

Власовской. Ей это было тяжело, непривычно, почти невыносимо. Развѣ она думала когда-нибудь о систематическихъ урокахъ въ 15 лѣтъ? Успѣхъ, слава, бродячая жизнь артистки, вотъ что наполняло до сихъ поръ ее всю, а теперь... Иногда, забывшись, Даня вспыхивала, бросала перо, книгу.

— Я не хочу и не могу учиться! Я не могу быть, какъ всѣ! Оставьте меня! Я не создана для жизни трудовой пчелы, — истерически срывается съ ея губъ.—Я не хочу такой жизни. Да мнѣ ея и не надо... Я талантливая и не пропаду и безъ этого вашего ученья... Я буду артисткой... да!

— Увы! бродячей арфисткой ты будешь, дитя мое, но не артисткой, нѣтъ...—кротко улыбаясь, отвѣчаетъ тетя Люда.—Пока ты еще дитя, твои импровизованныя пѣсенки дадутъ тебѣ успѣхъ и удовлетвореніе. Но когда станешь постарше — онѣ уже не будутъ интересовать людей. Толпа требуетъ школы отъ артистки... А школы у тебя нѣтъ. И чтобы поступить въ консерваторію, даже въ музыкальные классы, необходимо образованіе... Только грамотный человѣкъ можетъ войти въ этотъ храмъ.

Голосъ тети Люды, кроткій и тихій, вѣетъ правдой, искренностью и участіемъ. Но Даня волнуется, едва слушая его. Нѣтъ! Нѣтъ! Она не понимаетъ ея... Она не можетъ ее понять... Ахъ, Боже мой! Никто ея здѣсь не понимаетъ... Она не какъ всѣ... Она избранная судьбой... Она заколдованная царевна. Придетъ время,

спадутъ чары! И она покажетъ, покажетъ имъ, что такое она!.. И зачѣмъ умерла мама? Зачѣмъ? Зачѣмъ? И изъ синихъ глазъ падаютъ скупыя слезы...

. . . . . .

— Гдѣ ты была утромъ, Селтонетъ?

Сандро спрашиваетъ это такимъ же тономъ, какимъ спрашивалъ бы самъ „другъ“ провинившуюся дикарку.

И черные глаза его строги, почти суровы такъ же, какъ у „нея“.

Селимъ, тонкій и подвижной, какъ кошка, съ туго, по обычаю горца, перетянутой таліей, со съѣхавшей на бритой головѣ папахой, выступаетъ впередъ.

— Какое тебѣ дѣло, гдѣ она была! Хотя бы въ подземной саклѣ у самого шайтана. Не смѣй обижать дѣвушку!— отвѣчаетъ ему Селимъ.

Сандро пожимаетъ своими широкими плечами.

— Ты съ ума сошелъ, Селимъ!.. „Другъ“ приказалъ мнѣ, какъ старшему, заботиться о всѣхъ васъ. Тетя Люда безпокоилась все утро. Селтонетъ опоздала на урокъ муллы.

— Ха, ха, ха! Пусть Сандро надѣнетъ черную юбку „друга“... Пусть заплететъ свои кудри въ двѣ косы.. Пусть сорветъ кинжалъ, поясъ и гозыри со своего бешмета... Пусть дѣвчонкой сдѣлается Сандро, чтобы каждая баба-осетинка могла тыкать въ него пальцемъ и кричать: вотъ такъ джигитъ!

Селтонетъ, говоря это, хохочетъ бѣшено и звонко на всю усадьбу злымъ, насмѣшливымъ смѣхомъ. Даже Маро, приготовляя у себя въ кухнѣ на завтракъ любимый дѣтьми бараній шашлыкъ, вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ и говоритъ сварливо:

— Ну, вотъ... разошлась снова дикая коза... Опять вселились въ дѣвчонку злые духи... И чего это княжна-джанъ не ушлетъ куда-нибудь подальше эту дикарку Селтонетъ!.. Всѣхъ ребятъ только своимъ характеромъ испортитъ. Въ одной только разбойничьей Кабардѣ рождаются такія дѣти.

Маро права.

Глаза у Селтонетъ — злые, какъ у разсерженной кошки, ноздри раздуты. Несмотря на тонкость линій, лицо ея далеко не симпатично, хотя и красиво настоящей восточной красотой.

Она все еще злобно смѣется, глядя въ самые зрачки Сандро.

— Снимай бешметъ, надѣвай юбку, и хорошая баба будешь! Вѣрно тебѣ говорю.

Сандро вспыхиваетъ. Горячая кровь его родины бьетъ съ силою въ виски.

— Но, но, потише, Селтонетъ! Полегче, горная коза!

— Что? Ты никакъ грозишь? Нѣтъ у насъ такого адата въ Кабардѣ, чтобы обижать женщинъ,—вступается за своего друга Селимъ, сдвинувъ на лобъ папаху, ловкимъ, неуловимымъ для глазъ движеніемъ плечъ.

— Ты хочешь ссориться, Селимъ?—спокойно освѣдомляется Сандро. — Ты забылъ, что велитъ намъ постоянно „другъ“—жить въ мирѣ и согласіи между собой?

— Ссору кабардинца съ грузиномъ можетъ рѣшить только кинжалъ и никакой „другъ“ не будетъ тому помѣхой!—вызывающе бросаетъ мальчикъ-татаринъ, сверкнувъ недружелюбнымъ взоромъ на Сандро.

— Эге, пріятель... Да у тебя на плечахъ, я вижу, вмѣсто головы пустая тыква, если ты хочешь драться, когда это строго запрещаетъ „другъ“.

Это говоритъ Валентинъ. Лицо его серьезно, почти строго.

Въ этихъ спокойныхъ, не дѣтски смышленныхъ чертахъ навѣки застыло что-то уравновѣшенное, ясное, разъ и навсегда понятное. Но глаза Валентина, чуть сѣрые, сощуренные глаза, полны затаеннаго смѣха.

— Тебя никто не спрашиваетъ, убирайся къ шайтану!— сердито выкрикиваетъ Селимъ.

— Охотно, если ты пойдешь туда со мною, чтобы показать мнѣ дорогу.

Лицо Валентина—невозмутимо спокойное. Онъ великолѣпенъ со своими лукаво-смѣющимися глазами, съ хрупкой фигурой переодѣтаго принца, съ руками, засунутыми въ карманы.

— Ой, молчи, сѣверная оса, какъ бы я не ужалилъ тебя побольнѣе!.. —замѣчаетъ Селимъ.

И въ одну минуту весь загорается какъ порохъ.

— Скажи лучше—не забодалъ тебя... Вѣдь бараньи головы украшены рогами, миленькій. Правду тебѣ говорю,—смѣясь, роняетъ Валентинъ.

— Ахъ, ты! Не будь я Селимъ-Али, сынъ Ахверды-Али изъ нижней Кабарды, если я!..

Въ два прыжка Селимъ подскакиваетъ къ Валентину.

— Мальчики! Не деритесь! Во имя „друга“! Вы помните завѣтъ и ея, и тети Люды: мы должны быть какъ братья и сестры всѣ, всѣ!

Гема, съ полными слезъ глазами, съ мольбою протягиваетъ руки впередъ.

— Женщина, молчи! Твое мѣсто не тамъ, гдѣ сражаются джигиты!

Красный, какъ піонъ, Селимъ, оттолкнувъ дѣвочку, съ поднятыми кулаками кидается на Валентина.

Но между ними уже Сандро.

— Ни съ мѣста!

Сильными руками обхватываетъ онъ молоденькаго татарина поперекъ тонкаго стана и откидываетъ назадъ.

— И ты тоже, Валь! И тебѣ не стыдно? Такъ-то вы любите „друга“?.. Драчуны!..

Сандро — весь гроза. Густой румянецъ кроетъ его смуглыя щеки. Порывомъ негодованія горятъ его темные глаза.

Валентинъ пожимаетъ плечами.

— Я то при чемъ? Господи, помилуй! Чѣмъ я виноватъ, что у татарина пустая тыква вмѣсто башки!

— Опять!

Сандро дѣлаетъ угрожающій жестъ по направленію Селима, который, разъяренный какъ дикая чекалка горъ, готовъ драться до потери силъ.

Въ четырнадцать лѣтъ онъ еще совершенный ребенокъ, непосредственный, не умѣющій владѣть собою ни на іоту, хотя и мечтаетъ днемъ и ночью быть джигитомъ-саибомъ (офицеромъ).

Селтонетъ стоитъ въ сторонѣ. Глаза ея—мгла и пламень. Она больше всего любитъ ссоры и драки, бурю и суету.

„И чего мѣшается Сандро! Кто его проситъ! Аллахъ вѣдаетъ, какъ бываетъ сладко, когда подерутся мальчишки“,—вихремъ проносятся крылатыя мысли въ ея головѣ.

„Подерутся изъ-за нея... Селимъ ея вѣрный песъ и настоящій джигитъ по натурѣ... Удалой, не боится ничего, ее слушаетъ во всемъ, какъ ребенокъ. Не мудрено: она старше и умнѣе его и это, вѣрно, какъ луна всходитъ ночью, а солнце утромъ!.. Онъ бы и сейчасъ лихо отдулъ долговязаго Вальку, выколотилъ бы пыль изъ его бешмета, а этотъ Сандро всегда помѣхой всему...“

Внезапно обрывается мысль...

„Этотъ“ Сандро стоитъ передъ нею.

Глаза „этого“ Сандро впиваются въ нее, точь въ

точь какъ глаза „друга“, пронзительные, какъ у орла, острые и тяжелые.

— Селтонетъ!—говоритъ онъ настойчиво и твердо взявъ обѣ ея смуглыя руки въ одну большую, не по лѣтамъ сильную, свою. — Селтонетъ, еще разъ спрашиваю тебя, гдѣ ты была сегодня утромъ, гдѣ? Ты должна мнѣ это сказать, понимаешь, должна!

Селтонетъ хочетъ вырвать руки, хочетъ отвернуть лицо отъ Сандро, хочетъ солгать ему, какъ всегда она лжетъ.

Но черные глаза точно впиваются ей прямо въ душу и видятъ, какъ кажется, ее насквозь. А сильная рука Сандро сжимаетъ ея пальцы... Селтонетъ блѣднѣетъ отъ сознанія своего безсилія. Селимъ не можетъ придти къ ней на помощь. Селимъ много слабѣе Сандро, который силенъ, какъ молодой барсъ.

И зачѣмъ только „другъ“ поручилъ ему приглядывать за ними! Или они дѣти, что-ли? Слава Аллаху, выросла она, Селтонетъ!

Безсильная злость закипаетъ въ груди дѣвочки. Ненавистенъ ей Сандро и всѣ они, особенно насмѣшникъ Валька и та синеглазая кукла, изъ-за которой ей влетѣло отъ „друга“ и другихъ въ первый же день ея пріѣзда!

И чтобы удивить ихъ всѣхъ, испугать и озадачить, Селтонетъ швыряетъ въ самое лицо Сандро злыя, но правдивыя слова:

— Была у зеленой сакли... Слушала подъ дверьми, какъ „оно“ тамъ царапалось и выло. Слушала, да! Часъ битый ждала... И еще пойду! И еще увижу!.. И шайтанъ васъ всѣхъ возьми!.. Нѣтъ цѣпей для рукъ и ногъ Селтонетъ. Нѣтъ цѣпей! Да!

— Какъ?! У зеленой сакли?!—восклицаетъ Сандро.

Ужасомъ полно это восклицаніе.

Блѣднѣютъ молодыя лица.:.

Даже Валентину, или Валѣ, какъ его сокращенно здѣсь всѣ называютъ, измѣняетъ его обычное спокойствіе и онъ, растерянный, отступаетъ назадъ.

Гема судорожно вздрагиваетъ, повалившись на дернъ.

У Маруси Хоменко лицо—сплошной ужасъ. Селимъ широко раскрылъ глаза и ротъ.

Только Даня спокойно смотритъ на всѣхъ большими синими глазами.

— Что это за зеленая сакля?—спрашиваетъ она нетерпѣливо,—скажите мнѣ!

И въ тотъ же мигъ чувствуетъ, какъ маленькая ручонка ложится ей на губы. Въ двухъ вершкахъ отъ нея залитое слезами, испуганное личико Гемы. Она шепчетъ чуть слышно трепетнымъ голосомъ:

— Молчи, цвѣтикъ, молчи... О зеленой саклѣ „другъ“ не позволяетъ говорить... Не позволяетъ...

VIII.

— ДѢВОЧКИ, готовы? Пора выходить!

Даня стоитъ сиротливо въ сторонкѣ.

Ея черное платье, съ нашитыми на немъ креповыми полосами, такъ мало подходитъ къ сегодняшней праздничной обстановкѣ.

Гема и Маруся—въ бѣлыхъ легкихъ вечернихъ костюмахъ, смѣсь воздушнаго тюля и лентъ; у Селтонетъ бѣлый суконный бешметъ и широкія канаусовыя голубыя шальвары; красивыя звенящія ожерелья на ея смуглой шеѣ; у тети Люды парадное сѣрое шелковое платье. У всѣхъ цвѣты, срѣзанные нынче поутру, живыя азаліи и розы въ волосахъ. А она, Даня, олицетвореніе сиротства въ этотъ день!

Чуткая Гема лучше всѣхъ понимаетъ подругу. Она ластится къ ней, какъ кошечка, и шепчетъ то и дѣло:

— Не печалься, моя роза, улыбнись... Взгляни веселѣе твоими синими глазками. За столомъ ты сядешь между мною и Марусей, и мы не позволимъ тебѣ скучать. Правду, Маруся, говоритъ Гема?

Молоденькая казачка вскидываетъ свой задорный носикъ.

— А то какъ же! Неужто позволимъ! Ха, ха!

— Что у тебя за манеры, Марусенокъ? Ну, кто же

такъ дергаетъ носомъ?—говоритъ подошедшая Люда, съ ласковымъ укоромъ глядя на дѣвочку.

— Ахъ, тетя, милая! Ну, чѣмъ же я виновата, если мой носъ не сводитъ глазъ съ Горійской колокольни? Мой носъ — тяжелое бремя для меня! Но ничего не подѣлаешь—перемѣнить нельзя!

И наморщивъ свой, и безъ того малюсенькій, носикъ, шалунья съ хохотомъ бросается своей воспитательницѣ на грудь.

— Не шали, Маруся!

— Тетя Люда! Это выше моихъ силъ!

— Глупенькая!

— Конечно!

И снова смѣхъ и поцѣлуи.

Маруся всегда такая съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь поселилась. Всегда веселая, рѣзвая хохотушка. Живетъ, какъ птичка, безпечная и радостная. Жизнь для нея—веселая, пестрая сказка...

Ударъ гонга прерываетъ эту сцену.

— Идемъ, дѣти, идемъ!.. Даня, бѣдняжка моя! Тебѣ очень тяжко?

Голосъ Люды, упавшій до шопота, проникаетъ въ самую душу Дани Лариной.

Синіе глаза мгновенно зажигаются печалью.

За эти три недѣли Даня успѣла привыкнуть къ Людмилѣ Александровнѣ больше, нежели къ другимъ. Къ „другу“ она далеко не привыкла. Суровая по виду Нина

Бекъ-Израилъ, хозяйка Джаваховскаго гнѣзда,—„другъ“, какъ ее здѣсь всѣ зовутъ—не обладаетъ такой кроткой, подкупающей, нѣжной душой. Въ ней сила, могучая, мощная мужская сила, рыцарски благородная, но чуждая сентиментальности, чуждая терпимости къ чужимъ, особенно къ Даниным слабостямъ.

Княжна Нина рождена, чтобы повелѣвать. Даня же не умѣетъ покоряться и смущается ея глазами, зоркими и всевидящими, какъ у горной орлицы, ея совѣтами учиться, — совѣтами, похожими на приказанье. При этомъ Нина вовсе не считаетъ Даню особенной, отмѣченной судьбою. Люда куда ласковѣе и нѣжнѣе, мягче Нины.

На вопросъ Люды Даня отвѣчаетъ, забывъ свое обычное недовольство судьбой:

— Да, тетя Люда, я вспоминаю маму... Мнѣ тяжело...

— Что дѣлать, крошка! Этотъ праздникъ нельзя отмѣнить. Покойнымъ княземъ Георгіемъ Джаваха былъ отмѣченъ этотъ день, и мы съ Ниной не имѣемъ права вычеркивать его, дѣтка. Пересиль себя, моя Даня! Будь мужественной. Будь госпожей своей воли...

И Люда протягиваетъ руку дѣвочкѣ. Машинально Даня принимаетъ ее.

Всѣ пятеро онѣ идутъ въ кунацкую, гдѣ уже собрались гости, пріѣхавшіе на праздникъ Нины Бекъ-Израилъ.

— При видѣ этихъ прекрасныхъ горійскихъ звѣздъ меркнетъ скромно мѣсяцъ востока!

Съ устъ молодого еще красавца-джигита срывается этотъ возгласъ. И взгляды присутствующихъ обращаются на дверь. Четыре молоденькія дѣвушки, изъ которыхъ старшей, Селтонетъ, только шестнадцать лѣтъ, невольно останавливаются на порогѣ. Глаза разбѣгаются отъ всей этой пестрой, нарядной толпы. О, сколько здѣсь гостей! Здѣсь и „европейскіе“, и „азіатскіе“ гости, какъ ихъ называетъ Валентинъ.

Всѣ интеллигентные жители Гори, съ женами и дѣтьми, офицеры ближайшихъ полковъ съ ихъ семьями, холостая молодежь, барышни, и не то татары, не то грузины въ національныхъ костюмахъ, какихъ еще не встрѣчала до сихъ поръ Даня.

Одинъ изъ гостей, сидящій около молоденькой красавицы въ богатомъ восточномъ нарядѣ подъ кисейной чадрой, привѣтствуетъ вошедшихъ въ кунацкую дѣвочекъ:

— Аллахъ да сохранитъ васъ прекрасными, гуріи рая!

Это восточное привѣтствіе звучитъ какъ дань ихъ молодости и красотѣ. Оно бросаетъ яркое пламя румянца на смуглыя щеки Селтонетъ.

— Ага Керимъ, да сохранитъ тебя пророкъ и твою милую Гуль-Гуль, на долгіе годы за то, что приласкалъ моихъ дѣтокъ! — отвѣчаетъ ему Княжна Нина, встаетъ съ тахты и низко кланяется молодому джигиту и его красавицѣ-сосѣдкѣ.

— Ага Керимъ видитъ, какъ горный ястребъ... Онъ замѣчаетъ новую звѣздочку среди прежнихъ планетъ,—

говоритъ снова джигитъ послѣ небольшой паузы молчанія. Его красивое, умное и смѣлое лицо улыбается Данѣ. Ласково свѣтится его проницательный взглядъ. За нимъ стоятъ Сандро и Селимъ и ловятъ каждое его слово. Въ своихъ бѣлыхъ новыхъ бешметахъ, ловкіе, подвижные, юные, они особенно торжественно-праздничны нынче. Глаза Сандро горятъ какъ факелы. Онъ издали слѣдитъ за малѣйшимъ движеніемъ „друга“, стараясь предупредить каждое желаніе Нины.

— Кузенъ Андро,—говоритъ послѣдняя, вставъ со своего мѣста и взявъ подъ руку высокаго, широкоплечаго казачьяго есаула,—и ты, ага Керимъ, мой кунакъ, и ты, Гуль-Гуль, моя молоденькая тетка, позвольте представить вамъ мою новую питомицу. Ее зовутъ Даня Ларина... Даня, дитя мое, не смущайся! Подойди къ моимъ друзьямъ! Познакомься съ ними.

Черная, въ траурномъ скромномъ платьѣ, фигурка Дани отдѣляется отъ дверей. Глаза гостей направлены къ ней... Здѣсь, на востокѣ, среди горійскихъ дѣвушекъ трудно встрѣтить такую бѣлокурую, хрупкую, съ синими, цвѣта васильковъ, глазами. Отъ нея вѣетъ изяществомъ. Легкая, какъ греза, со своими горделиво изогнутыми бровями и властно-капризнымъ ротикомъ, она очень хороша собой.

— Прелестная дѣвочка! — говоритъ, лорнируя ее, княгиня Тамара Саврадзе, родственница княжны Нины, замужняя сестра Андро.

— Она похожа на валькирію!—роняетъ тучный полковой командиръ, старый казакъ изъ Мцхета.

- Да, на дѣвушку изъ Скандинавской сказки!—вторитъ его жена, мечтательная маленькая особа.

Гуль-Гуль, жена аги Керима, ровесница хозяйки дома, ея родная тетка, сестра родного отца Нины, со свойственной ей живостью лепечетъ на ломаномъ грузинско-русско-татарскомъ языкѣ:

— О, какая красоточка!.. Джаночка!.. Свѣтикъ жизни моей! Изумрудный, алмазный камешекъ изъ перстня Аллаха! Поцѣлуй меня, весенняя лилія карталинскихъ долинъ!

И прежде нежели успѣваетъ что-либо произнести въ отвѣтъ Даня, она чмокаетъ ее прямо въ губы, а затѣмъ, внезапно смутившись, закрывается чадрой.

Ага Керимъ поднимается съ мѣста.

— Если между сѣверными дѣвушками у тебя на родинѣ есть еще хоть одна такая, какъ богата должна быть ваша прекрасная, самимъ Аллахомъ благословенная, страна—говоритъ онъ ласковымъ голосомъ, улыбаясь, Данѣ.

Даня привыкла къ выраженіямъ восторга. Тамъ, въ концертныхъ залахъ, со своей арфой, она успѣла ихъ выслушать многократно. Похвалы не новость для нея. Но этотъ татаринъ-джигитъ съ величественной осанкой говоритъ такъ образно и красиво, съ самодовольной улыбкой...

Недовольна только Нина. Ея черныя брови сдвигаются близко. Она хмурится и говоритъ:

— Спасибо за ласку, дорогіе гости, но вы совсѣмъ мнѣ захвалите дѣвочку. Это не годится.

— Я вполнѣ согласенъ съ вами, кузина: хвалить слѣдуетъ осторожно за личныя достоинства, а не за хорошенькое личико,—раздался чей-то голосъ за плечами Дани.

Это говоритъ князь Андро — высокій казакъ-есаулъ, съ черными усами, съ задумчивымъ глубокимъ взоромъ темныхъ глазъ, съ серьезнымъ лицомъ и большимъ шрамомъ вдоль щеки и надъ бровью.

— Князь Андро вѣренъ себѣ,—шутливо отзывается кто-то,—онъ не любитъ тратить даромъ похвалъ...

— Вы правы,—отвѣчаетъ, не сводя глазъ съ Дани, князь Андро,—и m-lle должна простить это старому солдату! Да!

По лицу дѣвочки пробѣгаетъ улыбка.

Онъ не знаетъ еще, этотъ грузинскій князекъ, какая она талантливая музыкантша... И она чуть замѣтнымъ наклоненіемъ головы отвѣчаетъ на его привѣтъ.

Къ князю Андро или Андрею, какъ его иногда называютъ, незамѣтно прокрадывается Селтонетъ.

— Ты хорошо сказалъ это, саибъ,—говоритъ она шопотомъ, поблескивая своими черными лукавыми глазами,—ты хорошо сказалъ. Красота дается самимъ Аллахомъ и бѣлокурые, какъ облака на небѣ, локоны то-

— О, какая красоточка... Джаночка...

же, и очи синія, какъ востокъ и горные цвѣты... А добраго никто еще не видалъ отъ русской. Клянусь устами пророка! Еще никто не видалъ!

— Молчи, въ тебѣ говоритъ зависть, Селтонетъ!— незамѣтно шепчетъ ей Маруся.—Даня сирота, недавно потеряла мать, не успѣла еще хорошенько и познакомиться съ нами... Ни доброты ея, ни души ея самой ты еще не успѣла узнать,—добавляетъ звонкимъ шопотомъ добрая маленькая казачка. Она говоритъ это тихо, чтобы услышала ее одна только кабардинка. Но Валентинъ, какимъ то чудомъ очутившійся подлѣ, слышитъ тоже.

Когда „другъ“ отходитъ къ гостямъ, онъ наклоняется къ смуглому личику татарки и шепчетъ, щуря свои насмѣшливые глаза, шутливо, безъ всякой злобы:

— Что, скушала, очаровательная султанша! Въ другой разъ не сунешь куда не надо свой длинный носикъ! Нѣтъ!

— Валь! Валь! И тебѣ не стыдно! — замѣчаетъ ему мягко темнокудрая Гема, поднимая на мальчика молящіе глаза.

— Ахъ, ты, Боже мой! И эта теперь запѣла! Святоша наша плакать собралась!.. Пожалуйста, не разводите сырости, прелестная Гема! Праздникъ „друга“ могъ бы пройти безъ дождя.

И, пожавъ плечами, Валь отходитъ въ сторонку, туда, гдѣ цвѣтникъ барышенъ и молодыхъ людей. Валя особенно здѣсь любятъ, какъ сдержаннаго, всегда ве-

селаго и остроумнаго мальчугана. И его всегдашній великолѣпно-спокойный видъ, дѣлающій его похожимъ на переодѣтаго принца, и язычокъ, порой острый, какъ бритва,—все это влечетъ къ нему сердца. Князь Андро Кашидзе отзываетъ его въ сторону.

— Мой мальчикъ, какъ идутъ твои дѣла?—спрашиваетъ Андро.

— „Другъ", я и Сандро читаемъ теперь греческую миѳологію,—отвѣчаетъ Валь.—Сандро отъ нея въ восторгѣ, а я нѣтъ.

— Почему?

— Греки поклонялись богамъ, какъ людямъ. Ихъ боги были тѣ же люди, почти подобные имъ. Развѣ можно поклоняться людямъ, князь?

— А развѣ ты-бы не могъ сдѣлать этого, Валь?

— Нѣтъ! Поклоняться людямъ, нѣтъ! Ни за что, князь!

— А „другу"?.. Или ты не поклоняешься княжнѣ Нинѣ, ея уму, сердцу, добротѣ?

— Я уважаю, цѣню и люблю „друга", князь. „Она" все знаетъ. Но когда я буду такой же взрослый, какъ она, я постараюсь знать не меньше... Стало быть я долженъ буду поклоняться и себѣ... Хорошо-ли это? Скажите!

Замѣчаніе Валя вызываетъ улыбку на лицѣ князя Андро.

— У тебя умная голова, Валь,—говоритъ онъ;—я

приложу всѣ старанія убѣдить кузину учить тебя дальше. Ты-бы хотѣлъ, по окончаніи гимназіи, поступить въ университетъ?

— О!

Это „о“ сорвалось спокойно и тихо съ устъ мальчика. Но въ немъ, въ этомъ „о“—цѣлая гамма тончайшихъ переживаній.

Оно краснорѣчивѣе всякихъ словъ говоритъ о томъ, что мечта Валя, именно, поступить со временемъ въ университетъ. Не даромъ всѣ въ Джаваховскомъ гнѣздѣ называютъ Валя „будущимъ ученымъ“.

Князь Андрей внимательно взглянулъ на Валя и въ душѣ рѣшилъ, что и долженъ сдѣлать счастливымъ этого мальчика, богато одареннаго, замкнутаго и одинокаго по природѣ.

* * *

Тихій восточный вечеръ незамѣтно вѣялъ въ природѣ. Точно темноокій духъ горъ въ синей бархатной мантіи съ золотыми блестками звѣздъ пролетѣлъ надъ нею. Пышныя гирлянды, свитыя изъ зелени чинаръ и каштановъ, вперемежку съ розами изъ сада, оцѣпляютъ домъ, террасу и садъ. Разноцвѣтные фонарики горятъ подъ ними, мерцаютъ во тьмѣ кустовъ и кущъ, какъ огромные свѣтляки. На плоской кровлѣ кончается поздній обѣдъ. Послѣднія блюда—сласти и дессертъ, душистые шербеты, засахаренные и свѣжіе плоды, абрикосы,

виноградъ, изюмъ, дыни и персики стоятъ на столѣ. Огромные графины съ легкимъ и вкуснымъ карталинскимъ виномъ сверкаютъ алой влагой.

Князь Андрей провозгласилъ послѣдніе тосты въ честь хозяйки дома, ея подруги и наставницы, всѣми любимой „тети Люды“, и всего „гнѣзда“. Потомъ онъ незамѣтно отдалъ какое-то приказаніе Павле. Тотъ переглянулся съ Аршакомъ и Михако, прислуживавшимъ за столомъ.

— Однимъ духомъ, спѣшу, батоно!

На площадку передъ садомъ выводятъ коней.

Эти кони—гордость Нины и всего Джаваховскаго гнѣзда—всѣ тонкоспгіе, нервные, подвижные. Но лучше всѣхъ Эльбрусъ, золотогривый красавецъ, полудикій, не подпускающій къ себѣ никого.

— Джигитовка будетъ, джигитовка!— вспыхиваетъ искрами пріятная вѣсть между гостями.

Два молодые хорунжіе, два юнкера новоиспеченные, случайно попавшіе на лѣто въ Гори, да Селимъ и Сандро выступаютъ впередъ.

Какъ кошка, своей вороватой походкой крадется за ними Селтонетъ.

— Селимъ, Селимъ, слушай: если ты опередишь ихъ всѣхъ, я подарю тебѣ мой поясъ съ бирюзою. Онъ стоитъ полтора тумана... Его сняли съ покойной моей матери и отдали мнѣ... Поддержи славу родной Кабарды, Селимъ!

— Не учи, женщина. Селимъ лучше тебя знаетъ, что дѣлать!

Обычно покорный словамъ дѣвочки, Селимъ теперь весь преобразился. Съ лихо заломленной на бокъ папахой, мальчикъ первый вскакиваетъ въ сѣдло.

— А вы, Валентинъ, не будете джигитовать?

Тоненькая барышня, Лида Марголина, дочь командира казачьяго полка, подходитъ къ Валѣ.

Тотъ пожимаетъ плечами.

— Я предпочитаю джигитовать каждое утро надъ математикой и латынью... Впрочемъ, если „другъ“ пожелаетъ...

Нина улыбается.

— Ступай, Валь. „Другъ“ этого желаетъ, да. Пусть юный философъ не отстаетъ отъ другихъ.

Нина Бекъ-Израилъ гордится ловкостью своихъ питомцевъ. Она любитъ показать обществу своихъ мальчиковъ во всей ихъ красѣ.

У нея въ рукахъ вѣнокъ, свитый изъ розъ и лавра. Онъ предназначается на голову побѣдителю, герою удалой скачки. Кто первый, описавъ кругъ по лужайкѣ и перескочивъ высокій барьеръ, наскоро поставленный Павле и Аршакомъ, примчится къ цѣли, поднявъ съ земли платокъ — тотъ получитъ въ награду этотъ вѣнокъ.

У Сандро сердце въ груди мечется, какъ птица и глаза извергаютъ пламя огня. Если вѣнокъ доста-

нется ему, онъ умретъ отъ счастья у ногъ обожаемаго „друга“!..

Гема подходитъ къ брату.

— Не садись на Эльбруса, мой голубь! Онъ дикій, Эльбрусъ... Онъ тебя понесетъ...

Селтонетъ смѣется:

— И сброситъ на-земь дѣвчонку въ шальварахъ.

Глаза Сандро сверкаютъ, какъ солнце.

— Молчи Селтонетъ!.. У насъ, въ Алазани, не рождаются трусы, — произноситъ онъ и вскакиваетъ какъ разъ на Эльбруса, дикую, невыѣзженную лошадь гнѣзда.

Маруся тоже горитъ желаніемъ джигитовать.

— Тетя Люда! „Другъ“! Пустите меня... Пустите!.. Я на Шахѣ поѣду... Онъ самый тихій... Или возьму себѣ тетину Тавриду... Пустите!

Ея косы растрепались... Глаза блестятъ... Тетя Люда въ ужасѣ: дѣвочка въ бѣломъ платьѣ въ мужскомъ сѣдлѣ, верхомъ—это невозможно!

Ага Керимъ улыбается. Его бѣлые зубы бѣлѣютъ въ улыбкѣ, какъ кипень.

— Лихая казачка, джигитка, что и говорить! Люблю такихъ! Смѣла, орлица!—лукаво подзадориваетъ онъ.

— Да, это вѣрно!—соглашается съ мужемъ Гуль-Гуль, обдавая дѣвочку ласковымъ взглядомъ своихъ черныхъ глазъ, скрытыхъ подъ чадрой.

Но Нина не согласна. Хотя она требуетъ мужской

смѣлости отъ своихъ дѣвочекъ, но сейчасъ выдумка Маруси ей не по душѣ. Пусть джигитуютъ мальчики. Для нея, Маруси, еще придетъ пора отличиться.

Павле, Михако и Аршакъ зажгли просмоленныя бочки на полянѣ и на ней стало свѣтло, какъ днемъ.

Князь Андрей подходитъ къ широкой чинарѣ. Отсюда начало скачки.

— Джигиты, впередъ!

Толпа гостей отхлынула къ оградѣ сада. Всадники выѣзжаютъ, строятся въ одну линію.

Два молодые хорунжіе, два юнкера, трое мальчиковъ изъ „гнѣзда“ и Аршакъ. Селтонетъ вьется подлѣ.

— Селимъ! Селимъ! Помни, если ты первый—бирюзовый поясъ и моя вѣчная дружба на придачу! Рабой тебѣ служить буду! Да! Клянусь Кабардой! Клянусь!

Сандро сидитъ, какъ выкованный, на пляшущемъ подъ нимъ полудикомъ Эльбрусѣ. Князь Андрей подходитъ къ нему.

— Если ты не увѣренъ въ конѣ, мой мальчикъ, бери другого.

— Никогда, батоно, никогда!

Сколько въ этомъ „никогда“ отваги, лихой отваги!

— Ахъ, Сандро... Зачѣмъ? Зачѣмъ?.. — шепчетъ Гема, но мальчикъ глухъ и нѣмъ къ мольбамъ сестры.

Даня, непривычная къ такому зрѣлищу, заинтересовывается имъ.

Къ ней подходитъ Маруся.

— Я хотѣла бы, чтобы Сандро... чтобы именно онъ вышелъ побѣдителемъ...

— Все равно, только бы кто-нибудь изъ нашихъ,— подхватываетъ Гема,—это будетъ пріятно „другу“, тетѣ Людѣ, намъ всѣмъ.

А въ душѣ ея стонетъ молитва:

— „Святая Нина! Благовѣрная царица Тамара! Помогите моему брату, розану души моей, Сандро, чтобы не быть ему сброшеннымъ конемъ!“

Маруся беретъ подъ руку Даню.

— Взгляни на агу Керима. Какъ горятъ у него глаза! Какъ вздрагиваютъ ноздри! О, онъ прекраснѣе всѣхъ понимаетъ джигитовку! Онъ лучшій джигитъ Дагестана!.. И, ты знаешь, онъ бывшій разбойникъ—Керимъ!

— Что?!

— Да. Онъ грабилъ въ горахъ тѣхъ, кто наживалъ богатства недобрымъ путемъ, притѣсняя бѣдныхъ... У него была своя шайка... Потомъ ихъ поймали... судили... Онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ... Говорятъ, онъ самъ отдался въ руки, спасая „друга“, нашу княжну Нину *). Теперь онъ мирный джигитъ и...

Маруся не доканчиваетъ своей рѣчи. Внезапно лицо ея озаряется восторгомъ. Она хлопаетъ въ ладоши и, заливчато, счастливо смѣясь, кричитъ:

— Смотрите! Смотрите всѣ! Они скачутъ! Скачутъ!

---

*) Смотри повѣсть «Вторая Нина».

IX.

ОНИ, дѣйствительно, скачутъ.

Впереди чужіе: хорунжій и юнкеръ, потомъ Селимъ. Валь спокойно погоняетъ своего Ворона, который почему то не хочетъ прибавить ходу. Сандро позади всѣхъ. Дикій Эльбрусъ подъ нимъ попрежнему кружится и пляшетъ. Сандро волнуется. Если такъ продолжится, онъ не прилетитъ первымъ и не получитъ изъ рукъ „друга“ желаннаго вѣнка.

О, какъ ему, Сандро, дорога каждая похвала „друга“, каждая улыбка одобренія на устахъ Нины!.. Онъ, Сандро, помнитъ свою мать. Она умерла два года назадъ. Но „другъ“ замѣнилъ ему ее. Замѣнилъ всецѣло. И нѣтъ, кажется, ничего, чего бы не сдѣлалъ для „друга“ Сандро.

А Эльбрусъ все бѣснуется... все мечется подъ нимъ... Съ такимъ конемъ далеко не ускачешь... Бѣшено закипаетъ душа юнаго грузина. Сердце вспыхиваетъ горячимъ огнемъ.

Что, если Селимъ получитъ вѣнокъ отъ „друга“? Что скажетъ тогда его учитель джигитовки, князь Андрей и тотъ, другой, могучій джигитъ всего Дагестана, герой и отчаянный смѣльчакъ, ага Керимъ?

Пламя вспыхиваетъ и разливается по груди Сандро.

Что бы ни было, онъ долженъ опередить всѣхъ.

Не помня себя, весь олицетворенная жажда побѣды, юноша ногами, обутыми въ мягкіе чевяки, стискиваетъ крутые бока коня...

Эльбрусъ вздрагиваетъ подъ нимъ, какъ стрѣла, натянутая лукомъ... Дѣлаетъ прыжокъ, скачокъ... и летитъ... Летитъ, какъ вихрь, гонимый бурей...

Хорунжій и юнкеръ, Валь и Аршакъ далеко позади... Впереди — Селимъ. Одинъ Селимъ. Татаринъ почти лежитъ, припавъ плечами и грудью къ сѣдлу. Характерное гиканье срывается съ его губъ:

— Айда! Гопъ! Айда! Гопъ! Гопъ! Айда!

Вѣнокъ очевидно достанется Селиму.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Ни за что на свѣтѣ!—мелькаетъ въ мысляхъ Сандро.

Разъ! Нагайка изо всей силы ударяетъ Эльбруса по золотистой шерсти.

Скачокъ. Еще скачокъ. Дикое пламя глазъ и трепетъ розовыхъ ноздрей четвероногаго сына Кабарды и... Сандро у барьера...

Разъ! Два! Три!

— Выноси, сердце мое! Выноси!

Теперь Эльбрусъ смиренъ, какъ ягненокъ. Сила Сандро передается ему. Смуглыя, не большія, но крѣпкія руки юнаго всадника умѣютъ держать поводья; сильныя стройныя ноги—ноги прирожденнаго джигита — сжали коня, какъ тиски...

Юный всадникъ обладаетъ властью — очевидно это понимаетъ и подчиняется Эльбрусъ.

Барьеръ въ пяти саженяхъ передъ нимъ.

— Впередъ!

Сандро поднимается въ стременахъ, затѣмъ быстро опускается всѣмъ туловищемъ, хватаетъ съ земли платокъ и уже почти у самаго барьера вскрикиваетъ:

— Гопъ-ля! Айда! Айда! Эльбрусъ!

Конь храпитъ при видѣ препятствія, колеблется... Паръ валитъ изъ его ноздрей.

Сзади слышится характерное горское вскрикиваніе Селима... Сейчасъ онъ настигнетъ, сейчасъ! Вотъ онъ ближе, ближе...

— Не получить тебѣ вѣнка! Не получить! — точно сзади чей то крикъ.

Этотъ крикъ—ударъ хлыста для Сандро.

— Лжешь, кабардинецъ! Лжешь!

И новый взмахъ нагайки ударяетъ Эльбруса.

Скачокъ съ мѣста... Скачокъ передъ самымъ барьеромъ. Ужасный скачокъ!

Одинъ мигъ и Эльбрусъ стоитъ по ту сторону, дрожа всѣмъ своимъ гибкимъ тѣломъ. Сандро лежитъ на землѣ, потерявъ сознаніе на одно мгновеніе.

Только на одно мгновеніе!

Вотъ онъ опять на ногахъ. Холодный потъ катится по его лицу... Въ головѣ его безсвязно, туманно отъ паде-

нія... Ударъ о землю ошеломилъ его. Но глаза горятъ восторгомъ, когда онъ, быстро вставъ на ноги, подходитъ къ Нинѣ...

— О, „другъ“! — говоритъ онъ, захлебываясь отъ счастья,—твой Сандро...

— Мой Сандро заслужилъ эти лавры и розы,—отвѣчаетъ гортанный голосъ, въ то время какъ глаза матерински любящимъ и озабоченнымъ взоромъ окидываютъ смѣлое, странно измѣнившееся лицо юнаго всадника, а рука кладетъ пурпурно-зеленый пахучій вѣнокъ на черные кудри,—вѣнокъ изъ лавра и розъ.

— Ты не ушибся, мой мальчикъ милый? Не стукнулся? Нѣтъ? — спрашиваетъ взволнованный голосъ „друга“.

Гема трепещетъ всѣмъ тѣломъ, стоя тутъ же подлѣ, полная гордости за него.

— Ты не больно ушибся? Скажи, не больно? Нѣтъ?

Но выносливый, улыбающійся, терпѣливый, онъ отвѣчаетъ, глазами лаская сестру.

— Нѣтъ. Успокойся, голубка, нѣтъ.

Ага Керимъ подходитъ къ мальчику, кладетъ руку ему на голову.

— Если бы пророкъ наградилъ меня и Гуль-Гуль такимъ сыномъ, я не искалъ бы большаго счастья на землѣ... Обними меня, джигитъ!

Чуть живой отъ восторга, не слыша, не видя ничего передъ собою, Сандро исполняетъ его приказаніе.

Потомъ онъ подходитъ къ князю Андрею.

— Батоно, ты доволенъ мной?

— Молодчина! — коротко бросаетъ тотъ, обдавая Сандро мягко свѣтящимся взглядомъ.

Селимъ прискакалъ вторымъ.

Его лицо смущено. Онъ не слышитъ ни похвалъ, ни рукоплесканій. Зависть къ Сандро Данадзе гложетъ мальчика. А тутъ еще Селтонетъ стоитъ передъ нимъ, какъ вѣдьма... Глаза, какъ у чекалки, горятъ при свѣтѣ костровъ злымъ, злорадным взоромъ.

— Посрамилъ Кабарду, Селимъ, посрамилъ Кабарду!—шипитъ злая дѣвчонка.

— Да что же прикажешь дѣлать, когда у того, у Эльбруса, ноги какъ у шайтана!

— Молчи! Ужъ молчи! Не видать тебѣ пояса, ни дружбы Селтонетъ.

Остальные участники джигитовки подскакали тоже.

— Гдѣ же Валь? Я его не вижу,—волнуясь спрашиваетъ трепетный голосъ.

— Я здѣсь, тетя Люда. Пожалуйста не безпокойся, я здѣсь.

Гости поражены.

Валь сидитъ въ сторонкѣ на травѣ. Подлѣ него, мирно пощипывая траву, пасется Воронъ.

— Какъ? Ты не джигитовалъ развѣ?—спрашиваетъ Нина.

— Успокойся, другъ. Я предпочелъ быть первымъ.

Первымъ пришелъ и усѣлся здѣсь, чтобы не быть послѣднимъ,—возражаетъ Валь, комически разводя руками.

Взрывъ смѣха покрываетъ слова мальчика.

- О, Валь будетъ скорѣе ученый, нежели джигитъ!—смѣясь замѣчаетъ князь Андрей Кашидзе.

— Съ вашего позволенія, дядя Андро, — самымъ серьезнымъ образомъ раскланивается мальчикъ,—когда я выдержу экзаменъ въ гимназію и...

Но Валю не суждено выразить его мысли.

Крикъ, вѣрнѣе вой, похожій на ревъ дикаго звѣря, отчаянный, пронзительный и страшный оглашаетъ поляну, усадьбу, предмѣстье, все Джаваховское гнѣздо.

Вой, въ которомъ слышится отчаянный протестъ, гнѣвъ, бѣшенство и сверхъестественная сила, что-то кровожадное, дикое и нелѣпое... Жуткій вой...

Легкое „ахъ“, вырвавшееся изъ нѣсколькихъ человѣческихъ грудей, сопутствуетъ страшному звуку.

Лица гостей, особенно женщинъ, блѣднѣютъ. Въ чертахъ мужчинъ недоумѣніе...

— Что такое?!

На смертельно поблѣднѣвшемъ лицѣ хозяйки дома не дрогнулъ ни одинъ мускулъ. Только сосредоточенно сходятся брови надъ суровыми глазами и сильно закусывается нижняя губа.

— Кузенъ Андро... Люда... Дѣвочки... Займите гостей, ведите ихъ на кровлю... Сейчасъ начнутся танцы... Я скоро вернусь...

И, извинившись передъ всѣми, она быстрыми шагами идетъ по дорожкѣ сада, туда, въ самую глубь его, къ высокому обрыву надъ Курой.

Дѣвочки сбились въ кучу.

Маруся, раскрывъ свои обычно маленькіе глаза и дрожа всѣмъ тѣломъ, шепчетъ на-ухо Данѣ:

— Ты слышишь это въ первый разъ, а мы такъ часто, часто... Особенно передъ ночью... Ахъ, это ужасно, Даня! Ужасно, потому что никто не знаетъ, откуда это идетъ.

Гема съ разлившимися отъ ужаса зрачками вторитъ, какъ эхо:

— Никто! Никто!

Изъ-подъ тѣни чинары выдвигается Селтонетъ.

— А я знаю!—говоритъ она задорно и торжествующе, оглядывая подругъ.

— Что ты знаешь? Что?

— Я знаю... Вой идетъ изъ Зеленой сакли. Я узнала... Да, узнала теперь сама... Это она воетъ тамъ и кричитъ...

— Кто она?—замирая отъ страха, роняетъ Гема, но получить отвѣта ей не суждено.

— Дѣвочки, на кровлю!.. Михако привелъ музыкантовъ... Идите танцовать!—раздается голосъ тети Люды, которая вслѣдъ затѣмъ обращется къ Данѣ:

— А ты, моя малютка, посмотришь на танцы. Не грусти.

И тетя Люда ведетъ Даню по лѣстницѣ наверхъ, на крышу сакли.

. . . . . .

О! это цѣлая поэма востока.

Впечатлительная натура Дани охватываетъ всю картину сразу.

На плоской крышѣ Джаваховскаго гнѣзда разостланы пестрые ковры. Восточные, крытые яркими кусками шелковыхъ тканей, диваны стоятъ по краямъ ея. Между ними — столики съ прохладительнымъ питьемъ. Вдоль парапета—другіе, для игры въ карты старшимъ гостямъ. Музыканты пріютились на невысокой башнѣ. Ихъ нѣсколько человѣкъ. У нихъ духовые инструменты для бала. Отдѣльно, въ сторонѣ, неизбѣжные для аккомпанемента зурна, домра и чіангури.

А надъ кровлей синій бархатный куполъ роскошнаго теплаго кавказскаго неба.

Вѣрные сторожа его, горы, темными великанами слились съ золототканнымъ, звѣздами усыпаннымъ шатромъ... Оріонъ, весь янтарный, съ зеленымъ блескомъ, съ алмазнымъ сіяніемъ, выливающимся изъ очей, какъ волшебный духъ, кидаетъ внизъ, на землю, свои взоры. Изъ-за горъ—плыветъ двурогій мѣсяцъ.

Какая красота!

Душа Дани пробуждается для восторга. Ахъ, какъ хочется Данѣ нарушить эту торжественную тишину. Нарушить — звуками въ честь и славу дивной плѣни-

тельной ночи. Хочется нѣжными пѣснями зачаровать еще больше эту волшебную ночь.

Со смерти матери Даня не прикасалась къ струнамъ арфы.

Какъ бы въ отвѣтъ на ея желаніе грянулъ оркестръ... Нарушилась дивная, кроткая тишина ночи. Кровля ожила въ одно мгновеніе.

Тоненькая Лина Марголина, дочь полкового командира, первая съ молоденькимъ адъютантомъ открыла балъ. Мелодично пѣвучіе, нѣжные звуки моднаго вальса полетѣли къ звѣздамъ, въ ярко-золотую высь.

Съ широко раскрытыми глазами и остановившимся сердцемъ внимаетъ этой мелодіи Даня. О, какъ ей тяжело! Одна-одинешенька среди этихъ чуждыхъ людей, чужого веселья!..

Она, забалованная, залелѣянная матерью, подругами, всѣми окружавшими ее въ дѣтствѣ, она, привыкшая къ поклоненію, всеобщему вниманію въ юности, къ восторгамъ толпы, она, такая необыкновенная, талантливая не какъ всѣ здѣсь, не цѣнится всѣми этими людьми, забывшими, казалось, о ея существованіи. Какое имъ до нея дѣло! Развѣ они ее понимаютъ?.. Хороша тетя Люда тоже, эта „святая“, какой ее считаютъ здѣсь всѣ! Привела ее сюда и бросила, точно она просила ее объ этомъ. А „другъ“?.. „Другъ“ скрылся вовсе.

Другъ ли ей, Данѣ, та странная, властолюбивая княжна, черезчуръ уже прямолинейная и какъ будто

рѣзкая? Что она спасла ихъ въ ту роковую ночь,—такъ это сдѣлалъ бы каждый на ея мѣстѣ. Что пріютила, ея, Данину, мать въ тяжелую минуту,—такъ это законъ человѣческой любви къ ближнему... Что ее, Даню, взяла къ себѣ, одѣваетъ, кормитъ и поитъ,—такъ развѣ она, Даня, этого желала? Развѣ ей легко, хорошо здѣсь? Уѣхать-бы ей снова съ ея арфой далеко, далеко, выступать въ концертахъ, играть, поднимать звуками бурю въ сердцахъ людей, быть хоть минутами царевной изъ волшебной сказки, не подчиняться скучной обыденной жизни, не вставать съ пѣтухами, не заниматься уроками съ утра до вечера... Вѣдь она, Даня, почти взрослая дѣвушка, а главное, она артистка. Она вкусила уже сладость успѣха. Ее не удовлетворяетъ такая жизнь. Ей нужна слава и поклоненіе толпы. Въ этой жизни, тихой и методичной, она умретъ, умретъ, зачахнетъ, какъ роза безъ влаги дождя, какъ птица въ клѣткѣ... И потомъ, какъ странно здѣсь все, какъ дико и необычайно. Эти дѣти, Богъ знаетъ откуда взятыя, этотъ гость-разбойникъ, выпущенный изъ тюрьмы и такъ уважаемый всѣми здѣшними, этотъ „идеальный“ Сандро, слѣдящій за каждымъ шагомъ ихъ, точно гувернеръ, и, наконецъ, эта страшная, зеленая, таинственная сакля, о которой имъ не позволено говорить и откуда несется душу потрясающій, ужасный вой. Одна эта сакля можетъ свести съ ума такую, какъ ея, Данину, впечатлительную натуру—натуру артистки, летаю-

щую поверхъ земли. А сейчасъ даже Гема, привязанная къ ней какъ вѣрная собачка, и та даже забыла ее, носится въ вихрѣ вальса со своимъ кавалеромъ... Она и думать забыла про Даню. А еще вчера клялась ей въ дружбѣ, говорила такія ласковыя, нѣжныя слова...

Злое, нехорошее чувство заполняетъ сердце Дани.

— Что съ вами, вы грустите?

Это Валь. Его глаза щурятся чуть насмѣшливо, чуть снисходительно на Даню. Не понять, ласковы-ли или смѣются они.

— Какой глупый праздникъ! — капризно срывается съ устъ Дани и брови ея хмурятся.

— Глупый? Нѣтъ.. Люди здѣсь веселятся красиво. Само небо улыбается имъ, — отвѣчаетъ мальчикъ.

— Отчего же вы не танцуете, Валь?

— О, со мной никто изъ дѣвочекъ не захочетъ плясать.

— Почему?

— Я близорукъ и вѣчно путаю свою даму въ кадрили, это разъ... Потомъ наступаю на ноги всѣмъ и еще,—это два, но, что хуже всего, никогда не слышу такта. Дѣвочки этого не любятъ. Взгляните-ка, какъ ловки Сандро и Селимъ.

— Вы давно здѣсь въ гнѣздѣ, Валь?

— Два года, какъ и всѣ здѣшніе, но кажется точно съ трехъ лѣтъ отъ роду. Меня привезъ „другъ“ изъ

Финляндіи... У меня умерли отецъ съ матерью отъ какой-то заразной болѣзни. Есть у меня еще сестра Лидія... Она за границей учится, кончаетъ тамъ университетъ. Она институтская подруга „друга“... Мы были очень богаты прежде, но папа незадолго передъ смертью потерялъ все... Я такое же дитя-питомецъ, какъ и вы... сирота...

Онъ задумывается на минуту, потомъ лицо его оживляется настолько, насколько можетъ оживиться спокойное лицо Валентина.

— Глядите, „другъ“ вернулся... Сейчасъ будетъ настоящее веселье... Смотрите... Смотрите... Уже началось.

— Куда она ходила? И кто это воетъ такъ часто и страшно у васъ въ усадьбѣ?

— Кто?

Валь морщитъ лобъ, и юное лицо его дѣлается вдругъ старческимъ и забавнымъ.

— Милая Даня, есть вещи, о которыхъ у насъ въ гнѣздѣ не полагается говорить... Это тайна „друга“, а чужія тайны должны быть для насъ священны.

Даня улыбается съ чуть замѣтной насмѣшкой.

— У насъ здѣсь уже слишкомъ много тайнъ, Валь.

— Можетъ быть, вы и правы. Но... смотрите, смотрите. Тетя Люда приготовила „другу“ пріятный сюрпризъ

Изъ толпы молодыхъ дѣвушекъ выдѣляется Маруся. Кубанскую казачку сейчасъ не узнать. Она, всегда ве-

селая, всегда оживленная хохотушка, теперь торжественная и серьезная. У нея въ рукахъ бандура, старинный малороссійскій инструментъ.

Маруся садится на коверъ посреди кровли, поджимаетъ подъ себя ноги и поетъ. Поетъ высокимъ звонкимъ голоскомъ, чистымъ, какъ струя плавленаго металла:

«Ой, на рѣкѣ Кубани,
На родной рѣкѣ
Собрались ребята,
Казаки, дѣвчата
Хороводъ водить...
Хороводъ водить,
Пѣсни заводить...
Пѣли, распѣвали,
Игры затѣвали,
Цвѣтики кидали
Въ синюю волну ..»

Голосъ юной пѣвицы льется серебристою волною... Вторятъ ей струны бандуры, Богъ вѣсть какимъ образомъ заброшенной изъ Хохландіи на берега тихаго Дона, оттуда на славную Кубань, затѣмъ на Куру... Гости, небо и ночь слушаютъ пѣвицу... Марусино личико теперь какъ-будто грустное, какъ-будто одухотворенное восторженнымъ нѣжнымъ чувствомъ къ ея родинѣ, глубокою любовью къ ея красивой вольной отчизнѣ. Вспоминается дѣтство, родимыя степи, покойная мать-казачка, крошечный хуторокъ... Ахъ, ты, тихая, родная станица, широкая улица, кизилевые кусты, свѣтловодная, милая, ласковая рѣка!

Слезинки сверкаютъ въ глубинѣ маленькихъ глазъ Маруси... Вспыхиваютъ глазки... Послѣднимъ всплескомъ раздается мелодія, и пѣснь обрывается.

— Якши, славно! Такъ только райская пташка умѣетъ пѣть въ саду пророка!—первый нарушаетъ молчаніе ага Керимъ.

Гуль-Гуль, порывистая, горячая, какъ всегда, бросается къ дѣвочкѣ, цѣлуетъ.

Гости восторгаются, аплодируютъ.

— Браво, Маруся, браво!

Лицо Нины, сосредоточенно-блѣдное, озабоченное, вслѣдствіе неожиданнаго происшествія, только что нарушившаго было стройное теченіе праздника, теперь проясняется снова. Милая, простодушная улыбка озаряетъ его.

— Хорошо, Маруся... Очень хорошо... Твоя очередь, Гема, теперь.

Блѣденькая Гема выходитъ трепещущая, какъ тростинка въ бурю.

Ея темные глаза, похожіе, какъ двѣ капли воды, на глаза Сандро, только не такіе смѣлые, какъ у него, глубокіе женственные глазки, сіяютъ. Она выходитъ на середину кровли, складываетъ ручки, кланяется гостямъ.

Гема—дитя Кавказа, бѣлая роза Алазанскихъ долинъ. И въ честь ея поэтичной, прекрасной родины складывается грузинская поэма Гемы,—чудесная грузинская

легенда о мудрой царицѣ Тамарѣ, переложенная въ стихи. Гема робко, нѣжнымъ, трогательнымъ голоскомъ, начинаетъ, потупивъ глазки:

«Тамара охотится... Звѣри и птицы,
Сраженные, падаютъ, царской рукой...
Сверкаютъ прекрасныя очи царицы,
И мчится со свистомъ стрѣла за стрѣлой.
Богатые, знатные уздени съ нею
До устали гонятъ могучихъ коней,
Во славу царицы себя не жалѣя,
Желая удачи и радости ей.
Но горе: любимѣйшій кречетъ Тамары,
Умчавшись за рѣку, куда-то исчезъ.
И взоры орла изъ-подъ царской тіары
Летятъ за нимъ слѣдомъ за горы и лѣсъ.
И молвитъ царица:—«Вы, храбрые джигиты,
Кто рѣку Ліахву изъ васъ проплыветъ?
Кто смѣлый и сильный изъ рыцарей свиты
Мнѣ ястреба снова сюда принесетъ?»
Ліахва въ разливѣ... И черныя волны
Бурлятъ и шумятъ и гудятъ подъ горой,
Свирѣпаго, жуткаго бѣшенства полны,
Грозятъ полонить подъ студеной водой...
Погибнутъ безцѣльно—какая отрада,
Задохнуться въ илѣ зыбучаго дна?
И снова Тамара:—«Пусть будетъ награда
Мой царскій вѣнецъ и царица—жена».
Тутъ юноша свѣтлый выходитъ, сверкая
Красой небывалой, любовью томимъ.
Взлетѣлъ на утесъ онъ. Въ Ліахву кидая
Колчанъ свой тяжелый, летитъ вслѣдъ за нимъ.
Ліахва бунтуетъ... Но онъ ужъ далеко.
Плыветъ онъ обратно и кречетъ въ рукѣ...
Глядятъ его очи, отверсты широко,

Глядятъ на царицу... Царица въ тоскѣ...
Сомнѣнье въ Тамарѣ:—«Напрасно спѣшила,
Суля съ незнакомцемъ свой тронъ раздѣлить.
Зачѣмъ ему вѣщее сердце дарила,
Зачѣмъ посулила его я любить...
Супругъ мой—народъ мой. Отчизна мнѣ счастье...
Мнѣ лучшее въ мірѣ—народный покой.
О, Богъ мой Великій, спаси отъ ненастья
И къ лучшему все, Могучій, устрой!»
Едва прошептала, какъ грозно, побѣдно
Забилась рѣка, заклубилась вода...
Пронзительный выкрикъ... И юноша блѣдный
Въ пучинѣ исчезъ... Навсегда!.. Навсегда!
И тутъ же велѣла Тамара твердынѣ
Изъ камней могучихъ воздвигнуть дворецъ.
Остатки той крѣпости видны донынѣ
Надъ мѣстомъ, гдѣ сгинулъ безстрашный
пловецъ...

Съ трепетными пятнами румянца на щекахъ Гема закончила свою поэму...

Старый тучный полковникъ тяжело поднялся съ мѣста.

— Матушка-княжна Нина Арсеньевна, — отдуваясь заговорилъ онъ,—да неужто эту штуку могла сочинить такая малютка?

Нина, съ тѣмъ же свѣтлымъ лицомъ, съ мягкимъ сіяніемъ въ обычно мрачныхъ глазахъ, подходитъ къ дѣвочкѣ.

— Это ты сочинила, Гема? — заглушая всеобщую бурю восторга, вылившуюся изъ устъ окружающихъ, спрашиваетъ она.

— Нѣтъ, „другъ“, нѣтъ, это не мое,—отвѣчаетъ Гема и отыскиваетъ глазами кого-то въ толпѣ.

Вотъ онъ въ бѣломъ бешметѣ съ лаврами и розами на кудряхъ, съ робкой улыбкой смятенія въ отважномъ, благородномъ лицѣ.

— Это онъ, Сандро, сочинилъ! Переложилъ въ стихи старую горійскую легенду о развалинахъ крѣпости на Ліахвѣ. Онъ съ тетей Людой. Сандро писалъ, тетя поправила. Сандро это! Сандро!—волнуясь заявляетъ Гема и голосъ ея полонъ восторга и торжества.

— Сандро—ты поэтъ! Браво, Сандро! — раздается кругомъ.

Взоръ Сандро гаснетъ въ смущеніи.

— О, „другъ“! Зачѣмъ это Гема предала меня? Это слишкомъ! Я не люблю похвалъ.

— Ты заслужилъ ихъ, мой мальчикъ.

Нина ласково треплетъ по плечу своего любимца. Потомъ незамѣтно машетъ платкомъ музыкантамъ.

И вслѣдъ за этимъ раздаются звуки своеобразнаго кавказскаго оркестра. Чіангури и зурна слились.. Звенятъ и поютъ... Поютъ и точно разсказываютъ что-то.

Изъ круга молодыхъ дѣвушекъ выбѣгаетъ Селтонетъ въ своемъ національномъ костюмѣ, гибкая, ловкая и подвижная — она прелестна. Ея глаза сверкаютъ всѣми созвѣздіями востока, ея губы улыбаются... Въ черныхъ,

обычно недобрыхъ, глазахъ теперь разлитъ дикій восторгъ.

Начинается танецъ. Это не лезгинка. Въ Дагестанѣ такого танца не знаетъ никто. Это какая-то дикая пляска. Это побѣдная, торжествующая, какъ вихрь быстрая, огневая поэма. Лихая Кабарда, разбойничья, жуткая, пробуждается въ ней...

Съ заломленными надъ головой руками, тонкая, извивающаяся, какъ змѣйка, носится передъ гостями Селтонетъ. Ея ноздри раздуваются, трепещутъ, глаза горятъ, косы бьются по спинѣ, плечамъ и груди. Она вскрикиваетъ по временамъ что-то дико и гортанно и кружится, какъ вѣтеръ, полная очарованія, стремительности и красоты...

Забыты пѣсня Маруси, поэма-декламація тихой Гемы, джигитовка Сандро... Забыто все... Гулъ похвалъ несется навстрѣчу плясуньѣ...

— О, она настоящая фея востока, эта черноокая гурія Селтонетъ!

— Царица сегодняшняго бала!

Лицо Нины хмурится.

— Не портите дѣвочку похвалами,—замѣчаетъ она недовольнымъ тономъ.

Но Селтонетъ и безъ того знаетъ свою силу. Не даромъ она приберегла свой „нумеръ“ подъ конецъ. Она должна затмить ихъ всѣхъ, этихъ глупыхъ ребятишекъ.

Но вотъ пляска окончена.

Подъ гулъ одобреній, тяжело дыша, Селтонетъ бросается на тахту... Молодежь окружаетъ ее — молодые офицеры, юнкера, прочіе гости, барышни, подруги,—всѣ.

— О, Селтонетъ, какъ вы плясали!

Въ ея глазахъ надменное выраженіе. Гордо улыбаются губки.

— У насъ, въ Кабардѣ...—начинаетъ она.

Неожиданно подходитъ къ ней тетя Люда.

— Поди, приведи себя въ порядокъ, Селтонетъ, ты растрепалась.

Уйти сейчасъ, когда не дослушаны до конца льстивыя рѣчи! Когда вся она упивается своимъ прекраснымъ торжествомъ! Ахъ, какъ это жестоко! Но она не смѣетъ ослушаться—передъ ней „другъ“.

— Ступай, Селтонетъ, и дѣлай, что тебѣ приказано.

Дѣвушка закусываетъ губы. Глаза ея мечутъ гнѣвомъ. Но если можно еще ослушаться тетю Люду, то не повиноваться „другу“—нельзя.

Съ опущенными, полными затаеннаго гнѣва глазами, съ ненавистью въ душѣ, она убѣгаетъ, скользя, какъ кошка, по коврамъ кровли...

* * *

Даня сидитъ въ своемъ углу на тахтѣ, смотритъ и не видитъ... Эта пѣсня, эта декламація, эта пляска Селтонетъ, успѣхъ, доставшійся на долю этимъ дѣтямъ, жжетъ ея мысль и душу.

О, если все это прекрасно, то что-же скажутъ они, всѣ эти жалкіе провинціальные жители захолустнаго кавказскаго городка, когда услышатъ ея игру на арфѣ, ея, артистки, талантливой, большой!

Капризно и гордо улыбается она, точно бросая вызовъ всему міру.

Мимо нея проходитъ тетя Люда.

— Людмила Александровна... тетя Люда... — срывается съ губъ Дани, — я хочу просить васъ позволить въ честь „друга“ сыграть и мнѣ... Можно?

— Если тебѣ будетъ не очень тяжело, дитя!

— О, нѣтъ! Пусть мальчики принесутъ арфу.

Черезъ минуту на кровлѣ появляется арфа. Даня смѣло обнимаетъ ее рукой, задумывается на минуту, потомъ кладетъ пальцы на струны и начинаетъ.

Тихо, чуть слышно запѣваетъ арфа... Потомъ громче, сильнѣе... Сейчасъ она звучитъ уже во весь голосъ... О темномъ бархатномъ небѣ, о золотыхъ звѣздахъ, о могучемъ полетѣ орла черезъ горы и бездны разсказываетъ она. О томъ, какъ тяжело живется непонятой душѣ, Самимъ Богомъ отмѣченной талантомъ, среди сѣрыхъ будней, мелкой жизненной прозы.

— „На волю! На волю! Впередъ по пути къ славѣ!“ рыдаетъ арфа и страстно вторитъ ей всколыхнувшаяся всѣми фибрами Данина душа.

Конецъ... Молчаніе... И надъ бѣлокурой головкой раздается гулъ голосовъ.

Тихо, чуть слышно запѣваетъ арфа... Потомъ громче, сильнѣе ..

— Вотъ это талантъ настоящій, недюжинный, огромный!

Сердце Дани растетъ... Въ глазахъ, въ лицѣ ея отражается гордая, сверкающая радость. Нѣтъ сомнѣнія, ее поняли и оцѣнили... Но не хоронить же ей здѣсь, въ забытомъ Горійскомъ гнѣздѣ, ея прекрасный, сильный талантъ..

Она оглядываетъ всѣхъ гордо, какъ царица. Около нея Гема. Въ глазахъ дѣвочки преданность и восторгъ. Она вся трепещетъ отъ счастья за свою любимицу.

Маруся улыбается широко.

— Вотъ это... это... хоть сейчасъ на Кубань, сію минуту,—говоритъ она, сіяя всѣмъ своимъ круглымъ простоватымъ лицомъ, румянымъ, какъ яблоко, и хлопаетъ въ ладоши.

Молодежь, какъ за четверть часа до этого расточала похвалы Селтонетъ, расточаетъ ихъ теперь ей—Данѣ.

Въ это время, какъ изъ-подъ земли, вырастаетъ „другъ“.

„Сейчасъ похвалитъ, расцѣлуетъ, будетъ благодарить“,—вихремъ проносится мысль въ головѣ дѣвочки.

Но Нина смотритъ серьезно, глубоко. Ея черныя брови сведены въ одну ниточку. Она молчитъ.

— Что же вы не похвалите меня? Развѣ я худо сыграла, „другъ“? — все еще не остывшая отъ своего вдохновеннаго захвата, спрашиваетъ Даня.

Нина киваетъ головою.

— Очень не дурно для такой юной дѣвочки, какъ ты,—отвѣчаетъ она спокойно.—Но... но, Даня, надо еще долго и много учиться, чтобы заслужить названіе настоящей артистки, выступать передъ публикой. Наши гости и друзья были слишкомъ снисходительны къ твоей милой, но все же наивно-дѣтской игрѣ.

Точно съ облаковъ внизъ, въ бездну, падаетъ Даня...

О!.. О, это уже слишкомъ!

Это уже слишкомъ, сіятельная княжна!

Жгучая, злая, безсмысленная ненависть закипаетъ въ ея душѣ.

„Она завидуетъ тебѣ, завидуетъ,—твердитъ кто-то въ самой глубинѣ ея сердца,—она сама была бы не прочь играть также и не можетъ, не можетъ, не можетъ!“—почти вслухъ бросаетъ дѣвочка и кидается, внѣ себя отъ обиды, съ лѣстницы внизъ, подальше отъ гостей.

На первой же ступенькѣ Даня почти лицомъ къ лицу сталкивается съ Селтонетъ. Молодая кабардинка смотритъ на нее въ упоръ, жуткими, злыми, взволнованными глазами.

— Пусть не воображаетъ русская, что ея золотая штучка могла затмить пляску Селтонетъ,—шипитъ она.—Селтонетъ первая, всегда первая. Лучше всѣхъ. Краше всѣхъ. И въ Гори, и въ Кабардѣ. По Курѣ и Ріону нѣтъ лучше Селтонетъ. Не тебѣ, дурочка, заглушить ее

своей побрякушкой... На восточномъ небѣ много звѣздъ у Аллаха, а звѣзда Оріона ярче и краше, лучше всѣхъ. И черная роза краше другихъ въ Джаваховскомъ саду. Селтонетъ—звѣзда... Селтонетъ—роза, и никому не дастъ выше себя подняться Селтонетъ... Убиралась бы подобру туда, откуда пришла со своей пѣвучей штукой. А не то разгнѣвается на тебя Селтонетъ.

Послѣднія слова едва долетѣли до Дани у дверей ея спальни, и она почти не разслышала этихъ послѣднихъ словъ, такъ какъ, испугавшись страшнаго вида Селтонетъ, вбѣжала въ комнату и закрыла за собою дверь.

X.

—СЕЛИМЪ! Селимъ!

Мальчикъ, кравшійся, какъ кошка, по уступу утеса, вздрагиваетъ отъ неожиданности.

Селимъ узнаетъ голосъ Селтонетъ.

— Гдѣ ты?

— Гляди наверхъ... Тамъ меня увидишь...

Надъ кругымъ обрывомъ у Куры стоитъ чинара. Въ густыхъ вѣтвяхъ ея сквозятъ яркія пятна алаго съ голубымъ. Это пестрыя одежды кабардинки. Это ея платье.

— Селтонетъ!

— Тссс! Молчи! Ни звука! Молчи, алмазъ души моей... Если „другъ“ или этотъ глупый Сандро увидятъ насъ здѣсь, мы пропали. Влѣзай ко мнѣ... Вѣтви дерева крѣпки, какъ клыки дикаго кабана... Лѣзь смѣло на верхушку, не бойся ничего...

Отъ этого „не бойся“ Селимъ вздрагиваетъ.

— Если-бы я родился трусомъ, земля поглотила-бы меня,—роняетъ онъ, выпрямляя свою и безъ того прямую, какъ стрѣла, спину и кладя руку на рукоятку маленькаго кинжала.

— Полно, полно! Селтонетъ не хотѣла тебя оскорбить, горный орленокъ... У насъ въ Кабардѣ только и родятся такіе... Не даромъ ты сынъ Али-Ахверды... Да!

Дѣвушка протянула свою тоненькую, смуглую руку и похлопала Селима по плечу.

Селимъ нахмурился. Онъ признаетъ въ себѣ настоящаго джигита, и одобреніе дѣвчонки, женщины, далеко не лестно ему. Но Селтонетъ не дѣвочка, не женщина. Селтонетъ, по мнѣнію Селима, такой же абрекъ, наѣздникъ и умница, какъ самый ученый алимъ!

Онъ улыбается отъ ея похвалы и самодовольно покусываетъ губы... Селтонетъ смотритъ пристально, пристально на него.

— Селимъ, ты истинный другъ Селтонетъ? Скажи безъ утайки одну правду, — помолчавъ минуту, спрашиваетъ она.

— Какъ передъ лицомъ Аллаха, Селто... Слушай, мы оба изъ Кабарды... „Другъ“ взялъ насъ оттуда обоихъ... Обоихъ вмѣстѣ приручала насъ княжна Нина... И оба мы рвались на родину, назадъ... Селто, научился Селимъ любить тебя за эти два года какъ сестру, да, какъ сестру, потому что, Селто, ты точно принесла кусочекъ нашего неба, лѣса и горъ въ твоихъ черныхъ очахъ... Въ тебѣ любитъ свою удалую родину Селимъ... Развѣ ты мнѣ чужая? Нѣтъ, нѣтъ, ты мнѣ сестра, настоящая сестра, Селто...

— О, какъ ты говоришь мудро и сладко. Но слушай. У джигита-абрека слово вяжется съ дѣломъ. Наши отцы учили такъ своихъ сыновей... Ты долженъ доказать мнѣ свою дружбу и преданность, Селимъ, братъ мой!

Черные глаза дѣвушки стали вдругъ непроницаемыми и глубокими. Зеленая листва чинары, сквозящая кружевомъ на фонѣ голубыхъ небесъ, бросаетъ мелкую тѣнь на поблѣднѣвшее лицо Селтонетъ.

Она придвигается ближе къ своему товарищу и шепчетъ:

— Еще такъ недавно Селтонетъ была счастлива, какъ птичка въ маѣ, Селимъ... Селтонетъ была богата... Ее обокрали... Она узнала горе...

— Кто? Кто тебя посмѣлъ обидѣть, сестра сердца моего?.. Скажи, и кинжалъ Селима заступится за тебя!..

Мальчикъ вспыхиваетъ какъ зарево. Смуглая рука его хватается за кинжалъ. Онъ готовъ сейчасъ броситься на обидчика той, съ кѣмъ пролетѣло его недолгое дѣтство.

Лицо Селтонетъ принимаетъ лукавое выраженіе. Въ глазахъ ея вспыхиваетъ недобрая усмѣшка, вспыхиваетъ и гаснетъ. Губы складываются въ трогательную кроткую улыбку обиженнаго ребенка.

— Синеглазая дѣвчонка обижаетъ Селтонетъ! — говоритъ онъ тономъ несчастнѣйшаго творенія міра.— Какъ? Эта бѣлоголовая Даня! Тебя, тебя, сильную орлицу Кабардинскихъ горъ!

Селимъ даже ротъ пріоткрываетъ отъ удивленія.

Дѣвчонка Даня и черноокая гурія Селтонетъ! Да какъ же она осмѣливается тягаться съ нею!?

А Селтонетъ уже шепчетъ снова, тихо, ласково, кротко, заглядывая въ глаза Селима, улыбаясь ему доброй, любящей улыбкой нѣжной старшей сестры.

— Ты подумай только, радость и пламя моего взора, подумай только, златоокій Оріонъ души моей... Когда не было дѣвчонки съ ея золотой игрушкой, когда не было ея глупой, кукольной рожицы и этой арфы, всѣ восторгались Селтонетъ, всѣ любовались Селтонетъ... И пѣла и плясала Селтонетъ и на чіангури играла... И всѣ слушать пріѣзжали. И всѣ хвалили... А нынче только и разговору, что о синихъ глазахъ да о золотыхъ струнахъ... Сама слыхала... Много разъ слыхала... У—у,

ненавистная! Пришла и унесла всю радость у Селтонетъ! Обокрала Селтонетъ уруска, обокрала!

И злыя рѣдкія слезы брызнули изъ черныхъ глазъ и потекли по поблѣднѣвшему отъ волненія лицу юной кабардинки.

Селимъ весь встревоженъ. Душа его въ смятеніи. Онъ не можетъ видѣть грустной свою подругу. Онъ беретъ ея руки, сжимаетъ въ своихъ и лепечетъ, полный жалости, сочувствія и тоски.

— Сердце мое! Скажи, скажи Селиму — что надо, чтобы онъ сдѣлалъ?.. Все, все по-твоему будетъ, что ни прикажешь, Селтонетъ... Хочешь, выкраду изъ-подъ носу у нихъ арфу и сброшу ее съ утеса въ Куру, хочешь?

— Что пользы! Бросишь одну, купятъ другую... Развѣ не слыхалъ—учителя пригласилъ „другъ“, чтобы занимался музыкой съ бѣлоголовой... А ты вотъ что, радость очей моихъ... Ты вотъ что...

И, прильнувъ къ уху мальчика, Селтонетъ шепчетъ ему, волнуясь и сверкая глазами:

— Ты и я... мы двое знаемъ только тайну зеленой сакли... И „ее“ тоже знаемъ... И „ея“ не боимся... „Она“ опять вчера звала меня на восходѣ и опять просила высвободить... Съ собой сулила взять... Богатства, золота много обѣщала за это... И еще обѣщала мужа, перваго бея во всей Лезгиніи, во всемъ Дагестанѣ... Да полно... Не такъ проста Селтонетъ... Не хочетъ она быть рабой-

женой лезгина или простого кабардинца... Хочетъ Селтонетъ важной госпожей сдѣлаться... Блистать при дворѣ русскаго царя, хочетъ всѣхъ затмить своей красотой, а потомъ въ Кабарду вернуться знатной, важной... Глядите, молъ, всѣ, что изъ нищей дѣвочки стало... Такъ не польстится на такіе посулы Селтонетъ... А „та“ польстится. Той, бѣлоголовой, только-бы отсюда выбраться, я знаю... Здѣсь ей все едино, что птицѣ въ клѣткѣ.... Ну, такъ вотъ и надо помочь ей свести знакомство съ зеленой саклей... А тамъ, что Аллахъ дастъ! Понялъ меня, мой яхонтъ?—совсѣмъ уже чуть слышнымъ шопотомъ заключаетъ свою рѣчь Селтонетъ.

Селимъ молчитъ. Только грудь его вздымается высоко подъ сѣрымъ сукномъ бешмета. Вспоминается ему зеленая сакля, бѣлоголовая дѣвчонка—врагъ Селтонетъ и строгое запрещеніе „друга“ проникать въ тайну сакли...

Онъ вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ.

Селтонетъ улавливаетъ его колебаніе.

Ядомъ насмѣшки полны ея слова, когда она говоритъ:

— Ты боишься?.. Ха-ха! Джигитъ!

— Я!

Гордо выпрямляется тоненькая фигурка. Сверкаютъ черные глаза. Мрачный взглядъ на юномъ, почти дѣтскомъ лицѣ.

— Ты, вѣрно, забыла, что я, какъ и ты, изъ Кабарды!—звучитъ надменный отвѣтъ Селима.

Помолчавъ же, прибавляетъ:

— Сдѣлаю все для твоего счастья, Селто, сестра моя по племени, клянусь тебѣ Аллахомъ, клянусь.

* * *

Щелкъ! Щелкъ! Щелкъ!

Зарядъ за зарядомъ... Бѣлая съ черными кружками цѣль вся уже пестрѣетъ отъ пуль...

Князь Андрей обучаетъ стрѣльбѣ питомцевъ Нины. Сандро съ нахмуренными бровями и съ закушенной губой мѣтко, почти безъ промаховъ попадаетъ въ цѣль. Онъ немного волнуется, какъ и Селимъ. Что-же касается Валя, то онъ представляетъ изъ себя чудо спокойствія по своему обыкновенію... И по обыкновенію „мажетъ“, по словамъ князя Андрея.

— Нѣтъ, мальчуганъ, ты куда героичнѣе съ циркулемъ и масштабомъ, нежели съ винтовкой или револьверомъ,—смѣясь, замѣчаетъ ему послѣдній.

— Ну, конечно,—соглашается безъ малѣйшаго колебанія Валентинъ,—и я утѣшаю себя мыслью принести пользу человѣчеству, сидя за письменнымъ столомъ въ кабинетѣ.

— Браво, Валь, браво!..

Подъ развѣсистыми вѣтвями стараго каштана Люда даетъ дѣвочкамъ урокъ французскаго языка и раз-

сказываетъ о Викторѣ Гюго, какой это былъ великій геній.

— Онъ безсмертенъ... И будетъ таковымъ до скончанія міра! —звучитъ своими нѣжными переливами мелодичный голосъ Люды.

Даня, задумавшаяся, унесшаяся куда то помыслами вдаль, мечтаетъ:

„Безсмертіе!.. Слава!.. Это такъ прекрасно и рѣдко!.. Можетъ быть то и другое ждетъ и меня... А „другъ“ и Люда, и Маруся, Гема, всѣ онѣ такія плоскія... Онѣ не понимаютъ меня, не цѣнятъ... Не могутъ понять, что Даня — не какъ всѣ онѣ, что она особенная... другая... талантливая... Да! Она умретъ и зачахнетъ въ этомъ ужасномъ, глухомъ, тихомъ гнѣздѣ...“

— Даня! — будитъ дѣвочку неожиданный вопросъ Люды, — въ которомъ году умеръ Викторъ Гюго?

— Въ которомъ?

— Ну да, повтори! Я только что сказала... Ты опять мечтаешь, Даня. О чемъ?

Щеки дѣвочки вспыхиваютъ. Сказать? Сказать имъ всѣмъ громко, въ голосъ о томъ, какъ далека она, Даня, отъ нихъ, какая она особенная, талантливая, избранная душа?

Но развѣ „онѣ“ поймутъ!?

И Даня молчитъ, упрямо, пожимая губы, дѣлая сердитое, капризное лицо...

Ахъ, эти уроки, эти нотаціи!.. Нѣтъ, она должна

вырваться на волю, къ прежней праздной, счастливой, довольной жизни, полной бури, красивой бури, успѣха, славы и грезъ!..

XI.

НОЧЬ... Въ спальнѣ дѣвочекъ тихо, совсѣмъ тихо. Луна-красавица заглядываетъ въ комнату, смѣется, обливаетъ свѣтомъ кусты розановъ подъ окномъ... Ихъ благоуханіе—міръ грезъ, сладкихъ, красивыхъ... А кругомъ такая томительная духота.

Данѣ не спится. Весь вечеръ она играла нынче... Ея арфа стонала и плакала, какъ никогда. Все гнѣздо слушало ее, завороженное игрою... И только „другъ“ — княжна подошла и сказала:

— Довольно!

Такъ сухо, коротко, точно отрѣзала.

— Довольно! Нужно прежде хорошенько выучить ноты, теорію, чтобы быть настоящей артисткой. По слуху играть нельзя!

Даня оскорбилась. Потомъ думала сердито и долго опять о томъ же, все объ одномъ.

„Ну, да, она завидуетъ мнѣ. Завидуетъ, какъ и Селтонетъ...“

Весь вечеръ черные глаза татарки не покидали ея

лица. И всякій разъ, какъ встрѣчалась съ ними взоромъ Даня, угодливо, ласково, затаивъ что-то темное въ своей глубинѣ, они улыбались ей.

Княжна Нина говорила въ тотъ же вечеръ тетѣ Людѣ, и Данѣ удалось подслушать эти слова.

— „Даня тщеславна и съ большимъ самомнѣніемъ вдобавокъ. Упаси Боже захваливать ее и льстить... Мы ее только погубимъ этимъ".

Ага, вотъ оно что!

Досадно имъ, что она, Даня, такая талантливая, юная. Она, Даня, а не „другъ", не эта требовательная, строгая и суровая княжна!

Мысли вихремъ закружились въ головѣ дѣвочки, недобрыя, мучащія, трепетныя мысли... А тутъ еще эта ночь, душная, знойная, вся насыщенная ароматомъ розъ...

Неожиданно чья то бѣлая фигура обрисовывается въ лунномъ свѣтѣ.

— Ты не спишь, розанъ души моей?

И черные глаза Селтонетъ впиваются, не мигая, въ лицо Дани.

— Можно посидѣть около тебя?

— Сидите, если вамъ не скучно.

— Скучно? Съ тобой! Нѣтъ, видно бѣлокурая гурія не знаетъ моего сердца! Это ничего, что сердита подчасъ бываетъ Селтонетъ... Душа у нея какъ у горной голубки... А мысли насквозь она читаетъ въ сердцѣ твоемъ...

— Въ моемъ сердцѣ?

Даня поднимается на локтѣ и насмѣшливо улыбается. При блѣдномъ свѣтѣ ночника ея хорошенькое личико кажется такимъ поэтичнымъ, нѣжнымъ!.. Селтонетъ смотритъ на товарку, невольно любуясь ею, потомъ говоритъ шопотомъ, наклоняясь къ самому лицу Дани:

— Душно полевой гвоздикѣ среди тюльпановъ и розъ! Хочется на волю бирюзовымъ глазкамъ. Хочется жить свободно, какъ жилось до сихъ поръ. О, Селтонетъ это знаетъ... Все знаетъ... Знаетъ, что красоточка-джанымъ тоскуетъ по шумной веселой жизни, что душенькѣ-гуріи синеокой иначе-бы слѣдовало пожить... Нельзя запирать соловья въ клѣтку... Нельзя рыбу вынуть изъ воды... О, Селтонетъ понимаетъ, отлично понимаетъ и помочь хочетъ и можетъ помочь красавицѣ гуріи...

Сначала Даня слушаетъ однимъ ухомъ, небрежно, тупо... Можно-ли довѣриться словамъ ловко льстивой татарки, словамъ завистливаго врага?.. Но мало-по-малу шопотъ Селтонетъ захватываетъ ее... Она, эта Селтонетъ, дѣйствительно, точно читаетъ въ мысляхъ и душѣ.

Что то похожее на надежду просыпается въ умѣ дѣвочки.

— Можетъ и хочетъ помочь?—странно-настойчиво звучатъ слова, вырванныя изъ фразы Селтонетъ.

— Чѣмъ же вы можете мнѣ помочь, Селтонетъ?

Теперь уже нѣтъ насмѣшки въ голосѣ Дани. Надежда шире окрыляетъ ее.

Вмѣсто отвѣта татарка кладетъ на плечи Данѣ свои тонкія смуглыя руки.

— Ты вѣришь княжнѣ? Любишь ее?—спрашиваетъ она такъ тихо, что ее едва-едва можно понять.

Даня отрицательно покачиваетъ головою.

— Нѣтъ. По-моему она собрала здѣсь всѣхъ васъ для того, чтобы люди говорили: «Какъ добра княжна Нина Бекъ-Израилъ!» Но она не добрая, нѣтъ, если губитъ, душитъ таланты, мѣшаетъ другимъ жить и пользоваться радостью и успѣхомъ.

— Да, да! Въ одной твоей мысли больше мудрости, нежели во всемъ существѣ Селтонетъ. Кто наградилъ тебя ею, пѣвчая птичка?

Глаза Селтонетъ принимаютъ мягкое, льстивое выраженіе... Потомъ она шепчетъ еще тише... Едва-едва слышно, таинственно:

— Нина Бекъ-Израилъ не только злая, но и жестокая. Она мучитъ людей.

— Мучитъ?—слово срывается такъ громко съ губъ изумленной Дани, что Селтонетъ испуганно зажимаетъ ей ротъ.

— Молчи, ради Аллаха!.. Разбудишь дѣвочекъ... Молчи и слушай. Ты слышала вой въ день праздника?

— Да!—упавшимъ голосомъ срывается съ губъ Дани.

— Это изъ зеленой сакли, что у обрыва, въ кустахъ дикаго виноградника... О „ней“ объ этой саклѣ и о той, что въ ней томится, нельзя говорить. Но я и Селимъ—мы знаемъ, мы видѣли все... Открыли тайну княжны... Знаешь-ли, кто запертъ тамъ?

Бѣлокурая головка дѣлаетъ отрицательный кивокъ.

Въ глазахъ Дани страхъ, смѣшанный съ любопытствомъ.

— Тамъ томится взаперти одинокая узница... Понимаешь?... Одна великая, славная, отмѣченная самимъ Аллахомъ душа... И ее, могучую, сильную орлицу, умѣющую читать въ сердцахъ людей и въ ихъ мысляхъ, навѣки схоронила отъ нихъ въ зеленой саклѣ княжна Бекъ-Израилъ.

Голосъ Селтонетъ звучитъ торжественно. Тонкая рука протянута впередъ. Глаза ярко горятъ въ полутьмѣ.

— Хочешь убѣдиться въ истинѣ, гурія нашихъ небесъ? Хочешь увидѣть ту несчастную? Хочешь? Селтонетъ сведетъ тебя къ ней...

Нестерпимая жуть наполняетъ сердце Дани, жуть и любопытство. Первое сильно, второе еще сильнѣе. Она борется со своими мыслями, со своимъ желаніемъ... Таинственнымъ, страннымъ, сказочнымъ кажется ей окружающій міръ... Пріоткрыть хоть немного его таинственную завѣсу — вотъ къ чему нестерпимо влечетъ

теперь Даню... И колебаніе недолго царитъ въ ея душѣ. Страхъ побѣжденъ.

— Великая душа? Значитъ, талантливая? Да? Говори же, Селтонетъ!—невольно переходя на „ты“, вся охваченная острымъ любопытствомъ, роняетъ она.

— Какъ ты! Какъ ты! Ты умѣешь заставлять пѣть золотыя струны, ангелъ, избранный Аллахомъ, а она.. Но ты должна увидѣть ее сама и узнать все, все до капли...

— Но почему же она стонетъ и кричитъ?

— Дикій джайранъ и тотъ будетъ кричать, если его посадить на цѣпь, въ неволю,—таинственно отвѣчаетъ Селтонетъ.

— Тогда веди меня къ ней!

— Одна не могу, надо позвать Селима...

— Бѣги же за нимъ!

— Сейчасъ, солнце мое, звѣздочка изумрудная, ароматный ландышъ долинъ... Сейчасъ... А ты накинь скорѣе платье, пока Селтонетъ дастъ знать Селиму... Покамѣстъ—Аллахъ съ тобой!

XII.

НОЧЬ длится, полная сказокъ и грезъ... Сны аромата, сны сладкихъ цвѣточныхъ дыханій вѣютъ изъ ея темнаго, знойнаго сердца. Тихо плещетъ подъ обрывомъ Кура. Она какъ будто на что-то жалуется, какъ будто на что-то ропщетъ... Замерли въ гордомъ покоѣ отдаленныя горы...

Тишина..

Три невысокія фигуры скользятъ вдоль галлереи, спускаются въ садъ. Впереди Селимъ. Потайной фонарикъ спрятанъ у него подъ полой бешмета. За нимъ дѣвочки—Даня и Селтонетъ.

— Если „другъ“ узнаетъ—все пропало! — шепчетъ Селимъ. — Насъ разъединятъ съ Селтонетъ. Ее запрутъ въ тифлисскій институтъ, меня отдадутъ въ пансіонъ и не пустятъ въ полкъ, въ наказаніе... Знаю... А тебя...

— Молчи! Кто ты, трусливая старуха или джигитъ?— грознымъ шопотомъ роняетъ его старшая спутница. Потомъ, помолчавъ съ минуту, обращается къ Данѣ:

— Здѣсь долженъ быть розовый кустъ... Отъ него начинается спускъ къ Курѣ въ подземелье... Ты никогда не бывала подъ землею, горленка сѣверныхъ лѣсовъ?

— Нѣтъ.

— По ту сторону рѣки стоятъ развалины замка, ты видишь? Отъ нихъ расходится много такихъ ходовъ. Одна вѣтка его ведетъ въ садъ нашего гнѣзда, къ зеленой саклѣ... Мы случайно съ Селимомъ набрели на него... „Другъ“ ходитъ туда по другой дорогѣ... по чинаровой аллеѣ, и прямо черезъ дверь... Тише, не оступись, бери меня за полу бешмета... Такъ... Теперь мы у входа...

Чѣмъ-то затхлымъ, сырымъ, непріятнымъ, промозглымъ обдаетъ Даню. Она точно проваливается въ какую-то яму.

— Здѣсь подземная галлерейка. Не бойся, голубка, азалія моя. Селимъ и я укроемъ тебя отъ страха...

О, какъ сладокъ голосъ Селтонетъ. Неужели это она, та же лукавая дѣвушка, что полная ненависти, зависти и вражды, слѣдила за нею, Даней?

Ручной фонарь скупо освѣщаетъ узкій, темный проходъ подъ землю. Надо идти согнувшись, чтобы не стукнуться о земляной потолокъ головой.

„Точно въ сказкѣ или въ средневѣковыхъ романахъ Вальтеръ-Скотта“, — вихремъ проносится въ головѣ Дани.

И она осторожно ступаетъ за своими спутниками по узкому, длинному коридорчику.

Минута... Еще минута... Еще... Цѣлая вѣчность въ этихъ минутахъ—и кажется, нѣтъ имъ конца и счета.

Вдругъ остановка.

Дверь.

Селимъ съ трудомъ поворачиваетъ ржавую ручку. Со скрипомъ растворяется она на старыхъ петляхъ.

Снопъ яркаго свѣта ослѣпляетъ Даню. Невольно зажмуриваются глаза.

Она дѣлаетъ усиліе, широко раскрываетъ ихъ снова и невольно вскрикиваетъ отъ испуга, всѣмъ тѣломъ подавшись назадъ.

Небольшая комната, убранная съ комфортомъ, почти роскошью, въ восточномъ вкусѣ. Огромная висячая лампа спускается съ потолка. Яркій свѣтъ ея падаетъ на ту, что стоитъ посреди сакли. Сухая фигура, бронзовое морщинистое лицо, клочья сѣдыхъ волосъ изъ-подъ съѣхавшаго съ головы покрывала. Взглядъ, горящій нестерпимымъ, пронизывающимъ огнемъ, пытливый, мрачный. Какія-то искры безумія вспыхиваютъ въ немъ, вспыхиваютъ и гаснутъ. По сѣдой головѣ и морщинамъ она, эта жуткая, безобразная на видъ женщина, почти старуха. Но въ глазахъ сосредоточена таинственная, ушедшая во внутрь себя жизнь. Эти глаза молоды на-диво и горятъ яркимъ огнемъ. Отталкивающая внѣшность, страшные глаза.

Даня съ трудомъ дѣлаетъ надъ собою усиліе, чтобы поднять взглядъ на женщину.

Какой необыкновенный нарядъ у старухи! Смѣсь пестрыхъ цвѣтовъ, яркихъ какъ у цыганки. И монеты, ожерелья безъ счета на сухой жилистой шеѣ.

Селтонетъ первая выступаетъ впередъ.

— Привѣтъ и дружбу несу къ тебѣ, милостью Аллаха, тетка Леила-Фатьма!

— И отъ Селима тоже! — почтительно вставляетъ мальчикъ, прикладывая, по восточному обычаю, руку къ сердцу, устамъ и лбу.

Женщина не отвѣчаетъ ни однимъ словомъ. Глаза ея впиваются въ Даню, какъ два клинка, какъ двѣ острыя, колкія иглы.

— Кто эта гурія съ синими небесами въ очахъ?— глухимъ голосомъ, на татарскомъ нарѣчіи спрашиваетъ она Селтонетъ.

Селтонетъ что-то быстро-быстро объясняетъ по-татарски. Даня не понимаетъ ни слова, хотя чувствуетъ, что говорится про нее.

Глаза той, кого зовутъ Леилой-Фатьмой, жгутъ ее своимъ чернымъ пламенемъ, и ей снова дѣлается невыносимо жутко.

Селимъ стоитъ, какъ вкопанный, у порога, скрестивъ руки на груди. Селтонетъ смолкаетъ.

Женщина еще съ минуту пристально глядитъ на Даню, потомъ протягиваетъ къ ней костлявую, высохшую руку.

— Это ты, дѣвушка, бесѣдуешь каждый вечеръ съ ангелами Аллаха? — говоритъ она ломанымъ русскимъ языкомъ.

— Какъ?—растерянно, переспрашиваетъ недоумѣвая, Даня.

— Ты заставляешь пѣть золотую штучку? Я видѣла тебя не разъ изъ окна моей сакли... Хорошо поетъ она у тебя... Никто изъ нашихъ дѣвушекъ въ аулѣ не сумѣлъ-бы играть такъ сладко... Самъ Аллахъ вкладываетъ звуки въ персты твои...

Костлявая рука женщины ложится на бѣлокурую головку. Черные глаза старухи впиваются въ синія звѣзды Даниныхъ глазъ.

— Мудрая головка... Свѣтлый взглядъ благоухающаго цвѣтка... Клянусь, дѣвушка, твоя судьба записана въ книгѣ самого пророка. Великая, славная судьба...

Яркое пламя румянца удовольствія обжигаетъ щеки Дани, заливаетъ ей лицо. Сердце сладко и больно замираетъ у нея въ груди. Знакомый огонь тщеславія разливается по жиламъ. Теперь уже страшная, безобразная женщина не кажется ей больше ни страшной, ни безобразной. Она глядитъ такъ ласково въ синіе глаза дѣвочки и шепчетъ на своемъ ломаномъ, но все же понятномъ для Дани, языкѣ.

— Леила-Фатьма видитъ за гранями прошедшаго и будущаго... Леила-Фатьма все знаетъ... Твои глаза, гурія, плакали недавно... Ты потеряла близкое существо... Ты и себя потеряла, бѣлая горленка. Бѣлая горленка очутилась въ гнѣздѣ сизыхъ голубей. Тѣсно въ немъ, жутко... А золотая штучка, что поетъ такъ сладко, и людскія похвалы, и богатство, и слава манятъ, манятъ.. Уходи же, гурія, уходи, бѣлый цвѣтокъ сѣверныхъ са-

довъ... Уходи отсюда... Не жить тебѣ въ нашей глуши, въ тѣни чинаровыхъ и каштановыхъ садовъ... Тебя зоветъ судьба твоя, гурія, далеко, высоко зоветъ... Вѣрное тебѣ сказала Леила-Фатьма, вѣрное, юная роза горійской долины...

Женщина смолкла. Молчитъ, глядитъ на Даню. Теперь искорокъ безумія и помину нѣтъ въ ея глазахъ. Взоръ ея пронзителенъ, глубокъ и какъ-то колокъ.

Селтонетъ и Селимъ тоже замерли въ молчаніи и не сводятъ съ нея глазъ.

Даня вся трепещетъ, вся дрожитъ.

„Кто она, эта старуха? Колдунья? Или, быть можетъ, пророчица?

Кто бы ни была она, но какъ вѣрно опредѣлила она ея, Данину, судьбу!

Да, не ей, Данѣ, отмѣченной талантомъ, прозябать здѣсь, въ этомъ тоскливомъ, скучномъ гнѣздѣ!“

И, не помня себя, съ охваченной снова тщеславіемъ душой, она бросается къ прорицательницѣ, хватаетъ ее за руки и шепчетъ горячо, страстно:

— О, верните меня къ прежней счастливой жизни, Леила-Фатьма! Верните мнѣ славу, шумъ и успѣхъ! Я чувствую, вы можете сдѣлать это, можете, знаю! О, сдѣлайте это, Богомъ заклинаю васъ, сдѣлайте это!..

Молчаніе.

Только слышно, какъ трепетно дышитъ грудь Селима, да шумно вздыхаетъ Селтонетъ.

Леила-Фатьма молчитъ и смотритъ, смотритъ.

О, эти глаза!

Какая въ нихъ жуткая, таинственная глубина.

Потомъ Леила-Фатьма говоритъ, сначала глухо, затѣмъ все явственнѣе, слышнѣе.

— У старой орлицы срѣзаны крылья... Но они скоро снова подрастутъ... Взмахнетъ ими старая орлица и улетитъ далеко... И бѣлую, юную позоветъ за собой... Скажетъ юной: „пойдемъ, дѣвушка, научу тебя тому, что дано только избраннымъ Аллахомъ...“ И подниметъ старая юную высоко на крыльяхъ надъ землей и дастъ ей славу у людей и безсмертіе, и могучую силу!.. А имя ея прославитъ отъ Тифлиса до Гуниба, отъ Карталиніы до Чеченской и Дагестанской страны! И будетъ она знатна, велика и богата... Будетъ! Будетъ! Будетъ!..

Непонятный присутствующимъ, странный порывъ охватываетъ Леилу-Фатьму. Ея глаза мечутъ пламя, ея голосъ, хриплый до этого, теперь звонокъ и высокъ. Костлявыя руки подняты надъ головою Дани. Увѣренностью и мощью вѣетъ отъ невзрачной фигуры. Словно вся преобразилась она.

И Даня преобразилась также.

Прежняго страха въ ней уже нѣтъ.

„Безспорно: ясновидящая передъ нею... И если все то, что говоритъ она, правда, то...“

Шаги у стѣны сакли прерываютъ мысли Дани.

— Это „Другъ“! Я узнаю ея походку! — блѣднѣя, восклицаетъ Селимъ.

Въ одинъ прыжокъ Селтонетъ подлѣ, хватаетъ Даню за руку, увлекаетъ ее за собой.

— Скорѣе! Скорѣе! Прочь отсюда! Прочь!

— Сюда, очи мои, сюда! — шепчетъ Лейла-Фатьма, распахивая низко расположенное надъ поломъ оконце.

Подъ окномъ темнѣютъ розовые кусты. Первая прыгаетъ Селтонетъ, за нею Даня и Селимъ.

Вихремъ проносятся всѣ трое по чинаровой аллеѣ, кидаются въ домъ.

Черезъ пять минутъ дѣвочки лежатъ каждая въ своей постели.

— Ты слышала, что говорила она? Ты слышала, что ждетъ тебя, бѣлая роза?—спрашиваетъ Селтонетъ, льстиво улыбаясь, и глядитъ на Даню.

Съ минуту длится молчаніе.

Потомъ Селтонетъ приподнимаетъ голову отъ подушки и говоритъ снова:

— И вѣрь мнѣ, бирюзовая, Лейла-Фатьма сумѣетъ тебя сдѣлать счастливой, вѣрь!..

* * *

— Нина Бекъ-Израилъ, ты опять пришла мучить меня!

— Тетя Лейла-Фатьма, опомнись. Развѣ дочь твоего брата желала тебѣ когда-нибудь зла?—говоритъ спокойно Нина.

Обѣ онѣ стоятъ другъ противъ друга.

Лицо старшей вызывающе и мрачно; глаза горятъ нездоровымъ огнемъ. Черты молодой полны жалости и снисхожденія.

Мѣсяца три тому назадъ Нина ѣздила въ аулъ Бестуди. Ее вызвали туда сосѣди ея покойнаго дяди наиба, брата ея отца и тетки Леилы-Фатьмы. Въ предмѣстьяхъ аула, среди роскошной горной долины лежитъ усадьба послѣдней. Леила-Фатьма осталась одна въ ней хозяйкой надъ всѣмъ. Леила-Фатьма всегда отличалась странностями съ дѣтства, отказалась отъ замужества, вела замкнутую жизнь. Ее считали чародѣйкой въ Дагестанѣ. Къ ней ѣздили богатые уздени и беки гадать свою судьбу. Она имъ показывала ихъ прошлое, предвѣщала будущее. Она была богата, унаслѣдовавъ отъ отца табуны коней и овецъ послѣ смерти брата и выхода замужъ младшей сестры Гуль-Гуль, но жадность къ еще большей наживѣ не давала ей никогда покоя. Эта жадность была ея болѣзнью, мукой, бременемъ и постояннымъ бредомъ.

Въ послѣднее время стали замѣчаться странности Леилы-Фатьмы. Она не спала ночей, закапывала деньги и драгоцѣнности въ землю; ей все казалось, что слуги и пріѣзжіе гости хотятъ ее обокрасть. Часто слышался ея плачъ по ночамъ, похожій на вой горной чекалки. Сосѣди написали княжнѣ Нинѣ о состояніи дочери наиба. Та пріѣхала немедля въ Бестуди и увезла тетку

къ себѣ, лечить ее въ своемъ Джаваховскомъ гнѣздѣ. Небольшой домикъ въ углу сада, похожій на хорошенькую лезгинскую саклю, со всѣми удобствами, былъ предоставленъ Леилѣ-Фатьмѣ, дочери покойнаго наиба Мешедзе. Домикъ весь утопалъ въ зелени дикаго винограда и выходилъ окнами въ садъ. Леила-Фатьма пользовалась относительной свободой. Нина заходила за нею утромъ и вечеромъ, когда все было тихо въ гнѣздѣ, и онѣ гуляли по окрестностямъ Гори. Нина сама носила обѣды и ужины теткѣ, заботилась о томъ, чтобы у нея не было ни въ чемъ недохвата и лечила ея душевный недугъ. И строго-на-строго запретила всѣмъ въ „гнѣздѣ“ безпокоить больную, ходить къ ней, даже близко подходить къ ея домику. Припадки старой татарки, благодаря бдительному уходу племянницы, ея терпѣнію и ласкѣ, дѣлались все рѣже и рѣже. Страшный вой полубезумной женщины уже не повторялся такъ часто, какъ прежде. Нина торжествовала. Возстановившееся душевное спокойствіе Леилы-Фатьмы за послѣдніе дни радовало ее. И вдругъ сегодня Нинѣ пришлось увидать снова горящіе глаза и возбужденное лицо несчастной, свидѣтельствующіе о новомъ припадкѣ безумія.

— Зачѣмъ ты мучишь меня, негодная дѣвчонка?— шипящимъ голосомъ, сжимая свои костлявыя узловатыя руки въ кулаки, звучитъ безумный вопросъ.

— О, тетя! Зачѣмъ ты такъ подозрительна! Вѣрь мнѣ...

— Молчи! И да будетъ тебѣ самъ пророкъ судьею...

Заперла, Леилу-Фатьму какъ узницу лукавая уруска, заперла и думаетъ—сладкая жизнь въ тюрьмѣ.

— Но ты свободна, тетя Леила... Уѣзжай отсюда, если хочешь...

— И уѣду!.. Вотъ пройдетъ джума*) и уѣду... Горы давно тоскуютъ по Леилѣ... Въ горы уѣду... Къ нимъ... Душно у тебя, душно... На волю просится душа... Была свободной и умру свободной!—вспыхивая, какъ дѣвушка, затрещала старуха.

— А лечиться, тетя, лечиться?

— Лечиться, ласточка, вели другимъ... Аллахъ меня вылечитъ, а не люди... Да, такъ-то, гурія моя, такъ-то!

Голосъ Леилы-Фатьмы срывается, растетъ и грозитъ перейти въ вой, въ ея обычный ужасный вой.

Нина колеблется. Ея душа въ смятеніи. Она борется. Ей жаль оставить тетку на произволъ судьбы и еще жальче пугать дѣтей гнѣзда этими страшными припадками, особенно ночью. Къ тому же теперь Леила-Фатьма настолько здорова, что не нуждается совсѣмъ въ ея уходѣ. Можетъ быть, горы и воздухъ родного аула довершатъ остальное и вылечатъ несчастную вполнѣ.

И, долго, мучительно продумавъ свою думу, Нина Бекъ-Израилъ своимъ твердымъ голосомъ говоритъ.

— Поѣзжай съ Богомъ, куда хочешь, тетя... Я больше не задерживаю тебя.

---

*) Пятница—праздникъ у татаръ.

XIII.

Каждый вечеръ Даня идетъ съ арфой въ чинаровую аллею, въ тотъ конецъ ея, откуда виднѣется зеленая сакля, и играетъ.

Иногда ей кажется, что въ маленькомъ оконцѣ появляется бронзовое отъ загара, морщинистое лицо.

Играетъ Даня захватывающія импровизованныя мелодіи о чемъ-то неясномъ, далекомъ и возможномъ.

Каждый вечеръ, когда всѣ улягутся спать, Селтонетъ приходитъ къ ней, и дѣвочки шепчутся долго, до полуночи. Селтонетъ говоритъ безъ умолку. Даня слушаетъ жадно. Селтонетъ шепчетъ:

— Леила-Фатьма велѣла передать тебѣ, что ангелы поютъ не лучше у престола Аллаха... И еще велѣла сказать, что ты и твоя арфа въ ея рукахъ будутъ царицами всего нагорнаго Дагестана. И если бы ты пожелала, гурія, умчаться съ ней отсюда, она увезла бы тебя въ аулъ Бестуди, въ свою усадьбу и сумѣла бы окружить тебя такимъ величіемъ, лучъ сердца моего, какое тебѣ и во снѣ не снится.

— Да? — съ какимъ-то оттѣнкомъ сомнѣнія вырывается изъ самыхъ глубинъ Даниной души.

— Вѣрно, какъ то, что меня зовутъ Селтонетъ, птичка

рая!.. Ахъ, если бы знала ты, какъ хорошо у нихъ тамъ!.. Аулъ богатый, знатный... Торгуютъ съ персами, съ самимъ султаномъ... Гостей наѣзжаетъ пропасть... Дѣвушки цѣлыми днями лезгинку пляшутъ на кровляхъ... Но никто ни пѣть, ни играть такъ не сможетъ, какъ ты... Ты царицей у нихъ будешь съ твоей красотою... Въ роскоши и богатствѣ будешь жить... Сама Леила-Фатьма служить тебѣ будетъ, какъ раба... Самой важной въ аулѣ будешь... Правду тебѣ говорю... А тамъ она повезетъ тебя въ Тифлисъ, а можетъ и дальше въ Персію... А то и въ Константинополь... При дворѣ султана играть станешь... Весь міръ о тебѣ услышитъ... А наши-то здѣсь всѣ лопнутъ отъ зависти, солнце моей жизни, всѣ...

Селтонетъ смолкаетъ, захлебнувшись. Даня полна зачарованной грезы.

„А что, если правда? Рискнуть? Хуже не будетъ... Будетъ лучше, веселѣе, привольнѣе постоянно на народѣ, въ толпѣ, въ центрѣ похвалъ, лести, восторга... И весь міръ и столько новаго покажетъ ей Леила-Фатьма“.

Въ долгія, душныя ночи, въ тиши ихъ, рѣшаетъ свою судьбу Даня. Рѣшаетъ и шлетъ къ Леилѣ-Фатьмѣ Селтонетъ..

Да. Она согласна ѣхать съ нею. Она ѣдетъ.

Въ пятницу утромъ зеленая сакля опустѣла. За Леилой-Фатьмой пріѣхали ея односельчане изъ аула, тѣ,

что привозили горные продукты на горійскій базаръ, и старая лезгинка уѣхала вмѣстѣ съ ними. Никто, кромѣ Нины, не провожалъ ея. Никто ея не видѣлъ.

Никто не знаетъ также, что наканунѣ вечеромъ три фигурки снова пробирались неслышно къ зеленой саклѣ. Уже не потайнымъ полуразрушеннымъ ходомъ, а кустами орѣшника и дикаго жасмина прошли онѣ.

И никто не слышалъ, какъ въ тотъ же вечеръ наказывали лезгинки Данѣ ровно черезъ сутки быть у армянскаго духана за Курой.

— Селимъ тебя проводитъ,—говорили онѣ.—Селимъ знаетъ дорогу.

И гордый возложеннымъ на него порученіемъ, Селимъ поклялся Леилѣ-Фатьмѣ исполнить все въ точности.

Цѣлый день въ пятницу Даня ходила какъ полуживая. Блѣдная, возбужденная, съ лихорадочно горѣвшими глазами, она то принималась нѣжно ласкать льнувшую къ ней Гему, шутить съ Марусей, дразнить Валентина, то вдругъ хватала арфу и играла на ней шумныя, какъ буря въ грозовую ночь, бравурныя мелодіи. За обѣдомъ она почти не ѣла. За ужиномъ тоже.

— Дѣвочка, тебѣ нездоровится? Скажи, родная,—и заботливая, всегда нѣжная тетя Люда глубоко заглядываетъ ей въ глаза.

Данѣ только и жаль здѣсь тетю Люду и Гему. Жаль еще могилу матери, на горійскомъ кладбищѣ. Но она

старается не думать объ этомъ теперь. Ее манитъ новая, полная захватывающаго интереса, жизнь.

Міръ ея давней волшебной сказки теперь только начинаетъ разворачиваться передъ ней. Она, зачарованная злой колдуньей-судьбой царевна, теперь только сбрасываетъ свои чары...

Наступилъ вечеръ. Конецъ томительному ожиданіями дню...

И, какъ на зло, послѣ ужина въ гнѣздѣ еще не думаютъ ложиться. Пріѣхалъ князь Андрей изъ лагерей и занимался съ мальчиками. Теперь всѣ сидятъ за чайнымъ столомъ, болтаютъ, смѣются. Одна Даня прильнула къ парапету галлерейки, притупилась въ уголку. Никто ея не видитъ оттуда, никто, никто. Ей же видны они всѣ, всѣ эти такъ дружественно расположенныя къ ней и порядкомъ таки надоѣвшія ей лица. И „другъ“ тутъ же...

Ни капли не чувствуетъ сейчасъ раскаянія Даня. Ее нельзя упрекнуть въ черной неблагодарности. Нельзя. Развѣ она просила, чтобы ее пріютили здѣсь? Просила? Нѣтъ! Ее оставили почти насильно. Значитъ ея совѣсть чиста...

А все-же что-то щекочетъ горло, что-то подступаетъ къ глазамъ. Понятное чувство, здѣсь умерла ея мать, здѣсь испытала она самое жгучее горе. Поневолѣ сроднились съ нею эти мѣста. А все же нельзя поддаваться минутной слабости. Она не простая смертная, Даня, она

избранная натура. Такія должны, какъ ей кажется, безъ сожалѣнія рушить преграды и умѣть устраивать пышно, гордо и красиво свою жизнь...

Какой-то шелестъ въ кустахъ внезапно прерываетъ ея мысли. Чья-то стройная фигура рельефно выдѣляется на фонѣ ночи. Рядомъ другая, широкая.

Только бы не Сандро! Только бы не онъ!

— Даня? Шшш! Готова?

— Селимъ!

— Я... Пора. Я принесъ твою арфу, шляпу и накидку... Слава пророку, никто не видалъ... И лодка припрятана въ кустахъ... На паромѣ нельзя переправиться, потому что Аршакъ донесетъ „другу“... Селимъ все предусмотрѣлъ... И пусть теперь скажетъ этотъ колченогій Валь, что у сына Али-Ахверды не голова, а тыква!.. Идемъ! Ты видишь, Селтонетъ можетъ гордиться своимъ другомъ изъ Кабарды.

— Спасибо, Селимъ... Сейчасъ. Я только взгляну,— дрогнувшимъ голосомъ отвѣчаетъ Даня.

Неслышно подкрадывается она къ окошку террасы. Глядитъ. Глядитъ на всѣхъ, но видитъ одну только Гему, да еще, пожалуй, тетю Люду... Бѣдняжечка, Гема! Какъ она ревновала ее все послѣднее время къ Селтонетъ. Не знала, не подозрѣвала, какія узы дружбы связываютъ ее, Даню, съ Селтой. „Милая, кроткая, тихая Гема! Тебя мнѣ жаль, только тебя!.. Вотъ она сидитъ, ничего не подозрѣвая, болтаетъ, что-то впере-

гонку съ Марусей разсказываетъ князю Андрею. Подлѣ нея „другъ“—странная, непонятно, по-мужски, сильная дѣвушка, спасшая дважды Данѣ жизнь. Спасла два раза, чтобы дать зачахнуть въ безвѣстности и тоскѣ... И зачѣмъ было спасать!?“

Тонкія брови дѣвочки хмурятся сурово. Недобро улыбаются губы.—„Прощайте, „другъ“, не поминайте лихомъ. Благодарю за все. И тетя Люда, и милая Гема Господь съ вами... Иная жизнь суждена вашей Данѣ и зоветъ ее. Прощайте всѣ“... Идемъ, Селимъ, пора!

— Пора!

Селимъ первый скрывается въ кустахъ. За нимъ быстро слѣдуетъ Даня. Они уже миновали зеленую саклю и бѣгутъ прямо на обрывъ. Оттуда внизъ проложены къ самой Курѣ мелкія ступени.

Селимъ, опередивъ Даню, стоитъ уже на послѣдней ступени, и хочетъ прыгнуть въ привязанную у берега лодку, какъ вдругъ неожиданно, быстро появляется передъ нимъ Сандро. Его широкія плечи, его юношеская грудь въ двухъ шагахъ отъ татарина. Не замѣчая Дани, онъ видитъ только Селима, загораждаетъ ему дорогу и спрашиваетъ вторично.

— Куда ты? Стопъ, Кабарда!

Сандро въ хорошемъ настроеніи. Смѣется. Бѣлые зубы сверкаютъ въ темнотѣ:

— Куда ты тащишь арфу, а?

— Даня просила... Даня хочетъ сдѣлать радость,

хочетъ играть въ честь князя Андрея... Пойдетъ въ зеленую саклю .. Теперь вѣдь можно туда ходить... Будетъ играть тамъ Даня, а вы станете слушать.

— А гдѣ же сама Даня?

— Я здѣсь.

— А!

Впотьмахъ Сандро почти касается дѣвочки, не видя ея.

— Смотрите же, играйте хорошенько. Князь Андрей любитъ хорошую игру. Пока, до свиданія... Я иду васъ слушать... туда... изъ дома.

— Прощайте, Сандро.

Это „прощайте“ срывается у Дани невольно, ненарокомъ. При этомъ „прощайте“ въ груди Селима замираетъ сердце. Онъ взбѣшенъ, испуганъ и смущенъ. О, эти женщины! Не даромъ говорятъ, что волею судьбы волосъ ихъ длиненъ, а умъ коротокъ. Двухъ только и знаетъ онъ мудрыхъ: Лейлу-Фатьму и Селтонетъ.

— Безумная дѣвчонка, этимъ „прощайте“ она можетъ погубить все!

Но Сандро ничего не понялъ. Идетъ, весело посвистывая, къ дому, какъ ни въ чемъ не бывало.

Вотъ и конецъ обрыва. Теперь остается только прыгнуть въ лодку. Высоко поднявъ надъ головою арфу, Селимъ спускается впереди.

— Въ лодку, живѣе!

Даня машинально повинуется. Онъ, этотъ мальчикъ-

Они бѣгутъ прямо на обрывъ...

кабардинецъ, сейчасъ много сильнѣе и энергичнѣе ея. У нея мысль путается и кипитъ, какъ пѣна.

Вотъ они въ лодкѣ. Съ обѣихъ сторонъ за кормою плещетъ Кура. Не такъ, какъ въ тотъ роковой вечеръ, нѣтъ. Не такъ... А все же больно, грустно и хочется плакать...

Селимъ работаетъ веслами, какъ взрослый. Подплыли. Идутъ по берегу. Вотъ развалины старой крѣпости. Вотъ начало утесовъ. Вотъ духанъ. Силуэтъ всадника вырисовывается на фонѣ ночи.

— Кто идетъ? Именемъ Аллаха, отвѣчай! — слышится низкій гортанный голосъ.

— Селимъ-Али, сынъ Али-Ахверды изъ нижней Кабарды и съ нимъ женщина,—важно, недѣтскимъ тономъ отвѣчаетъ Селимъ.

— Бѣлокурая гурія, ты?

Знакомый голосъ. Во тьмѣ ночи трудно во всадникѣ, одѣтомъ по-мужски, узнать Леилу-Фатьму.

Даня смущенно откликается на призывъ.

Въ тотъ же мигъ чьи-то сильныя руки подхватываютъ ее на воздухъ, сажаютъ въ сѣдло. Другія—осторожно принимаютъ арфу изъ рукъ Селима.

— Прощайте, Селимъ! Спасибо! Кланяйтесь Селтонетъ.

Мальчикъ киваетъ головой, срываетъ папаху.

— Аллахъ да сохранитъ тебя! Будь счастлива! Прощай!

Взмахъ нагайки, ударъ по крутымъ бокамъ коня, и Даня мчится, какъ вихрь, впередъ въ чьихъ-то невидимыхъ рукахъ туда, вдаль, въ невѣдомыя горы...

XIV.

ЧАЙ давно уже отпили въ кунацкой.

— Дѣти, ложитесь спать. Завтра суббота, день классныхъ сочиненій. Надо встать со свѣжими головами, друзья мои.

Голосъ Нины звучитъ обычной повелительной ноткой, но какая-то заботливость слышна въ каждомъ звукѣ его.

Мальчики встаютъ первые.

— А мы такъ и не послушали Даниной арфы,— говоритъ Сандро сокрушенно.

— Ты услышишь ее завтра. Успокойся, пожалуйста,—вставляетъ Селтонетъ.

Она замѣтно возбуждена, и глаза у нея бѣгаютъ.

Валь торжественно отводитъ князя Андрея въ сторону.

— На два слова,—говоритъ онъ, хмуря свой высокій бѣлый лобъ.

— Въ чемъ дѣло, мой мальчикъ?

Обычная мягкая улыбка играетъ на симпатичномъ лицѣ князя. „Своихъ мальчиковъ“ онъ любитъ, какъ

родныхъ. Въ каждомъ изъ нихъ видитъ добрые, крупные зачатки. Не даромъ съ такого юнаго дѣтскаго возраста они у него на глазахъ.

— Ну, что ты желаешь, мальчуганъ?

— Я бы хотѣлъ получить астролябію изъ Тифлиса. Меня очень интересуетъ, какъ ею измѣряютъ пространство, князь.

— Но недавно еще тебя интересовало другое. Я давалъ тебѣ „Жизнь животныхъ“ Брема, и ты былъ очень доволенъ.

— Я прочелъ ее уже.

— Берегись, мальчуганъ, такъ проглатывать все сразу. Спутаешься, смотри. Хватаешься за все слишкомъ жадно. Надумай себѣ что-нибудь одно и иди твердо къ намѣченной цѣли.

— Да я уже надумалъ.

— Именно?

— Хочу быть докторомъ, астрологомъ, зоологомъ, химикомъ, математикомъ, инженеромъ, археологомъ, миссіонеромъ, морякомъ и... и...

— Довольно! Довольно!—съ веселымъ смѣхомъ обрываютъ окружающіе Валентина взрослые и дѣти.

— Учителемъ, профессоромъ, изобрѣтателемъ,—ничуть не смущаясь, продолжаетъ Валь,—только не хочу быть...

— Кѣмъ?—невольно заражаясь его спокойной сосредоточенностью, спрашиваетъ Нина.

— Не хочу быть Селтонетъ, когда она глядитъ точно кошка, только что слизавшая сливки у Моро на кухнѣ,— подъ взрывъ общаго хохота заключаетъ самымъ серьезнымъ образомъ Валь.

— Фу, ты глупый!.. Ты просто баранъ, изъ котораго шашлыкъ дѣлать надо, — возмущается вспыхнувшая отъ смущенія Селта, у которой дѣйствительно въ эти минуты видъ провинившагося звѣрька. Но тотчасъ-же, овладѣвъ собою, она снова смѣется, метнувъ сердитыми глазами на Валентина и дѣлая невинное лицо.

Нина подзываетъ къ себѣ Валентина и говоритъ ему съ укоромъ:

— Не надо злоупотреблять данными тебѣ Богомъ дарами, мой мальчикъ. Ты развитѣе здѣсь всѣхъ, ты и Сандро. Твой товарищъ-грузинъ добрѣе тебя: онъ не смѣется надъ слабостями близкихъ.

— О, „другъ“! Но что же мнѣ дѣлать, если у меня такой корявый языкъ?

— Валь, опять!.. Иногда мнѣ кажется, что ты не любишь меня и тетю Люду.

Глаза Нины глубоко заглядываютъ въ душу мальчика.

— Что надо сдѣлать, чтобы доказать тебѣ противное, „другъ“?—спрашиваетъ тотъ серьезно.

— Быть болѣе рыцаремъ, Валь, не давать своему колкому языку много воли.

— Хорошо, „другъ“, я постараюсь ради тебя.

Валь быстро поворачивается на каблукахъ, со своимъ невозмутимымъ, спокойнымъ видомъ подходитъ къ Селтонетъ, самымъ серьезнымъ образомъ расшаркивается передъ нею и кланяется до земли, какъ передъ важной дамой.

— Ваше кабардское высочество,—говоритъ онъ, безъ малѣйшей тѣни улыбки,—пожалуйста, не обижайтесь на меня, а если... если... Селта, голубушка, если я тебя разсердилъ, дай мнѣ, пожалуйста, оплеуху.

— О!

— Валь! Валь!

Тетя Люда возмущена. Этотъ мальчикъ—изящный, какъ переодѣтый принцъ, а слова у него точно у торгаша на базарѣ.

— Опять не хорошо!—наивно удивляется Валь, услыхавъ ея возгласъ, полный отчаянія.

Нина машетъ рукой и чуть улыбается одними глазами. Маруся спрятала смѣющуюся рожицу подъ столъ и фыркаетъ тихонько.

Этотъ Валь, по ея мнѣнію, такой молодчина.

Гема, нѣжно обвивъ руками шею Люды, шепчетъ ей на-ушко:

— Можно снести кусокъ персиковаго пирога Данѣ?

— Но она не пришла къ чаю, значитъ не хочетъ ѣсть.

— Нѣтъ, пирогъ она хочетъ, тетя Люда, я знаю...

Она любитъ персики и ей очень пріятно, что я забочусь о ней... Такъ можно? Да?

Каріе глазки глядятъ такъ умильно, что Гемѣ рѣшительно нельзя отказать.

Потомъ дѣти прощаются и уходятъ. Людмила Александровна спѣшитъ за дѣвочками.

Сандро и Валь, взявшись подъ-руку, проходятъ къ себѣ.

Нина долго смотритъ имъ вслѣдъ. Задумчивая улыбка бродитъ по ея смуглому лицу. Глаза сосредоточены и серьезны.

Князь Андрей тоже серьезенъ. Его взоръ покоится на энергичномъ, умномъ лицѣ дѣвушки. Какъ ему знакомо и дорого оно, это молодое, красивое лицо. Все дѣтство и юность этого свѣтлаго, мужественнаго существа прошли на глазахъ его, князя Андро. Много разъ приходилось ему попадаться на пути Нины, разъ даже удалось ему выручить ее изъ непріятнаго, тяжкаго положенія *). Каждый шагъ ея извѣстенъ ему, Андро, каждый штрихъ этой красивой, необыкновенной души, И не мудрено, что давно онъ, Андро уже любитъ ее всѣми силами своего существа. Любитъ преданно сильно, преклоняясь въ душѣ своей передъ ея энергіей, умомъ и нравственной красотой. Давно-давно мечтаетъ онъ назвать ее, Нину, своей женою. Но каждый разъ

*) Смотри повѣсть «Вторая Нина.

при встрѣчахъ съ нею они оба такъ полны дѣлами, заботами о питомникѣ, что личная жизнь и ея интересы уходятъ на второй планъ.

Сегодня его одиночество, его жизнь безъ Нины кажется ему особенно невыносимой. И сегодня, ѣдучи сюда изъ лагеря, князь Андро рѣшилъ уже въ мысляхъ просить руки любимой дѣвушки, просить ее быть ему подругой и женою.

Сейчасъ они остались наединѣ. Дѣти ушли. Люда тоже. Минута самая подходящая. Одно только слово, одно!

— Кузина Нина, — съ волненіемъ звучитъ голосъ есаула.—Я долженъ поговорить съ вами...

Она тихо поднимаетъ голову, ласково взглядываетъ на него.

— Что-нибудь о дѣтяхъ, Андро?.. О Валѣ? По правдѣ сказать, мальчикъ этотъ начинаетъ безпокоить меня. Слишкомъ сильно накидывается онъ на всевозможныя отрасли науки и также быстро мѣняетъ ихъ. Селима легче воспитывать. Еще меня волнуетъ Даня. Дѣвочка эта щедро одарена отъ природы талантомъ и тщеславіемъ. Чѣмъ больше — отвѣтить затрудняюсь...

— Милая Нина, вы вся для другихъ, вся для вашего питомника. Неужели нѣтъ у васъ мысли о личномъ счастьѣ?

Голосъ Андро дрожитъ. Слова вылетаютъ глухо изъ груди. Глаза ищутъ взгляда Нины. И вдругъ падаетъ

и обрывается послѣднее препятствіе. Благоухающая своими ночными цвѣтами красавица-ночь широко раскрываетъ его душу. Огромное, всеобъемлющее чувство, какъ яркое божественное солнце сіяетъ въ ней.

— Нина, моя свѣтлая отрада, моя сильная, гордая, смѣлая дѣвушка, я люблю васъ,—говоритъ онъ смѣло, сильно, вдохновенно.—Я не молодъ и не мало перенесъ горя, но моя душа—это свѣтильникъ, зажженный вами. Мы знаемъ хорошо и много другъ друга. Нина, радость жизни моей, хотите ли вы стать женою Андро Кашидзе?

Слова полетѣли, унеслись въ темноту, къ самымъ звѣздамъ, казалось, къ голубому карталинскому небу

И въ самую глубину сердца Нины Бекъ-Израилъ упали эти слова. Ея лицо мѣняется, блѣднѣетъ. Ея глаза яркими звѣздами глядятъ въ другіе темные, ясные, знакомые, дорогіе...

Радость и мука сливаются въ лицѣ этомъ, ставшемъ мгновенно такимъ прекраснымъ, такимъ свѣтлымъ, какъ майскій безоблачный день.

— Князь Андро Кашидзе, другъ мой и братъ мой,— говоритъ она сильно, твердо. — Я люблю васъ, послѣ памяти моихъ близкихъ, больше всего на землѣ. Но моя жизнь—сплошная трудная задача дать бѣднымъ осиротѣвшимъ дѣтямъ воспитательницу, мать... Если я соединю мою жизнь неразрывно съ вашей, Андро, братъ

мой, единственный и любимый, я должна буду вамъ и моимъ собственнымъ будущимъ дѣтямъ отдать себя всю. Всю посвятить собственной родной семьѣ. И эти бѣдные жалкіе ребятки отойдутъ поневолѣ на второй планъ, стушуются, поблекнутъ въ моемъ представленіи. Измѣнится тогда и моя жизненная задача. Нѣтъ, Андро, любя меня, не просите меня объ этомъ. Отдадимъ наши силы на общее свѣтлое дѣло и останемся братомъ и сестрою, какъ прежде, какъ всегда. Я люблю васъ и вѣрю вамъ, Андро, и горжусь тѣмъ, кого люблю.

Послѣднія слова срываются съ дрожью. Блѣднѣетъ личико Нины. Что-то свѣтлое, какъ росинки, переливается въ глубинѣ ея обычно суровыхъ, теперь ласковыхъ глазъ.

Князь Андро встаетъ и цѣлуетъ ей руку.

Ни горя, ни упрека нѣтъ въ его душѣ.

Развѣ все это не прекрасно? Развѣ жертва благородной, великодушной дѣвушки не есть лучшее доказательство ея новой духовной красоты?

Онъ низко склоняется передъ нею.

— До свиданья... Благодарю... Я счастливъ дружбой такой сестры, какъ вы, Нина,—говоритъ онъ тихо, глядя на нее, потомъ медленно выходитъ изъ кунацкой, спускается внизъ съ галлереи въ чинаровую аллею.

У воротъ Аршакъ подъ уздцы держитъ его коня.

— Какая чудная ночь, батоно!—говоритъ онъ, блестя своими восточными глазами.

— Въ такую ночь, Аршакъ, Господь особенно добръ къ людямъ,—отвѣчаетъ князь, вскакивая на сѣдло.

Княжна Нина остается въ кунацкой. Ея губы улыбаются, а глаза... изъ глазъ катятся алмазныя росинки. Едва ли онѣ не первыя слезы.

Она еще такъ молода. И, кажется, достойна любви. Такъ грустно разставаться съ туманной хотя бы мечтой о счастьѣ. Она любитъ Андро всѣми силами души. Но ея „гнѣзду", ея милому питомнику должны принадлежать всѣ ея силы... Что значитъ ея собственное счастье передъ великой задачей, возложенной на нее судьбою!

— Будь мужественна, Нина! Будь мужественна! Не забывай: ты названная дочь князя Георгія Джаваха, ты внучка Хаджи-Магомета, прекраснѣйшихъ изъ людей!—шепчутъ ея поблѣднѣвшія губы.

А слезы все накипаютъ,—непрошенныя, тихія слезы, накипаютъ, таютъ, и падаютъ ей на грудь.

— Другъ, что съ тобою? Ты плачешь? Кто тебя обидѣлъ? Скажи. Клянусь тебѣ: кинжаломъ расплачусь я съ тѣмъ, кто осмѣлился обидѣть тебя, будь это татаринъ или свой грузинъ, олозонецъ!—пылко произнесъ Сандро.

— Сандро, мой мальчикъ, успокойся, меня никто не обидѣлъ... Но что съ тобою? Ты весь дрожишь!

Сандро дѣйствительно бѣлъ, какъ его бѣлая папаха. Трепещущій, съ огромными глазами, стоитъ онъ передъ Ниной. Губы его сводитъ судорогой. Руки безцѣльно хватаются за чеканный поясъ и кинжалъ.

— Она убѣжала, „другъ“! Она исчезла! Скрылась!— срывается стономъ съ его губъ.

Теперь смертельно блѣднѣетъ Нина.

— Кто, Сандро?.. Кто? Говори, во имя неба, скорѣе!

— Она... Даня... Ларина... Но мы найдемъ ее... Не пугайся... Найдемъ непремѣнно...

Но Нина лучше кого бы то ни было знаетъ, что не ей пугаться, не ей—славному потомку могучаго лезгинскаго племени, не ей—дочери непроходимыхъ дагестанскихъ ущелій! Страхъ невѣдомъ съ дѣтства этой отважной душѣ.

Мгновенно она охватываетъ всю сущность дѣла. Быстрыми шагами проходитъ во внутренніе покои гнѣзда.

Къ ней на встрѣчу бросается Людмила Александровна, вся въ слезахъ.

— Ея нигдѣ нѣтъ!.. Она всѣхъ насъ провела, обманула!

— А арфа, арфа дома? — неожиданно вспоминаетъ Нина Бекъ-Израилъ.

— Нѣтъ. И арфы ея нѣтъ. Она взяла ее съ собой.

Въ одну минуту княжна овладѣваетъ собой. Мысль, быстрая какъ птица, проносится въ ея мозгу.

Она распахиваетъ окно, высовывается въ него до половины и громкимъ, повелительнымъ голосомъ кричитъ:

— Аршакъ!.. Павле!.. Сѣдлайте коней!.. А вы, мальчики, Селимъ, Сандро, Валь,—прибавляетъ она,—сюда, ко мнѣ скорѣе!.. Сейчасъ же скачемъ за нею!.. Ночью въ темнотѣ, она не могла уйти далеко...

Въ домѣ поднимается суета. Мелькаютъ фонари во дворѣ, въ конюшнѣ.

Селимъ, взволнованный, протискивается къ Селтонетъ и шепчетъ:

— Не бойся, Селта, она уже далеко... Самъ вѣтеръ и горные джины не догонятъ ея...

Лицо Селтонетъ озаряется улыбкой.

Торжество, злая радость такъ и искрятся въ немъ.

— Наконецъ-то сгинула бѣлобрысая дѣвчонка!

Но сразу хмурится лицо, исчезаетъ радость. Она хватаетъ за плечи Селима, приближаетъ къ его лицу свое.

— А если они догадаются?.. Если станутъ допытываться, спросятъ?—съ трудомъ переводя дыханіе, губами спрашиваетъ она.

— Селта,—отвѣчаетъ Селимъ, сдвигая на затылокъ, оживленнымъ движеніемъ плечъ, папаху. — Селта, я скорѣе вырѣжу себѣ языкъ кинжаломъ, нежели они узнаютъ правду отъ меня.

И, характерно гикнувъ, бросается къ конямъ, гдѣ уже собрались всѣ остальные.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

ВЕЛИЧЕСТВЕННО и гордо вздымаются горы... Мохнатыя, темныя купы деревъ кроютъ ихъ склоны... Уступъ за уступомъ, терраса за террасой. Цѣлая лѣстница вверхъ, къ престолу Аллаха, къ бѣлой, покрытой вѣчнымъ снѣгомъ, шапкѣ стараго великана Эльбруса. Синеватымъ туманомъ окутаны горы. Грудь ихъ темна, а бѣлыя вершины сверкаютъ ослѣпительнымъ свѣтомъ въ лучахъ восходящаго солнца.

Простымъ взглядомъ не окинуть эту великолѣпную, непобѣдимую голову. Ослѣпнешь въ ея сіяніи въ яркое лѣтнее утро. Среди тѣснинъ—зеленыя какъ изумрудъ долины, прорѣзанныя потоками, берущими свои воды и силы у знаменитаго Аварскаго Койсу, этого князя-властителя всѣхъ дагестанскихъ рѣкъ. Тамъ, гдѣ княжество Койсу, тамъ голыя, дикія скалы, тамъ рѣдкія сосны простоявшія вѣка, тамъ цѣпкіе кусты Карагача и ка-

менные отвѣсы съ холоднымъ, поутру росистымъ, склономъ.

Здѣсь — горы зеленыя и пышныя, какъ надежды юности. Здѣсь чаще бываетъ солнце. Здѣсь въ зеленыхъ полянахъ, примыкающихъ къ скату, въ затерянныхъ среди утесовъ котловинахъ, пасутся овцы, бараны и табуны лезгинскихъ, легендарныхъ по выносливости, быстрыхъ коней.

Среди котловинъ мелькаютъ дивные и рѣдкіе цвѣты — дѣти сказочно-прекрасной восточной флоры. Къ угрюмымъ скаламъ льнутъ нѣжныя золотыя гроздья азалій — ясно желтоватыя маленькія солнца среди изумрудной травы. А рядомъ—дикія лиліи, застѣнчиво-строгія съ ихъ подкупающею задумчивой красотой, нарядная ярко-розовая персидская ромашка, какъ разодѣтая въ джуму мусульманская красавица, лазурно-бѣлая охвилегія, великанши-центавріи, — эти огромные розаны ущелій... Какая красота!

А еще дальше, выше, гдѣ нѣтъ лилій, ромашки, азалій и розъ, гдѣ высятся хмурыя головы скалистыхъ горныхъ тѣснинъ, по самому скату ихъ, лѣпятся сакли. Это дагестанскій аулъ Бестуди. Какъ ласточкино гнѣздо къ крышѣ, прилѣпленъ онъ къ склону горныхъ великановъ, тѣсно прижавшись къ ихъ могучей груди. Надъ нимъ высятся развалины когда-то крѣпкой и неприступной сторожевой башни. Есть въ немъ и нѣсколько каменныхъ двухъярусныхъ зданій; напба селенія, мул-

лы, какого-то горскаго князя. Но все больше глиняные, сложенные изъ горныхъ обломковъ домики-сакли. Узкія улицы, какъ горные потоки, разбѣгаются отъ площади, среди которой стоитъ мечеть съ ея длиннымъ минаретомъ, съ высоты которой три раза въ день мулла-муэдзинъ призываетъ къ намазу правовѣрныхъ. А ниже, за скатомъ горъ, открывается огромная котловина, оцѣпленная утесами. Тамъ усадьба богатаго, знатнаго бека Мешедзе, покойнаго наиба аула, умершаго два-три года тому назадъ.

Бекъ-наибъ умеръ. Жена его тоже. Усадьба состарѣлась, обветшала. Но чьи-то зоркіе глаза сторожатъ ее. Чья-то властная рука оберегаетъ эту каменную, недоступную, благодаря окружающимъ ее горамъ-стражникамъ, саклю и прилегающія къ ней угодья. „Совье гнѣздо"—называютъ лезгины таинственную усадьбу. И съ невольнымъ жуткимъ смятеніемъ проѣзжаютъ мимо нея по ночамъ запоздавшіе путники.

* * *

Ласковый, кроткій, синеокій вечеръ, точно сказочный принцъ съ лазоревыми глазами, приблизился и всталъ у входа въ горную щель. Запахло ночными цвѣтами. Поднялись изъ бездны синіе туманы, окутали горы ревниво оберегающей ихъ красоту чадрой. Закурилась пропасть знойнымъ душистымъ паромъ.

Молодой, въ рваномъ бешметѣ, унизанномъ сере-

бранымъ почернѣвшимъ позументомъ, мальчишка-лезгинъ гонитъ барановъ по горной тропинкѣ въ селеніе.

Солнце не скрылось, а какъ-то разомъ упало въ бездну. Звонче, голосистѣе запѣли горные ручьи. Въ зеленой котловинѣ зажглись огоньки. Освѣтилась большая каменная сакля, прильнувшая къ каменной груди сосѣда-утеса. Круглыя и продолговатыя оконца ея единственнаго яруса свѣтло улыбнулись синеокому принцу-вечеру, скользнувшему изъ-за горъ...

* * *

Въ небольшой, освѣщенной горницѣ, на широкой тахтѣ, сидитъ Леила-Фатьма, закутанная въ чадру

Стѣны и полъ сакли обиты коврами. Всевозможное оружіе, съ чеканными, отдѣланными въ серебро и золото рукоятками, навѣшено поверхъ нихъ. Диваны—широкіе, низкіе. Тамъ и здѣсь разбросаны цыновки и подушки.

Передъ Леилой-Фатьмой приборъ для куренія. Изъ тонкой трубки вьется душистый дымокъ кальяна. На грифельномъ одноногомъ столикѣ стоитъ небольшая чашечка съ чернымъ турецкимъ мокко. Кругомъ на полкахъ разставлена дорогая серебряная домашняя утварь. Серебро—любимѣйшій металлъ лезгинскаго племени—дорого цѣнится и въ Бестуди, тогда какъ къ золоту здѣсь равнодушны. Женщины-лезгинки проводятъ въ

трудѣ весь день съ утра до ночи. Онѣ, между прочимъ, ткутъ тончайшія сукна за самодѣльнымъ станкомъ, расшиваютъ ихъ хитро-сплетеннымъ серебрянымъ позументомъ, въ то время какъ мужья-повелители ихъ лежатъ на тахтахъ, бесѣдуютъ съ сосѣдями и пьютъ шипучую бузу. Помимо пряжи, шитья, вышиванія лезгинки работаютъ и въ полѣ, и въ лѣсу, и на дворѣ.

Леила-Фатьма—лезгинка. Но она богатая, важная лезгинка. Не для работы создана она. Ея руки непривычны къ труду съ самаго дѣтства. Она сроднилась съ довольствомъ, богатствомъ и золотомъ. Золото, деньги она любитъ больше себя самой.

Точно мумія, неподвижно сидитъ Леила на тахтѣ. Ея нарядъ—не нарядъ лезгинки. Тѣ носятъ простые бешметы, синія рубахи, красныя покрывала до пятъ изъ кумача, сплошь зашитыя монетами съ бахромою. У нея—смѣсь пестрыхъ цвѣтовъ, алаго канауса, персидскаго бархата, голубого шелка. Она по виду почти старуха, хотя ей нѣтъ еще и сорока лѣтъ.

Восточныя женщины старятся рано. И Леила кажется много старше своихъ лѣтъ. Ея сѣдыя космы торчатъ изъ-подъ чадры. Глаза ея дики—блуждающіе, неспокойные глаза. Жутко и хищно ея бронзовое, морщинистое лицо. Но нарядъ ея блещетъ яркостью и красотою.

Кораллы, монеты, серебряныя бляхи, ожерелья—броней кроютъ ея высохшую грудь.

Она куритъ кальянъ, чего не дѣлаетъ ни одна женщина аула. Куреніе — запретъ Аллаха. Но что Леилѣ-Фатьмѣ Аллахъ!

Шайтанъ, грозный духъ безднъ и горъ,—ея защитникъ и повелитель. Ему служитъ Леила-Фатьма, ему! Разъ она уклонилась отъ него, приблизилась къ Аллѣ и что же? Грозный духъ поразилъ ее безуміемъ. И она была плѣнницей у этой гордой, ненавистной „уруски"— Нины Бекъ-Израилъ.

Теперь она снова на свободѣ. И снова можетъ служеніемъ шайтану нагребать кучу денегъ отъ проѣзжихъ богачей.

То, что умѣетъ дѣлать она, Леила-Фатьма, не сможетъ, не умѣетъ ни одинъ смертный.

При одномъ воспоминаніи объ этомъ молодо вспыхиваютъ ея глаза, выпрямляется сгорбленная фигура, горделиво поднимается голова...

Почтительное, несмѣлое покашливаніе у дверей приводитъ ее въ себя.

— Ты, Гассанъ?

— Такъ, госпожа моя, твой вѣрный Гассанъ пришелъ тебя потревожить.

Пожилой татаринъ стоитъ передъ нею. Его фигура высока и сильна, какъ у атлета. Его грудь—грудь гиганта. Маленькіе глаза блещутъ пронырливостью и умомъ. Несокрушимой силой вѣетъ отъ всего его существа, точно выточеннаго изъ камня.

Онъ, Гассанъ, помнитъ еще съ юности Лейлу-Фатьму, служилъ ея отцу, теперь служитъ ей вѣрой и правдой.

— Тамъ пришли дидайцы наниматься. Клянутся Аллахомъ, что будутъ нѣмы, какъ рыбы. Два мужа и одинъ мальчишка.

— Какъ одѣты они?

— У нихъ больше заплатъ, нежели рѣчей. За туманъ въ мѣсяцъ будутъ покорны какъ псы и...

— Позови ихъ, Гассанъ... Ты знаешь, я распустила прежнихъ слугъ... Только ты съ семьею остался у меня... На сосѣдей-лезгинъ нельзя положиться... Опять извѣстятъ Нину... Опять та пріѣдетъ сюда и увезетъ меня съ собою. Дидайцы надежнѣе, ихъ можно купить золотомъ, этихъ цунтовъ *).

— Они величаютъ себя цези **), госпожа,—усмѣхается Гассанъ.

— Пусть войдутъ,—приказываетъ Фатьма.

— Съ чистыми помыслами, съ душами хрустальными, какъ слеза Аллаха, войдите!

Гассанъ приподнимаетъ полу ковра.

Въ отверстіи двери появляются три фигуры. Косматыя, старыя, грязныя папахи клочьями падаютъ имъ на лица. Одежды всѣхъ троихъ рваны какъ рѣшето.

---

*) Оборвышей,—такъ называютъ другія, богатыя племена дидайцевъ.

**) Дидайцы зовутъ себя орлами—цези.

— Привѣтъ мудрой Леилѣ-Фатьмѣ!—выходя впередъ, говоритъ одинъ изъ нихъ.—Мы прослышали, что ищешь нукеровъ для своего гнѣзда.

— Да будетъ благословенъ вашъ приходъ пророкомъ! Вы слышали правду. Я ищу слугъ. Гассанъ и его сыновья-джигиты у меня на усадьбѣ и въ домѣ. Васъ же возьму я сторожить мою низину, саклю и поля. Я буду щедра, какъ шахъ, дидайцы, но... молчаніе—высшая служба ваша. Сумѣете ли хранить его, друзья?

— Какъ бездны хранятъ ихъ тайны, госпожа, такъ и мы сохранимъ твою!

— Все, что дѣлается въ моей саклѣ, для людей—могила. Что бы ни увидѣли вы,—да умретъ въ васъ, да умретъ!

— Клянусь за себя и друзей моихъ! — отвѣчаетъ старшій оборванецъ, Мамедъ.

— Всѣ мы клянемся именемъ Аллаха!—вторятъ остальные.

Леила-Фатьма встаетъ. Глаза ея полны мрака. Грозно лицо ея подъ легкой чадрой.

— Повторяйте за мною,—говоритъ она повелительно и сурово.—Пусть померкнетъ свѣтъ очей нашихъ, пусть дикій туръ растерзаетъ наши тѣла, пусть горный духъ задавитъ насъ своими когтями, пусть бездна проглотитъ насъ и самъ шайтанъ заглянетъ намъ въ лицо, если мы откроемъ тайну Леилы-Фатьмы! Да будетъ такъ!

— Да будетъ такъ!—въ голосъ произнесли дидайцы, поднявъ правыя руки къ потолку.

— А теперь жена Гассана заколетъ въ честь васъ барана и раскроетъ свѣжіе кувшины съ бузой... Пируйте, джигиты!.. Утро вечера мудренѣй... Завтра на зарѣ, Гассанъ разбудитъ васъ и раздастъ вамъ новое платье, патроны и винтовки. А теперь, да хранитъ васъ Аллахъ!

II.

СНОВА вечеръ... Въ котловинѣ „Совьяго гнѣзда“ жгутъ костры съ той минуты, какъ ушелъ въ бездну кровавый дискъ вечерняго солнца.

Исчадьями горъ кажутся тѣни людей, подбрасывающихъ сухіе сучья въ огонь. Это Гассанъ, его два сына и три дидайца наблюдаютъ за кострами.

Въ главной саклѣ усадьбы мелькаетъ быстрая фигура юркой старушки.

Жена Гассана, Амината, разставляетъ въ кунацкой для гостей приборы для куренія, кувшины бузы и блюдечки съ шербетомъ и вареными въ меду плодами. На дворѣ за саклей жалобно блеютъ молодые барашки. Ихъ ждетъ печальная участь. Ихъ заколютъ въ честь пріѣзжихъ гостей.

Эти гости не простые люди: какой-то кабардинскій князь, ѣдущій черезъ горы, въ самую Темиръ-Ханъ-Шуру по личному дѣлу и его друзья. Богатый князь Казанъ-Оглы-Курбанъ съ его свитой.

Онъ зналъ еще стараго наиба Мешедзе, давно знаетъ и дочь его Леилу-Фатьму, слывущую пророчицей, колдуньей. И теперь, проѣздомъ, хочетъ извѣдать у нея Казанъ-Оглы-Курбанъ свою судьбу, будущее своей поѣздки, а кстати и попировать на перепутьи. Посланный впередъ въ „Совье гнѣздо“ нукеръ Аги сообщилъ своему господину отвѣтъ Фатьмы, пророчицы Бестуди: „проситъ пожаловать отважнѣйшаго изъ джигитовъ, проситъ поглядѣть на такія чудеса, какихъ не встрѣчалъ онъ, навѣрное, у себя на родинѣ, ни въ Верхней, ни въ Нижней Кабардѣ“.

Какія такія еще чудеса?

Ночь подкрадывается тихо и незамѣтно.

Полнеба уже заткано золотыми блестками звѣздныхъ очей. Ржаніе коней слышится за сосѣднимъ утесомъ.

— Гассанъ! Юноши! Мамедъ! Рагимъ! Али! Спѣшите навстрѣчу! Подержите стремя князя. Введите почетнаго гостя подъ руки въ домъ... Аминатъ, клади на вертелъ свѣжаго барана... Готовъ-ли хинколъ?

Хриплый голосъ Леилы-Фатьмы теперь сталъ точно моложе, звонче. Властныя нотки зазвучали въ немъ.

Суетливо забѣгали черныя очи. Она задумывается на минуту, соображаетъ.

— Гостямъ еще не скоро попасть въ саклю. Пойду приготовить мою бѣлокурую гостью.

Быстро, легкой стремительной походкой, скользитъ дочь нанба по комнатѣ, отбрасываетъ коверъ у двери, входитъ въ сосѣднее помѣщеніе. Здѣсь ея горница. Въ углу изъ войлоковъ и подушекъ ложе для отдыха. Какіе-то пучки травъ, удушливыхъ по аромату, разбросаны здѣсь и тамъ. Легкое пламя ночника, жировой плошки съ фитилемъ изъ кудели, колеблясь, освѣщаетъ спальню. Быстро минуетъ она ее. Дальше, дальше. Еще коверъ, еще дверь...

Голубой фонарь, пріобрѣтенный еще отцомъ, наибомъ, у проѣзжихъ торгашей-персовъ, бросаетъ невѣрный, словно лунный, свѣтъ на обстановку комнаты. Странная обстановка! Оконъ не видно, дверей тоже... Легкая шелковая, персидской же ткани, завѣса въ углу. Она колеблется невѣрно отъ малѣйшаго движенія воздуха.

Здѣсь нѣтъ тахтъ и диванов. На полу, поверхъ ковровъ, пушистыхъ и мягкихъ, какъ мхи на горныхъ склонахъ Аварскихъ ущелій, раскиданы звѣриныя шкуры, мѣха: темно-бурый—медвѣжій, темный—лисій, бѣлый—заячій и козій и золотисто-коричневый—оленій, гладкій, отливающій сталью въ голубыхъ лучахъ фонаря. Поверхъ нихъ набросаны серебромъ затканныя подушки. Въ четырехъ углахъ этой странной пустой комнаты стоятъ грифельные треножники. На нихъ курится что-

то пряное, сладкое, невыразимо пахучее, дурманящее мозгъ. Серебристый дымокъ чуть замѣтной струйкой плыветъ вверхъ къ потолку со всѣхъ четырехъ концовъ комнаты и сливается въ одно прозрачное облачко по серединѣ ея.

Удушливый ароматъ мускуса, амбры и еще какого-то невѣдомаго ядовитаго цвѣтка наполняетъ горницу, странную, какъ храмъ какого-то непонятнаго и непостижимаго божества.

Тяжелая шелковая ткань тщательно укрываетъ стѣны. На ней начертаны вязью непонятныя арабскія письмена, изображенія луны, полумѣсяцевъ и звѣздъ, рельефно выдѣляющихся на фонѣ голубой ткани.

Леила-Фатьма, жадно вдохнувъ въ себя всею грудью смѣсь ядовитаго курева и духовъ, легкой кошачьей поступью пробирается къ таинственной, легкой, какъ мечта, занавѣскѣ.

Взмахъ руки, быстрый, почти неуловимый, и моментально отскакиваетъ на серебряныхъ кольцахъ воздушная ткань.

Передъ Леилой-Фатьмой пестрыми коврами крытое низенькое ложе. Поверхъ него наброшенъ мѣхъ дикой козы. Съ ея бѣлоснѣжной шерстью спутываются бѣлокурые волосы спящей. Голубой свѣтъ фонаря падаетъ на нихъ и на блѣдное, тонкое, исхудавшее личико, въ которомъ нѣтъ ни кровинки, падаетъ на сомкнутыя, черныя рѣсницы и на брови, въ капризномъ изломѣ

приподнятыя надъ спящимъ взоромъ сомкнутыхъ глазъ. Что-то легкое, воздушное покрываетъ станъ, гибкій и тонкій, какъ стебель восточнаго невѣдомаго мистическаго цвѣтка, какія-то странныя ткани, смѣсь бѣлаго, алаго съ голубымъ. На блѣдномъ лбу атласная повязка. Тускло играютъ камни на матовой кожѣ его. Серебряный поясъ плотно охватываетъ талію. Подъ широкими кисейными рукавами сквозятъ тонкія руки.

Этотъ нарядъ—нарядъ царевны. Но царевны изъ зачарованной сказки, изъ далекой, нездѣшней, фантастической страны.

Дѣвушка и хрупка, и блѣдна, и нѣжна, какъ лилія теплицъ...

Леила-Фатьма наклонилась къ спящей головѣ и смотритъ жаднымъ, пронизывающимъ взоромъ въ это юное блѣдное лицо.

О, самъ шайтанъ помогъ ей въ ея дѣлѣ!

Такой подходящей для нея, Леилы, красавицы не найти было бы по всему Дагестану. Чутка, впечатлительна и податлива на ея чары. Къ тому же сама, по своей охотѣ, глупая, бѣдная бабочка, прилетѣла на огонекъ. Такая помощница и во снѣ не снилась Леилѣ-Фатьмѣ. Съ такой помощницей она будетъ богата, какъ ихъ могучій, далекій, сказочный царь.

И, наклонившись еще ниже къ самому лицу спящей, она шептала:

— Проснись, моя роза! Старая Леила пришла за тобою.

И кладетъ корявые черные пальцы на бѣлокурую головку.

Лицо дѣвушки озаряется безсознательной улыбкой.

Ея губы шепчутъ въ полуснѣ:

— Гема? Тетя Люда? Это вы здѣсь, милыя?

— Ха-ха-ха! Красавица! До нихъ такъ же далеко, какъ до сакли Аллаха!—своимъ густымъ, какъ у мужчины, смѣхомъ разражается Фатьма.—Я здѣсь съ тобою, стройная лань дагестанскихъ стремнинъ,—я, твоя учительница и благодѣтельница, съ тобою... Проснись, восточная роза, греза самого пророка, проснись!

Синіе глаза открываются широко.

— Ты, Леила-Фатьма? Опять ты?!

Румянецъ, чуть видный при голубомъ свѣтѣ фонарика, нѣжнымъ заревомъ обливаетъ щеки.

— Ты, вѣрно, пришла сказать мнѣ, что мы ѣдемъ? Въ Тифлисъ ѣдемъ? Или въ Темиръ-Ханъ-Шуру? Въ Москву, можетъ быть? Или еще дальше? Неужели въ Петербургъ? Въ самый Петербургъ? О, скажи мнѣ, не мучь меня, не мучь меня, Леила-Фатьма! Скажи скорѣе, куда мы направимся!..

Глаза Дани полны надежды. Слабая радость охватываетъ ея душу. Она смотритъ въ безобразное лицо Леилы, сжимаетъ ея руки.

Вотъ уже цѣлыхъ двѣ недѣли, какъ она здѣсь, въ этой душистой коробкѣ-горницѣ, въ этой зеленой котловинѣ, среди дикихъ, поросшихъ лѣсомъ, утесовъ и горъ.

Леила-Фатьма смотритъ жаднымъ, пронизывающимъ взоромъ...

И каждое утро Леила-Фатьма, на вопросъ ея, когда же онѣ тронутся дальше, когда же начнутъ путешествовать съ цѣлью давать концерты,—твердитъ одно и то же, все одно и то же всякій разъ:

— Подожди, яхонтъ, подожди, серебряная, подожди, золотая звѣздочка сѣверныхъ небесъ... Наберетъ побольше денегъ Леила-Фатьма, успокоится княжна Нина, перестанетъ рыскать и искать тебя въ горахъ, и тогда уѣдемъ мы. Не только въ Москву или въ Петербургъ—въ самый Стамбулъ уѣдемъ, къ султану, играть при его дворѣ... Дай ты пройти времени, звѣздочка, дай пройти...

А время, какъ нарочно не идетъ, а ползетъ. Если бы не милая арфа, она, Даня, кажется, сошла бы съ ума.

Уже раза три наѣзжали къ Леилѣ-Фатьмѣ богатые уздени и беки изъ дальнихъ и ближнихъ ауловъ за это время. И она, Даня, играла передъ ними. Они слушали ее, полные молчаливаго суроваго восторга, призывали благословеніе Аллаха на ея голову, дарили ей украшенія изъ алмазовъ, яхонтовъ и бирюзы. А Леилѣ-Фатьмѣ давали денегъ, много денегъ, которыя старуха хватала съ жадностью и прятала въ своихъ сундукахъ.

— Это мы сохранимъ на будущее время, ясная звѣздочка, на нашу поѣздку, бѣлая роза,—говорила она при этомъ съ безумнымъ алчнымъ блескомъ въ глазахъ.

Но это еще ничто было въ сравненіи съ главнымъ.

Есть вещи, полныя тайны и смертнаго ужаса, которыя временами лишаютъ Даню сознанія, которыя сбиваютъ ее съ толку, мѣшаютъ ей разсуждать здраво.

Эти чары, которыми колдуетъ надъ ней Леила-Фатьма... Какъ онѣ тяжелы!.. Боже, какъ тяжелы!..

Она теряетъ подъ ихъ роковою властью силу, волю, временами даже самый разсудокъ и слѣпо подчиняется старухѣ, ея страшной волѣ и желаніямъ. Туманъ застилаетъ ей глаза, а этотъ запахъ, мучительный, какъ удушье, эта амбра, которая курится во всѣхъ углахъ, одурманиваютъ, навѣваютъ сонныя грезы, порой мучительныя и жуткія, какъ кошмаръ...

— Фатьма, потуши курильницы... Убери амбру... Уведи меня на воздухъ, въ горы...—срывается съ губъ Дани грустная мольба.

— Молчи, горленка, молчи! Слышишь, кони стучатъ подковами на дворѣ. Карганъ-ага ѣдетъ. Это важный, знатный гость... Много заплатитъ денегъ Фатьмѣ Кабардинскій князь... Играй только получше, горленка зеленаго лѣса, играй получше... На деньги аги-князя улетимъ отсюда за Койсу, за Терекъ, за Куру, за Донъ, на далекую, вольную россійскую рѣку... Тамъ играть станешь... Люди слушать тебя будутъ... Покажешь еще всю свою славу всѣмъ Джаваховскимъ кротамъ!.. Слышишь, гурія, слышишь!.. А теперь приготовься... Настрой золотую штучку

и играй... Самъ Курбанъ-Оглы-Ага, помни, славный князь Кабарды, тебя слушать будетъ. Поняла, горная ласточка, птичка моя?

И, быстро пригладивъ непослушную прядь на бѣлокурой головкѣ, легкой кошачьей походкой Леила-Фатьма скользитъ за дверь.

* * *

— Привѣтъ вамъ! Благословеніе Аллаха да будетъ надъ вами, дорогіе гости!

Съ этими словами входитъ въ кунацкую Леила-Фатьма.

На низкой тахтѣ сидитъ, поджавъ подъ себя ноги, важнаго вида татаринъ. Онъ весь залитъ серебромъ. Тончайшаго сукна бешметъ облегаетъ его мужественную фигуру. Сафьяновые чевяки, канаусовыя шаровары, высокая папаха,—все это богато разукрашено. Но лучше и богаче всего—оружіе аги, заткнутое за поясъ. Бирюза, яхонтъ, рубины играютъ на серебряной рукояткѣ его кинжала, на стволахъ пистолетовъ, на эфесѣ длинной, кривой сабли.

Вокругъ него, на подушкахъ и коврахъ, сидитъ княжеская свита. Это мелкіе, обѣднѣвшіе дворяне-прихлебатели, дальніе родственники аги, живущіе въ его усадьбѣ и сопровождающіе его въ поѣздкахъ по горамъ.

Лицо Курбанъ-аги точно застыло. Маленькая, съ просѣдью, бородка и ястребиный взглядъ подняты къ

потолку поверхъ головы Леилы-Фатьмы, когда онъ гордо, надменно, сухо отвѣчаетъ, не мѣняя позы, не двинувъ ни однимъ мускуломъ на лицѣ:

— Ангелы Аллаха привели насъ въ горы... Нашъ путь лежалъ мимо твоей сакли и мы рѣшили погостить здѣсь...

— Ты хорошо сдѣлалъ, что не миновалъ моей сакли, ага... Нынче Леила-Фатьма развлечетъ новыми зрѣлищами своего гостя... Судьбу свою уже знаетъ Курбанъ-аги... нынче гадать не станетъ Леила-Фатьма... Нынче иное увидишь и услышишь подъ кровлей ея, Курбанъ-ага!

Гассанъ, Мамедъ и другіе слуги вносятъ миски съ дымящимся хинкаломъ. Это родъ супа съ мучными клецками, заправленнаго бараньимъ жиромъ и чеснокомъ,—любимое блюдо горцевъ. Потомъ подаютъ чашку съ шашлыкомъ, заправленнымъ пряностями, и ковши съ бѣлой пѣнящейся бузой.

На коврахъ и подушкахъ разсаживаются гости. Леила-Фатьма, какъ женщина, не смѣетъ, по обычаю страны, пировать въ присутствіи мужчинъ. Она только прислуживаетъ имъ съ Аминатъ и слугами, то и дѣло подкладывая на тарелку аги лучшіе и жирные куски баранины.

Въ разгарѣ ужина кто-то вспоминаетъ:

— Гдѣ же сазандаръ-пѣвецъ? Шашлыкъ не достаточно жиренъ, буза не довольно крѣпка безъ пѣсенъ о вольной Кабардѣ.

Леила-Фатьма усмѣхается и дѣлаетъ знакъ Аминатъ:

— Скажи „ей“... Вели играть, старуха...

Вѣрная служанка, какъ тѣнь, исчезаетъ за дверью кунацкой.

Быстро мчатся минуты. Разговорчивѣе становятся гости. Буза дѣлаетъ свое дѣло. Не хуже всякаго вина, запрещеннаго кораномъ, опьяняетъ буза.

Поблескиваютъ взоры, развязываются языки. Одинъ Курбанъ-ага все также важенъ и спокоенъ.

Вдругъ, тихіе, рѣжущіе душу аккорды раздаются за стѣной... Точно изъ райскихъ долинъ и заоблачныхъ высей слетѣлъ ангелъ на землю...

— Что-это? Не саазъ, не чіунгури, не домбра... Что это?—волнуясь, спрашиваетъ свита аги.

И у самого Курбана глаза расширились и загорѣлись. Что-то медленно проползло и разлилось по смуглому лицу, — не то сдержанный восторгъ, не то смятеніе.

Но вотъ громче, яснѣе слышатся звуки. Это уже не пѣсня гуріи, не вздохъ звѣзды... Могуче рокочутъ струны... Мечутся звуки... Точно горные джины празднуютъ свое торжество... Это цѣлый вызовъ землѣ и небу... Это призывъ людямъ мрачнаго подземнаго божества...

Страшна и прекрасна могучая музыка... Гремятъ звуки... Бьются струны... Слагается сильный побѣдный гимнъ непостижимыхъ таинственныхъ силъ.

Леилу-Фатьму не узнать. Лицо ея преобразилось. Мрачные, полубезумные взоры теперь блещутъ довольствомъ и торжествомъ.

Курбанъ-ага встаетъ. Всѣ окружающіе его поднимаются слѣдомъ за нимъ.

— Покажи мнѣ свѣтлаго джина, старуха, покажи мнѣ саазъ Аллаха, что умѣетъ такъ колыхать души джигитовъ. Покажи!

— Я покажу тебѣ и твоимъ спутникамъ еще больше, князь и повелитель,—срывается съ губъ Фатьмы.— Только будь щедръ, будь милостивъ къ бѣдной сиротѣ Леилѣ-Фатьмѣ, великодушный ага-джигитъ...

Безобразное лицо Леилы съ робко молящимъ выраженіемъ поднимается къ гостю. Ея смуглые, крючковатые пальцы протягиваются къ нему. Ея пальцы дрожатъ. Лицо перекошено судорогой алчности. Въ глазахъ занимается нездоровый огонь.

Ага-Курбанъ понимаетъ въ чемъ дѣло. Не глядя на трепещущую въ ожиданіи подарка хозяйку, онъ лѣзетъ въ карманъ бешмета, роется въ немъ.

Объемистый кошель, нарочно приготовленный для Леилы-Фатьмы, исторгнутъ со дна его.

— Бери и покажи намъ твои фокусы, старуха.

Легкій взмахъ руки, и, позвякивая монетами, кошелекъ падаетъ у ногъ Фатьмы.

О, какой онъ тяжелый! Какъ щедръ кабардинскій князь! Какъ щедръ и богатъ!

Руки Лейлы трясутся, сжимаютъ крючковатыми пальцами свое сокровище... Безумные огни вспыхиваютъ снова въ глазахъ... Она готова испустить свой страшный протяжный вой, срывающійся у нея въ минуты сильнѣйшаго возбужденія, но Гассанъ, слѣдившій за каждымъ движеніемъ своей госпожи, торопливо беретъ ее за руку и уводитъ во внутреннія покои сакли.

— Успокойся, приди въ себя, дочь наиба... Тебѣ нужны теперь силы и твердая воля, какъ никогда,— говоритъ онъ и прикладываетъ что-то холодное, мокрое къ сѣдой головѣ Лейлѣ-Фатьмы.

III.

— ВХОДИТЕ, посланные самимъ пророкомъ гости, входите сюда!

Прошло минутъ десять, и Фатьма уже оправилась. Фатьма снова здорова. Льстивая улыбка играетъ на ея ссохшихся губахъ.

Откинувъ полу ковра, стоитъ она на порогѣ.

Курбанъ-ага и его спутники входятъ въ горницу.

Запахъ амбры... Голубое облако куренія... Звѣриныя шкуры на полу... Синія, какъ небо, стѣны, затканныя по шелковому полю звѣздами и полумѣсяцами, точно въ мечети... Такой же потолокъ... Изъ-за легкой шел-

ковой занавѣски несутся звуки: тихіе аккорды, улькающіе, какъ лѣсные ручьи... Полутьма... Притушенъ голубой фонарикъ, но на аспидныхъ треножникахъ догораетъ что-то пахучее, сладкое, неясное, какъ дурманъ. О, эта музыка! Она навѣваетъ чарующія сонныя грезы... А запахъ амбры туманитъ мозгъ...

Леила-Фатьма проскальзываетъ за занавѣску... рука сильными крючковатыми пальцами опускается на плечо музыкантши.

— Довольно! Оставь!

Даня взглядываетъ на нее испуганно и моляще.

Безобразное смуглое лицо старухи придвигается къ поблѣднѣвшему отъ страха личику дѣвочки, нестерпимо сверкающіе, расширенные глаза впиваются въ нее вьюномъ... Кусокъ тонкой, пропитанной какими-то дурманящими парами, ткани ложится на ея лицо, закрывая носъ, губы и щеки... Одни глаза остаются на свободѣ, но въ нихъ, какъ два жала, какъ два острые клинка, впиваются взоры Леилы-Фатьмы.

И подъ этимъ нечеловѣческимъ, магнетизирующимъ всю душу, оцѣпляющимъ весь мозгъ Дани, взглядомъ, послѣдняя замираетъ, полная непонятной покорности судьбѣ.

Все больнѣе и больнѣе сжимаетъ ея плечи Леила-Фатьма, все горячѣе и нестерпимѣе жжетъ ее страшнымъ взоромъ разгорѣвшихся, какъ у волчицы, глазъ, все невнятнѣе лепечетъ что-то пересохшими губами,

все нестерпимѣе, сильнѣе, душитъ ее непонятный, разумъ затемняющій, ядовитый ароматъ.

Какая-то мучительная усталость сковываетъ члены Дани, разливается по тѣлу теплой волной... Кружится голова... Тускнѣетъ мысль... Словно налетаетъ какой-то вихрь, могучимъ взмахомъ крыльевъ подхватываютъ ее и...

Даня, потерявъ способность чувствовать, разсуждать, покорная чужой страшной волѣ, летитъ съ головокружительной быстротой въ отверзшуюся передъ ней бездну, потерявъ нить сознанія своего естества...

* * *

Леила-Фатьма, торжествующая, выходитъ къ гостямъ.

Теперь уже за голубой тафтяной занавѣской не слышится звуковъ арфы. Зато гдѣ-то далеко за стѣною гремитъ зурна, звенитъ саазъ.

Это сыновья Гассана играютъ на дворѣ.

Громкая, дикая, воинственная мелодія. Вздрагиваютъ сердца гостей. Вольнымъ духомъ Кабарды, дикой, свободной еще недавно, и теперь покоренной страной, вѣетъ отъ нея.

И подъ странную, грозную музыку распахивается занавѣска.

Бѣлая дѣвушка выходитъ изъ-за нея. Ея лицо неподвижно, какъ маска, тонкія руки опущены вдоль бе-

деръ. Синіе глаза стоятъ безъ мысли, прозрачные, безмолвныя.

По приказанію Фатьмы она, заложивъ руки, начинаетъ кружиться, плясать, сначала тихо, тихо, потомъ быстрѣе, все быстрѣе.

Пляска ея быстра, какъ вихрь... Спустя минуту, она беззвучнымъ движеніемъ падаетъ на полъ.

— Смотри, ага, видалъ ты такую? — спрашиваетъ Фатьма.

— Клянусь Аллахомъ, ни въ Кабардѣ, ни въ здѣшнихъ горахъ, ни въ долинахъ Грузіи не встрѣчалъ я ничего подобнаго!—съ невольнымъ изумленіемъ въ голосѣ роняетъ князь-ага.

Курбанъ-ага взволнованъ. Эта бѣлокурая дѣвушка въ ея безпомощности пробуждаетъ въ его суровой душѣ не то жалость, не то сочувствіе.

Лейла-Фатьма видитъ произведенное на ея гостя впечатлѣніе.

— Дана,—говоритъ она, ломая русскій языкъ и русское имя.—Дана, встань!

Быстро и легко поднимается дѣвушка. Ея лицо спокойно. На устахъ бродитъ неопредѣленная улыбка...

— Спрашивай у нея, что хочешь, по-кабардински, по-грузински, по-русски, она отвѣтитъ тебѣ... Изъ будущаго, изъ настоящаго, изъ прошлаго отвѣтитъ... Самую твою страшную тайну откроетъ она тебѣ, — срывающимся голосомъ говоритъ Лейла-Фатьма на-ухо князю.

Курбанъ-ага встаетъ.

— Я хочу, чтобы она спѣла мнѣ пѣснь моей матери, ту самую, что слыхалъ я въ дѣтствѣ надъ своей колыбелью,—говоритъ онъ громко.

Лейла-Фатьма подходитъ къ Данѣ:

— Ты слышала?

Бѣлокурая головка склоняется медленно, автоматически, какъ неживая.

— Да!—беззвучно роняютъ губы.

— Пой! — повелительно, грозно звучитъ голосъ Фатьмы.

Даня тихо опускается на полъ подлѣ аги и, раскачиваясь изъ стороны въ сторону, поетъ по-татарски заунывную, восточную пѣснь.

«Пышныя розы раскрылись.
Въ вѣтвяхъ чинары поютъ соловьи.
Спи, о, засни, мой сынокъ малолѣтній,
Сонъ я навѣю на глазки твои!..
Пѣсни спою о родимой Кабардѣ,
Вольныя пѣсни о прошломъ ея...
Спи, мой красавецъ!.. Я подлѣ, любимый,
Буду качать и лелѣять тебя...
Буду...

— Довольно! — вскочивъ на ноги, какъ безумный, вскрикиваетъ Курбанъ-ага.—Довольно! Ты права, женщина!.. Дѣвушка спѣла пѣснь моей матери!..

И, тяжело дыша, сноза опускается на диванъ.

Снова звучатъ мелодично тихія струны, снова невидимая арфа поетъ тамъ, за занавѣской...

Въ кунацкую опять вышли гости.

Въ голубой горницѣ только Леила-Фатьма и Курбанъ-ага.

Потъ градомъ катится по смуглому лицу кабардинскаго князя. Слова съ трудомъ выдавливаются изъ его груди. Онъ замѣтно смущенъ.

— Такъ по нраву, говоришь, пришлась тебѣ моя дѣвочка, повелитель?—лукаво посмѣиваясь, спрашиваетъ Леила-Фатьма.

— Такъ по нраву пришлась, старуха, что жениться на ней думаетъ Курбанъ-ага.

Нескрываемая радость озаряетъ морщинистое лицо Леилы-Фатьмы.

— Готовь богатый выкупъ, ага... готовь калымъ за невѣсту... Не дешевый калымъ возьму за Даню... Самъ видалъ, какъ поетъ и пляшетъ она... и какъ хороша... Между гуріями рая ея мѣсто—не на землѣ...

— Князь Курбанъ-ага никогда не былъ скупымъ, старуха... Ты получишь столько, что и во снѣ не снится тебѣ... Приготовься. На обратномъ пути черезъ мѣсяцъ заѣду за невѣстой... Можешь открыть ей ея счастливую судьбу... Не простой кабардинкой будетъ она... Высокая ждетъ ее доля... Княгиней, женой славнаго кабардинскаго князя Курбана-аги... Черезъ мѣсяцъ сыграемъ свадьбу...

— А деньги, деньги! Выкупъ! Калымъ за невѣсту!

Слова Леилы-Фатьмы, какъ осы, съ жужжаніемъ вылетаютъ изо рта.

— Не бойся. Вотъ треть калыма въ задатокъ. Остальное передъ свадьбой, въ Кабардѣ, куда возьму тебя и ее.

Нѣсколько десятковъ золотыхъ монетъ сыплется въ подставленную Фатьмой полу бешмета.

— О, какъ ты щедръ, повелитель! Да хранитъ тебя, пророкъ отъ всякаго зла!

И снова лицо ея дѣлается алчнымъ и страшнымъ какъ у горной волчицы.

* * *

Ночь... Въ Совьемъ гнѣздѣ давно спятъ... Спятъ гости въ кунацкой, спитъ прислуга во дворѣ.

За тафтяной занавѣской, на ложѣ, прикрытомъ козьимъ мѣхомъ, разметавшись, спитъ Даня. Ея лицо бѣло, какъ ткань ея хитона. Крупныя капли пота выступили на лбу. Страшные кошмары душатъ ее. Чья-то тяжелая, какъ камень, воля давитъ ея мозгъ и душу...

Даня мечется на своихъ мѣхахъ, одурманенная дымомъ амбры и куреній, отъ времени до времени выкрикивая безсвязныя слова.

Какъ ей тяжело, тяжело во снѣ!.. Вѣдь во снѣ повторяется все, пережитое наяву...

Острые, какъ иглы, вонзаются въ нее глаза Леилы-

Фатьмы... Чернѣетъ глубокій, восторженный взглядъ аги.

— Душно! Душно! — кричитъ она, — пустите меня на волю! на волю!

Леилу-Фатьму безпокоитъ этотъ крикъ.

Она оставляетъ свою горенку, гдѣ только что пересчитывала полученныя сегодня отъ Курбана-аги деньги, и проходитъ за тафтяную занавѣску.

Съ минуту стоитъ, любуясь хрупкимъ существомъ, потомъ медленно кладетъ ей на лобъ холодную, крючковатую руку.

— Засни... Забудь... Все забудь, гурія моя... И да хранятъ тебя свѣтлые джины за то, что обогатила ты Леилу-Фатьму, моя роза прекрасная, кабардинская княгиня моя...

И подъ холоднымъ, скользкимъ прикосновеніемъ смуглыхъ пальцевъ затихаетъ Даня, и мучительные кошмары ея переходятъ въ глубокій, спокойный сонъ...

IV.

Цѣлые дни и ночи идутъ дожди.

Кура налилась до краевъ водою и почернѣла. Низкая часть берега залита ею. Амедъ убралъ свой паромъ подальше и, привѣсивъ безграмот-

ную записку у перевоза: „Нэтъ пѣриправы“, пошелъ на время въ помощники къ Павлѣ, убирать персики и виноградъ.

Чинары жалобно стонутъ въ саду днемъ и ночью. Дождь сѣчетъ ихъ зеленыя вѣтви, сѣчетъ гибкіе прутья молодого орѣшника и тополей. Столѣтніе каштаны, обрызганные влагой, плачутъ. Азаліи и розы умираютъ медленно на куртинахъ. Въ виноградникѣ янтарнымъ и малиновымъ сокомъ, точно кровью, наливаются плоды. Вязко и грязно въ саду. Сбѣгаютъ ручьи вдоль полей. Шумитъ подъ обрывомъ зловѣще и грозно Кура...

Подъ окномъ рабочей комнаты сидитъ Валь, тщательно отмѣривая циркулемъ. Онъ что-то чертитъ. Дождь, хлещущій о стекла, повидимому, ни мало не тревожитъ его. Валь напѣваетъ себѣ подъ носъ и усиленно выводитъ на бумагѣ черту за чертой.

Теперь уже рѣшено окончательно—Валь хочетъ быть инженеромъ. Онъ проситъ „друга“ отдать его въ реальное училище въ Тифлисѣ, потомъ уѣдетъ въ Петербургъ, будетъ учиться долго и упорно, вернется сюда и устроитъ мостъ на Курѣ, такой, который не снесло бы ни вѣтрами, ни бурей...

О, какъ будутъ тогда гордиться имъ, Валемъ, тетя Люда, Андро и „другъ“, и сестра его Лида, которая кочуетъ за границей изъ одного университета въ другой!

Передъ мысленнымъ взоромъ Валя встаетъ такой

мостъ, высокій, могучій, крѣпкій. Чертежъ его онъ уже составилъ на бумагѣ.

Онъ такъ увлекся своей идеей, что ничего не видитъ и не слышитъ.

— Валь! Валь!

— Что такое? Тебѣ тоже нравится онъ, не правда-ли?

— Кто онъ? Ты бредишь.

— Мостъ! Мостъ на Курѣ!

Сандро стоитъ передъ товарищемъ, ничего не понимая.

— Какой такой мостъ? Очнись, ради Бога, Валь! Ты спишь.

— Ахъ, да! Я забылся... Это ты, Сандро? Здравствуй!..

— Опомнись, голубь, теперь время прощаться. Уже вечеръ... Но не въ томъ дѣло... О, какъ ты разсѣянъ, Валь!

Лицо Сандро хмуро и печально. Сурово сжаты брови надъ черными безднами глазъ. Онъ подходитъ близко, почти въ упоръ къ товарищу, кладетъ ему руки на плечи, потомъ голосомъ, исполненнымъ страданія, говоритъ:

— „Другъ“ опять молчитъ сегодня... Молчитъ и тоскуетъ. О, Валь, это невыносимо... Если еще день продолжится это... я не вынесу и... и... убѣгу искать Даню...

— Но ее уже искали всюду... Нигдѣ не нашли...

— Но я не могу видѣть лица княжны... Въ немъ стало все темно, какъ въ могилѣ. Пойми... Мы любимъ ее всѣ больше жизни и не можемъ помочь ничѣмъ.

— Къ сожалѣнію, ты правъ... Не можемъ.

— А главное, она одна такъ гордо несетъ свое горе... Скрываетъ отъ насъ, отъ тети Люды, князя Андрея, ото всѣхъ. Ты не знаешь, Валь, что бы я далъ, чтобы ее успокоить... Помнишь, какъ она рыскала по горамъ верхомъ, обыскивая окрестности, въ надеждѣ найти дѣвочку?.. Теперь надежда исчезла, и она страдаетъ... Страдаетъ нашъ бѣдный любимый, великодушный, „другъ“!..

Послѣднія слова срываются съ такой силой съ губъ Сандро, что Валь невольно хмурится, поджимаетъ губы.

— Что дѣлать, Сандро, что дѣлать?..

Они задумываются оба, каждый ушедши въ себя.

Потомъ Валь начинаетъ снова:

— Дѣвочку не найти. Ага-Керимъ и „другъ“ съ княземъ Андреемъ и нами изъѣздили всѣ окрестности. Тетя Люда права: Данѣ наскучила наша жизнь, и она уѣхала въ Петербургъ...

— Отъ этого не легче „другу“, Валь... Эта дѣвочка своимъ глупымъ поступкомъ отравила ей жизнь. Я слышалъ нечаянно, какъ она говорила тетѣ Людѣ нынче: „Если бы только знать, что она въ хорошихъ, надежныхъ рукахъ. Я дала слово ея умирающей матери не отпускать ее отъ себя, пока не станетъ она прочно у входа

въ жизнь. А теперь...“ Ахъ, если бы ты зналъ, Валь, какъ дрожалъ ея голосъ!.. Я думалъ въ тотъ часъ, что сойду съ ума.

— Надо развлекать ее, Сандро... Вотъ дѣвочки устраиваютъ спектакль... Превратили въ театръ зеленую саклю, будутъ играть... Мы тоже придумаемъ что-либо... Я выстрою мостъ. Честное слово.

Стукъ въ окно прерываетъ рѣчь Валентина.

— Кто тамъ? Что за таинственность, когда существуютъ двери?...

— Мальчики, откройте! Ради Бога, откройте поскорѣе окно!

Къ стеклу извнѣ прикладывается мокрое, все залитое дождемъ, лицо Маруси. Русые волосы завились отъ сырости въ крупныя кольца. Глаза расширены настолько, насколько можетъ волненіе расширить маленькіе сѣренькіе Марусины глаза. Губы дрожатъ.

— Вотъ еще новость! Очаровательная Марія въ роли горнаго душмана хочетъ прыгать въ окно!—произноситъ Валь и съ насмѣшливой улыбкой распахиваетъ раму.

— Что это? Вы, кажется, намѣрены пустить слезу. Но вѣдь и безъ того лужи въ саду, прелестная богиня!—говоритъ онъ полусердито, полушутливо.

Но Маруся ни однимъ словомъ не отвѣчаетъ на насмѣшку. Упирается руками въ подоконникъ и, поднявшись на мускулахъ, сильная, ловкая, какъ заправскій мальчуганъ, дѣлаетъ прыжокъ въ комнату.

Ея ноги въ мокрыхъ ботинкахъ оставляютъ грязный мокрый слѣдъ на чистомъ полу „рабочей“.

— Вотъ это уже совсѣмъ некстати, — морщится Валь.—И зачѣмъ, скажи на милость, ты, Маруся, лѣзешь въ окно, какъ разбойникъ?..

Маруся молчитъ, глядитъ тупо, будто ничего не понимая, вдругъ закрываетъ лицо руками и заливается слезами.

Это такъ необычайно, что плачетъ всегда веселая, радостная, восторженно настроенная Маруся, что мальчики поражены. Будь это Гема—другое дѣло. Гема готова „точить слезу“, по выраженію Валя, по пустякамъ каждую минуту. Но Маруся...

Валентинъ хочетъ поправить дѣло и отдѣлаться шуткой.

— Нѣтъ, положительно у васъ, дѣвочекъ, есть какой-то слезоточивый кранъ между носомъ и лбомъ. Вы готовы развести сырость во всякую погоду,—говоритъ онъ, обращаясь къ Марусѣ.—Уймись ты, пожалуйста! Будь хоть ты мужчиной и кубанскимъ казакомъ, и сохрани твои слезы для другого случая, перестань разливаться, точно рѣка, вышедшая изъ береговъ...

Слова Валя производятъ желательное дѣйствіе. Платокъ мигомъ отлетаетъ въ сторону на полъ отъ заплаканнаго лица. За нимъ въ сторону отъ окна отлетаетъ и Маруся.

— Мальчики, — говоритъ она, — поднимая руку

кверху,—мальчики, я знаю все, все про Даню. Знаю, гдѣ она... И если я лгу, свяжите меня и бросьте въ Куру...

* * *

Теперь она, Маруся, вся дрожитъ отъ охватившаго ее волненія. Сандро и Валь во всѣ глаза смотрятъ на нее. Потомъ Валь, съ серьезнымъ, сосредоточеннымъ видомъ, поворачивается къ Сандро и, повертѣвъ пальцемъ около своего лба, говоритъ съ неподражаемо-комическимъ выраженіемъ:

— Спятила! Это такъ же ясно, какъ то, что меня зовутъ Валентинъ!

Маруся смотритъ на него съ минуту, ничего не видя. Потомъ, какъ бы спохватившись, говоритъ быстро быстро:

— Узнала, ей Богу, узнала... Я и Гема сидѣли въ зеленой саклѣ и шили къ предстоящему спектаклю костюмъ. И Моро былъ съ нами. . Потомъ Моро и Гема вышли на обрывъ смотрѣть на Куру... А я осталась... Сначала все было тихо... потомъ вдругъ что-то какъ заскребется... я думала—мыши... Вышла въ переднюю комнатку... Встала за дверью, гляжу и вижу — часть стѣны отодвинулась немножко, образуя проходъ... Проходъ внизъ, въ землю... Я никогда и не подозрѣвала... И вышли Селта и Селимъ... Они о чемъ-то оживленно разсуждали... Селта сердилась... Селимъ точно молилъ

о чемъ-то. Слушаю... Селта говоритъ: — „Скучно здѣсь... Все уроки да нотаціи... „Другъ“ сердится на лѣнь. Учиться заставляетъ... Счастливая эта Даня... Живетъ вѣрно припѣваючи у тетки Леилы-Фатьмы, забавляетъ игрою ея гостей... Досадно, что не я на ея мѣстѣ. Не уѣхать ли мнѣ въ Кабарду?.. Выйду за богатаго бея замужъ. Буду рядиться, какъ куколка, кушать цѣлый день сласти и шербеты... А потомъ въ Питеръ уѣду. Блистать буду при дворѣ царя... Съ богатствомъ все можно“. А Селимъ, чуть не плача, молитъ. „А я какъ же безъ тебя, Селта?.. Возьми и меня“. А она-то: „Куда я съ такой курицей дѣнусь?.. Ты и сейчасъ, говоритъ, распустилъ нюни“. А онъ, Селимъ то есть, отвѣчаетъ: „Я-то курица? А кто по одному твоему слову сплавилъ отсюда Даню и передалъ Леилѣ-Фатьмѣ?..“ А она...—Но тутъ уже я не слушала больше... Шасть изъ сакли и сюда... Прямо къ вамъ подъ окошко. Вотъ вамъ и Селта! Вотъ вамъ и Селимъ! И Даня гдѣ, теперь мы знаемъ! Сейчасъ бѣгу все разсказать „другу“ и тетѣ Людѣ.

И Маруся рванулась впередъ всей своей небольшой, но сильной фигуркой.

Внезапно желѣзная рука Сандро сжала ея руку, какъ въ тискахъ.

— Ни съ мѣста! Или ты не знаешь, дѣвочка, что горячность портитъ дѣло?.. Слушай меня и запомни хорошенько: узнать немного—не значитъ узнать все... Ты сдѣлала уже порядочно... Надо довести до конца.

Сила, училъ насъ „другъ“, править руками, разумъ—головой... Ты выйдешь, какъ ни въ чемъ не бывало къ ужину и будешь молчать... Молчать до времени, пока тебѣ не скажетъ твой разумъ... пока я не появлюсь здѣсь около тебя. А сейчасъ... Сейчасъ я долженъ идти...

— Куда? День на исходѣ... Дождикъ... Въ такую погоду куда ты пойдешь, Сандро? Куда?

Валь и Маруся широко-раскрытыми глазами глядятъ на грузина.

Тотъ, по своему обыкновенію, сильно встряхиваетъ плечами.

— Я ѣду къ Агѣ-Кериму... Онъ мудрѣйшій и смѣлѣйшій изъ людей, которыхъ я знаю... Я поскачу къ нему въ горы и скажу: „Ага! Ступай къ „другу“. Вмѣстѣ вы обсудите дѣло, вмѣстѣ придумаете, какъ возможно найти Даню...“ Вотъ что я скажу и привезу его сюда...

— Но Кура въ разливѣ. Ты не попадешь на ту сторону, въ горы,—волнуясь говоритъ Маруся.—Не вернешься къ ужину, наконецъ.

— Кто это сказалъ?

Фраза эта срывается такъ гордо и неподражаемо-независимо съ губъ мальчика, что Валь не можетъ не хлопнуть его по плечу въ знакъ своего одобренія.

— Экій ты молодчинище, Сандро! Честное слово, право, молодецъ!

Эти слова нагоняютъ Донадзе уже у порога. Въ дверяхъ онъ останавливается на мигъ.

— Помни же, ни слова о слышанномъ никому, пока я не вернусь.

Черезъ нѣсколько мгновеній онъ уже на конюшнѣ.

— Другъ мнѣ ты или недругъ, Аршакъ?—спрашиваетъ онъ молодого, девятнадцатилѣтняго конюха, брата Моро.

— Зачѣмъ пытаешь меня, батоно? Или не знаешь, что послѣ княжны ты первый у меня!

— Спасибо, товарищъ... Вѣрь Сандро, онъ тебя не обманетъ. Дай самаго быстраго, самаго лихого коня, безъ разрѣшенія княжны.

—. Эльбруса?

— Давай его... Взнуздай скорѣе. Мнѣ надо вернуться къ ночи...

— Въ такую бурю ты ѣдешь! Въ такой дождь! Гляди, размыло дорогу.

— Пустое, пріятель... Авось вынесетъ добрый конь.

— Тогда съ Богомъ, и да хранитъ тебя святая Нина!

* * *

Дождь льетъ, не переставая. Въ горахъ слышатся глухіе перекаты грома, предвѣстники дальней грозы. Въ буркѣ и башлыкѣ, завязанномъ наглухо, такъ что только одни глаза черными огнями свѣтятъ изъ-подъ

сукна, Сандро выходитъ изъ воротъ, ведя на поводу коня... Только бы не встрѣтить дядьку Михако по дорогѣ... Тогда пропало все...

Эльбрусъ на поводу передвигаетъ чуткими ушами, вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ, танцуетъ на мѣстѣ, чуя, очевидно, инстинктомъ дальній, далеко не безопасный путь...

Отойдя шаговъ двадцать отъ дома, Сандро ловко вскакиваетъ въ сѣдло. Этотъ Эльбрусъ не тотъ, что былъ раньше. Сандро сумѣлъ обуздать его, усмирить его дикость, подчинить своей волѣ. Не даромъ онъ объѣздилъ съ нимъ всѣ прилегающія къ Курѣ низины и ближнія окрестности горъ. Но сегодня Эльбрусъ снова неспокоенъ. Ревъ Куры пугаетъ нервнаго. порывистаго коня, раскаты грома страшатъ гнѣдого кабардинца.

Кура!.. Ея бѣлыя волны нынче снова расходились... Бунтуютъ онѣ и клокочутъ, разлившись по низменной сторонѣ береговъ.

— Айда! Айда!—гикаетъ Сандро, сжимая крутые бока Эльбруса.

Но послѣдній, съ налившимися кровью глазами, пятится назадъ, раздувая ноздри, и хрипитъ.

Тогда внезапное отчаяніе рѣшимости овладѣваетъ юношей.

— Аршакъ, сюда!—зоветъ онъ конюха.—Бери Эльбруса обратно, бери бурку. Ему не проплыть Куры.

И сдавъ конюху то и другое, лихо однимъ духомъ сбѣгаетъ внизъ къ водѣ.

— Батоно! Батоно! Что ты хочешь дѣлать?!—вскрикиваетъ Аршакъ.

Но уже поздно. Стройная, точно изъ стали выточенная, фигурка въ черкескѣ, съ тонкой таліей, перетянутой кушакомъ, находится уже въ самомъ низу.

Взмахъ руки и Сандро борется съ волнами.

Переправы нѣтъ на ту сторону. Объѣзжать кругомъ—такая даль, а нынче же надо поспѣть къ Ага-Кериму и привести его сюда.

На утесѣ въ саду стоятъ Валь и Маруся.

— О, зачѣмъ мы его пустили? Зачѣмъ не помѣшали ему?—лепечетъ дѣвочка, слѣдя глазами за плывущей по волнамъ фигурой.

— Вотъ дурочка! Не думаешь ли ты, что Сандро такъ глупъ, чтобы утонуть?.. Гляди, волны перекидываютъ его съ одной на другую... Какой молодецъ! Гляди, онъ уже скоро на томъ берегу...

Валь правъ. Сандро почти у цѣли. Онъ борется съ волнами, работая руками съ поразительной быстротой, и весь мокрый онъ выскакиваетъ изъ воды. Онъ считается въ Гори лучшимъ пловцомъ. Спасибо князю Андро и „другу“, что воспитали въ немъ душу и тѣло, закаливъ ихъ въ безстрашіи передъ всякой бѣдой...

Отъ Джаваховскаго гнѣзда до горной усадьбы Ага-Керима верстъ восемь.

Бекъ Керимъ Джамало „отстроился“ близко отъ Гори въ сосѣдствѣ, въ горахъ.

Только бы добѣжать туда. А тамъ Ага-Керимъ прикажетъ запрячь коней и обратный путь—пустое.

Ноги Сандро быстры, какъ у молодого оленя. Онъ летитъ стрѣлою по узкой тропинкѣ, вьющейся между скалъ... Точно крылья выросли у него за спиною, точно высшая сила подгоняетъ его... „Быстрѣе, быстрѣе, Сандро!“—подбодряетъ самъ себя мальчикъ... Тропинка извучивается, тянется лентой, опять пропадаетъ... Раскаты грома теперь слышнѣй. Дождь стихъ... Зато кровянисто-желтыя змѣи-молніи разрѣзаютъ огненными жалами добрую половину небесъ...

Ноги Сандро скользятъ по мокрой скалистой почвѣ... Зудъ усталости растетъ у колѣнъ... Отдохнуть бы, присѣсть... Но нѣтъ, нѣтъ! Какъ можно! Нѣтъ времени для отдыха... Скорѣе. скорѣе надо выяснить истину. Надо развѣять тоску „друга“, дать милой, любимой княжнѣ облегченно вздохнуть...

Все выше уходитъ вдаль тропинка... Все быстрѣе, стремительнѣе шагаетъ по ней юный грузинъ... Теперь уже онъ не слышитъ грома, не видитъ молніи... Вдали мелькаетъ ограда... Это усадьба, выстроенная по образцу грузинскихъ, усадьба Ага-Керима...

— Стопъ, Сандро, стопъ!

Мальчикъ останавливается перевести дыханіе... Его мокрая одежда липнетъ къ тѣлу... Ноги подкашиваются отъ усталости и дрожатъ... Но голова его свѣтла и мыслитъ здраво, какъ будто переправа вплавь по Курѣ и

бѣшеная скачка по горамъ остались тамъ далеко позади, въ прошломъ...

* * *

Ага-Керимъ только что приготовился уснуть на тахтѣ, какъ передъ нимъ предстала Гуль-Гуль.

— Пришелъ грузинскій мальчикъ изъ гнѣзда джанымъ-Нины, хочетъ говорить съ тобой, повелитель.

И за нею въ дверь просунувшееся, блѣдное отъ усталости лицо и черные добрые, блестящіе глаза.

— Это ты, Сандро? Входи, входи, мой соколъ. Всегда рады гостямъ въ саклѣ Керима, а такому гостю подавно.

Улыбка, дѣлающая очаровательнымъ суровое лицо красавца бека Джамала, летитъ навстрѣчу Сандро. Ястребиные глаза ласково оглядываютъ его.

— Но что съ тобою, соколенокъ? Ты мокръ, какъ рыба. Скорѣе, скорѣе дай ему мой бешметъ и чевяки, Гуль-Гуль, да разогрѣй хинкала на ужинъ... Нѣтъ ли баранины отъ обѣда?.. И вина... вина, что хранимъ для русскихъ гостей, подай сюда, Гуль-Гуль.

Сандро усталъ какъ загнанная лошадь. Но у него есть еще силы улыбаться гостепріимнымъ хозяевамъ, благодарить.

Черезъ полчаса обсушенный, въ бешметѣ Ага-Керима, который виситъ на немъ какъ на вѣшалкѣ и волочится въ видѣ шлейфа сзади, сидитъ онъ у дымящагося очага, ѣстъ, пьетъ и разсказываетъ, все что узналъ отъ Маруси.

О пропажѣ Дани Ага-Керимъ уже знаетъ. Онъ ревностно помогалъ всѣмъ „джаваховскимъ“ искать ее въ горахъ. Но новыя открытія цѣнны. Надо только обдумать планъ, какъ поступить умнѣе. Надо провѣрить насколько вѣрно то, что пропавшая дѣвочка въ Совьемъ духанѣ.

Ага-Керимъ бекъ Джамала сидитъ нѣсколько мгновеній задумавшись.

— Какъ думаетъ объ этомъ подруга и жена моя Гуль-Гуль? Могла бы сдѣлать это ея сестра Леила-Фатьма?—спрашиваетъ онъ, внезапно устремляя на молодую женщину пытливый взглядъ.

Вопреки обычаю горцевъ, Ага-Керимъ всегда совѣтуется съ женою, которую любитъ нѣжно и глубоко всѣми силами своей могучей души, своего смѣлаго благороднаго сердца.

Гуль-Гуль склоняетъ голову, потомъ поднимаетъ глаза на мужа.

— Леила-Фатьма любитъ деньги и не задумывается долго надъ тѣмъ, какъ ихъ пріобрѣсти,—смущенная за старшую сестру отвѣчаетъ она.

— Ты права, какъ и всегда, моя голубка... Значитъ эта русская дѣвушка находится вѣроятно еще въ усадьбѣ Мешедзе... Надо тотчасъ скакать къ княжнѣ Нинѣ, узнать истину и найти способъ, съ помощью Аллаха, какъ выручить несчастную... Леила-Фатьма не такъ проста, чтобы выпустить изъ рукъ такую плѣнницу. Ну, Сандро, ѣдемъ·

Ага-Керимъ кивнулъ головою. Сандро вскочилъ на ноги, готовый бѣжать на край свѣта по первому приказу молодого горца.

— Эй, Сафоръ, сѣдлай намъ коней!

Слуга бросается исполнять повелѣніе своего господина. Ага-Керимъ заряжаетъ револьверы. Одинъ себѣ на дорогу, на всякій случай, другой—передаетъ Гуль-Гуль.

— До завтра не жди, звѣзда моя... Слышишь? И да будетъ тебѣ это охраной!

— Такъ, повелитель.

Черная головка красавицы склоняется покорно. Потомъ вдругъ вскидываются испуганно глаза ея на лицо мужа.

— Кура въ разливѣ... Берегись... Кони могутъ унести въ пучину, Аллахъ очей моихъ. Но какъ ты, юноша, добрался сюда? — обращаетъ она изумленный взглядъ на Сандро.

— Какъ? Очень просто: переплылъ рѣку вплавь, безъ коня,—говоритъ онъ, скромно опустивъ голову.

Въ глазахъ Ага-Керима скользитъ что-то быстрое, какъ бѣгъ молній, потомъ въ нихъ загораются два лучистыя солнца, яркія, полныя свѣта и тепла.

— Молодецъ! — говоритъ онъ взволнованнымъ голосомъ,—я горжусь, что ты другъ мнѣ, Сандро!..

V.

ВЕСЬ „питомникъ“ Нины въ сборѣ, въ рабочей комнатѣ. Послѣ ужина сюда каждый вечеръ собираются читать. Нѣтъ только Сандро. Но всѣмъ извѣстна любовь юноши къ лошадямъ. Должно быть помогаетъ ихъ убирать на ночь своему пріятелю Аршаку.

Люда сидитъ въ центрѣ стола. Передъ нею томикъ Гоголя. Читаетъ нынче его „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“.

Гема пріютилась подлѣ Люды, уронила ей на колѣни свою темную головку и машинально наматываетъ себѣ на пальцы черныя кольца кудрей.

Съ тѣхъ поръ какъ нѣтъ Дани, хрупкая, нѣжная Гема льнетъ къ тетѣ Людѣ и, какъ осиротѣвшая птичка. жмется подъ ея крыло. Мечты Гемы разбиты. О, какъ прочно запала ей въ душу красивая, милая дѣвочка, умѣющая извлекать изъ арфы такія чудесныя пѣсни! Ея игра олицетворяла для Гемы и колыбельную пѣснь матери въ дѣтствѣ, и робкія первыя мечты о заоблачной феѣ, счастіе въ отрочествѣ... Ее такъ горячо, со всѣмъ пыломъ восточной души, какъ родную сестру, полюбила Гема...А она?.. Она, Даня, даже не обратила вниманія на

нее. Она такая гордая, властолюбивая, избалованная,— настоящая царевна изъ сказки...

Маруся тоже думаетъ о Данѣ, слушаетъ мягкій бархатистый голосъ тети Люды, и въ сердце крѣпкой здоровьемъ и сильной душой и тѣломъ дѣвочки вливается увѣренность: „Теперь они ее найдутъ. Да, найдутъ. Ага-Керимъ, мудрѣйшій изъ людей, сумѣетъ помочь „другу". Только бы не погибъ въ горахъ Сандро, этотъ отважный, отчаянный Сандро, для котораго буря, гроза и обвалы одинъ пустой звукъ".

Селтонетъ слушаетъ чтеніе съ захватывающимъ интересомъ. Румянцемъ пышетъ ея разгорѣвшееся лицо. Вѣдьмы, утопленницы, блѣдная панночка, Украйна съ ея таинственной, словно заколдованной природой... Ахъ, какъ тамъ хорошо! Когда она будетъ богата, будетъ женою какого-нибудь знатнаго бея, она поѣдетъ туда, купитъ хуторъ, будетъ важной барыней на зависть всѣмъ, самымъ знатнымъ...

— Гляди, гляди,—подталкивая Селима подъ локоть, шепчетъ Валь, — гляди на Селту... Она настоящая вѣдьма, та самая, что гонялась за панночкой въ майскую ночь...

Селимъ вздрагиваетъ, глядитъ растерянно, ничего не понимая, глядитъ на Валя съ думой о Селтонетъ.

Селтонетъ!..

Для Селима Селта все, весь міръ, родина, Кабарда... Воспоминанія дѣтства—и она, Селта, его сестра по пле-

мени... Отроческія проказы—и живая, быстрая, ловкая, какъ серна, Селтонетъ... Первая юность, тихія задушевныя бесѣды о родинѣ и снова она... Вся жизнь Селима тѣсно связана съ Селтой. Лучшій другъ и сестра она ему, Селиму. Онъ—джигитъ, кабардинецъ. Женщина для джигита—ничто. Это раба, служанка, рабочая сила въ домѣ. Но для него, Селима, Селта не то... Какую-то странную власть имѣетъ она надъ нимъ.

Правда, она старше, умнѣе. Она умѣетъ зажечь въ немъ отвагу, толкнуть его на любой подвигъ. Она уже толкнула его. Онъ помогъ Леилѣ-Фатьмѣ увезти Даню. Онъ совершилъ нечестный поступокъ. Его совѣсть говоритъ ему объ этомъ весь этотъ мѣсяцъ. И все ради нея, Селтонетъ. А она? Она приняла это отъ него какъ должное и не видитъ его мученій... О, какъ онъ страдаетъ! Особенно по ночамъ, когда остается одинъ на одинъ со своими мыслями. Ему безконечно мучительно видѣть горе „друга“, тети Люды, Гемы, всѣхъ... И потомъ, что такое Леила-Фатьма? Сейчасъ, слушая повѣсти русскаго писателя-поэта, онъ, Селимъ, представляетъ себѣ типъ Леилы-Фатьмы въ видѣ вѣдьмы, колдуньи, способной на все... Даня беззащитна въ ея рукахъ, тамъ, въ далекомъ Дагестанѣ... Она, Леила, можетъ въ минуту безумія убить даже дѣвочку... О!

При одной мысли объ этомъ кровь стынетъ въ жилахъ мальчика.

— Аллахъ всемогущій, спаси ее!..—мысленно повторяетъ онъ.—Спаси, не дай погибнуть!..

* * *

Кто-то подскакалъ къ воротамъ.

Тетя Люда опускаетъ книгу на колѣни.

„Другъ“ поднимаетъ свое понуро опущенное лицо.

— Можетъ быть привезли Даню?

Въ черномъ, мгновенно вспыхнувшемъ взорѣ Нины загорается надежда.

Старый Михако, слушавшій въ дальнемъ уголку комнаты чтеніе, встаетъ.

— Пойду узнать, княжна-ясочка,—говоритъ онъ.—Пойду узнать.

Но идти узнавать не приходится. Ржаніе коней уже на дворѣ, у дома. Слышенъ характерный кавказскій говоръ. Звучный, мужской голосъ отдаетъ приказаніе Аршаку провести коней. Потомъ легкіе, быстрые шаги двухъ паръ ногъ, обутыхъ въ мягкіе чевяки. Снова уже чуть слышно брошенныя фразы у самаго порога, и дверей широко распахивается настежь...

— Ага-Керимъ!—срывается съ губъ присутствующихъ однимъ общимъ хоромъ.

Да, это онъ, Ага-Керимъ. За нимъ Сандро.

— Привѣтъ мудрой и прекрасной хозяйкѣ! Благословеніе Аллаха да почіетъ надъ ея головой!—говоритъ бекъ Джамала, отдавая обычный поклонъ.

— Будь желаннымъ, дорогимъ гостемъ, храбрѣйшій изъ джигитовъ страны!

Дѣти почтительно встаютъ навстрѣчу Ага-Кериму. О его смѣлости и отвагѣ сложились цѣлыя легенды въ горахъ. Особеннымъ обаяніемъ, благодаря его фантастическому прошлому, окружена особа аги.

Но любезный, рыцарски обходительный постоянно со всѣми, въ этотъ разъ строгъ и неприступенъ Ага-Керимъ. Орлинымъ взоромъ обводитъ онъ кунацкую, останавливаетъ его на Нинѣ, хмуритъ черныя брови и, тряхнувъ головою, говоритъ:

— Прости, княжна, не съ добрыми вѣстями прискакалъ къ тебѣ нынче твой кунакъ... Приготовься услышать злую новость. Но будь тверда какъ клинокъ дамасской стали, княжна.

— Что хочешь ты сказать этимъ, ага?—замѣтно блѣднѣя, но твердымъ голосомъ спросила Нина.

— Не радость, не радость принесъ тебѣ кунакъ твой Керимъ... Слушай... Счастіе и горе — все въ волѣ Аллаха... Нынче... поутру... волны Куры выкинули на берегъ мертвое тѣло дѣвочки съ бѣлокурыми волосами... И съ нею вмѣстѣ золотой играющій инструментъ твоей дѣвочки-музыкантши,—ея арфу...

* * *

— А-а-а-а!!

Протяжный не то ревъ, не то вопль покрываетъ слова Керима пронзительной, рѣжущей нотой.

Тонкая фигурка Селима метнулась какъ молнія изъ-за стола... Мальчикъ бросился на середину комнаты, высоко подпрыгнулъ и изо всѣхъ силъ грохнулся о полъ... Отчаяніе, боль, смертельный ужасъ—все слилось воедино въ этомъ дикомъ воплѣ, страшномъ, какъ безуміе и кошмаръ...

Нина, Люда, мальчики, Ага-Керимъ, всѣ бросились къ нему.

— Селимъ! Селимъ! Что съ тобою?!

Тотъ же пронзительный вопль звучитъ снова вмѣсто отвѣта. Мальчикъ бьется на коврахъ горницы, весь—отчаяніе и смертельный ужасъ тоски.

Изъ противоположнаго угла въ него впиваются испуганные на смерть глаза Селтонетъ. Она въ тревогѣ. Отъ этого глупаго мальчишки всего можно ожидать. Еще выдастъ ее, Селту, неровенъ часъ... Что дѣлать, если Аллаху захотѣлось взять къ себѣ Даню?... При чемъ тутъ она, Селта? А между тѣмъ Селимъ мечется и воетъ, какъ дикій звѣрь... И это джигитъ! Тряпка, баба, рева, а не кабардинецъ онъ, этотъ глупый, слабый Селимъ,—вихремъ проносится въ ея мысляхъ...

Нина первая находитъ въ себѣ силы остановить, пресѣчь этотъ ужасный вопль.

— Молчи, Селимъ!—говоритъ она строго,—перестань кричать! Встань!..

Ея голосъ звучитъ повелительно, строго. Этому голосу не подчиниться нельзя. Но Селимъ все еще бьется

головой о полъ. Все его тонкое, гибкое тѣло извивается и дрожитъ. Два года воспитанія, тщательной полировки, всѣ труды Нины, Андро и Люды, направленныя къ тому, чтобы „передѣлать“, исправить молоденькаго кабардинца, кажется, пропали даромъ. Въ немъ снова проснулся прежній дикарь.

Видя, что слова ея не помогаютъ, Нина Бекъ-Израилъ быстро наклоняется надъ извивающимся въ припадкѣ отчаянія мальчикомъ.

— Селимъ, тебѣ говорю я, встань!

И сильнымъ мужскимъ движеніемъ обхвативъ плечи мальчика, она поднимаетъ его съ пола.

Блѣдное, перекошенное страданіемъ, лицо Селима выглядитъ жалкимъ и несчастнымъ. Глаза упорно избѣгаютъ глазъ княжны.

Дѣти потрясены и ужасной новостью, и этимъ видомъ. Страшная догадка бродитъ въ ихъ головахъ.

Прижавшись къ груди Люды, рыдаетъ Гема.

Маруся, безъ тѣни обычнаго румянца на лицѣ, замерла, какъ статуя, и ждетъ.

Полный непобѣдимой воли, снова звучитъ голосъ Нины:

— Говори все, что знаешь, Селимъ!

Она беретъ его за голову обѣими руками, поднимаетъ кверху его лицо, заглядываетъ въ глаза.

— Помни, мальчикъ,—говоритъ она голосомъ, полнымъ горечи,—тебя слушаетъ твой Аллахъ на небѣ...

Ложь противна въ устахъ каждаго... Такъ училъ тебя мулла... Говори, что знаешь ты о... ней... мертвой...

— Мертвой? Такъ это правда, что она умерла?!— вскрикиваетъ Селимъ безумнымъ крикомъ.

— Она умерла! Это я... я убилъ ее!.. Я, одинъ я!.. Я во всемъ виновенъ!.. Я причина ея смерти!..

Онъ бросается на колѣни, простираетъ кверху руки и срывающимся голосомъ продолжаетъ:

— О! развѣ Селимъ зналъ, что все такъ ужасно кончится съ нею?.. Нѣтъ! Нѣтъ! Клянусь небомъ родной Кабарды, что нѣтъ!.. Селиму хотѣлось только избавиться отъ нея... Ему было обидно, досадно, что она лучше всѣхъ здѣшнихъ, что она, какъ гурія, какъ царица... И вотъ я отдалъ ее Леилѣ-Фатьмѣ... Обманомъ отдалъ... Та ей посулила знатность, славу, богатство... О!.. Аллахъ! Развѣ я зналъ, что Леила лжетъ... что она хочетъ убить ее и бросить въ Куру...

Онъ замолкаетъ мгновенно. Слезы обильными ручьями текутъ по его щекамъ. Селимъ плачетъ. Впервые въ жизни плачетъ бѣдный мальчикъ.

И все же, въ припадкѣ отчаянія, онъ ни однимъ словомъ не выдаетъ свою подругу. Селта должна быть въ сторонѣ, иначе онъ не кабардинецъ. Трусовъ и предателей у нихъ въ племени нѣтъ.

И весь онъ, какъ молодой тополь въ бурю, дрожитъ при одной мысли, что могутъ какъ-нибудь узнать правду о Селтонетъ.

— Ты сказалъ мнѣ всю истину, Селимъ?

Взоръ Нины — взоръ орлицы. Отъ него никуда не скроешься, не убѣжишь.

— Какъ передъ Аллахомъ, „другъ“! Какъ передъ Аллахомъ!

— Если позвать муллу изъ мечети и принести коранъ, ты поклянешься на коранѣ, что ты одинъ виною всему, Селимъ?

— Я поклянусь на коранѣ,—опуская черные глаза, отвѣчаетъ дрогнувшимъ голосомъ Селимъ.

— О, не клянись! Не клянись! Не лги! Не ты, а она... Селта... всему виною!.. Я слышала все. Я все знаю.

И волнуясь, трепеща всѣмъ тѣломъ, какъ раненая птица, Маруся бросается впередъ.

— „Другъ“, тетя Люда, бекъ Джамала, братья и сестры, онъ не хочетъ выдать Селту... Онъ клевещетъ на себя... Онъ выгораживаетъ Селтонетъ... Я слышала все, я все знаю!—кричитъ она внѣ себя, изступленно и тутъ же рвется, летитъ сбивчивая исповѣдь изъ устъ юной казачки, тотъ вечеръ въ зеленой саклѣ, бесѣда Селима и Селтонетъ, и истинная причина Данинаго исчезновенія...—Валь и Сандро подтвердятъ это.. Подтвердятъ! — заканчиваетъ она свое пылкое признаніе, сжимая рукою горло, чтобы не расплакаться навзрыдъ.

— Селтонетъ!

Всѣ глаза направляются на дѣвушку. Она блѣдна какъ смерть, но глаза ея по обыкновенію, темны и непроницаемы. Губы, бѣлыя какъ известь, силятся вызвать что-то похожее на улыбку. Жалкій видъ. Жалкая улыбка.

— Подойди сюда, Селтонетъ,—говоритъ Нина.

Безшумно движется татарка.

— Селтонетъ, зачѣмъ ты сдѣлала это?

Это уже не голосъ Нины, а чей-то другой, мягкій и грустный—голосъ тети Люды.

— Селтонетъ, у тебя была маленькая сестра въ дѣтствѣ... Ты, я знаю, ее очень любила... Если бы съ нею, съ хорошенькой слабенькой Зарой, сдѣлали то же изъ зависти злые люди, что бы почувствовала ты?..

И дальше, дальше звучитъ голосъ тети Люды. Все жалобнѣе и мучительнѣе развертывается въ немъ волна страданій, волна горя, жалости и тоски. Самыя больныя струны разрываетъ она въ душѣ дикарки Селты. А руки гладятъ черную голову Селтонетъ, обнимаютъ ея плечи, прижимаютъ къ себѣ. Кроткое лицо „общей тети“ печально. Слезы текутъ изъ ея глазъ.

Всѣ замерли въ комнатѣ, слушая этотъ голосъ, вливающійся помимо воли въ юныя души.

— Зачѣмъ, Селта? Зачѣмъ? Подумай, что чувствуетъ твоя мать, твой отецъ въ раю у Аллаха. И маленькая сестренка, которую взялъ отъ тебя ангелъ

Израилъ. Могутъ ли они гордиться поступкомъ ихъ Селты? Дитя! Дитя! Какой злой духъ вселилъ въ тебя эти мысли?!

Сначала Селтонетъ слушаетъ, упрямо наклонивъ голову, стиснувъ брови, закусивъ губы зубами. Раскаяніе давно шевелится въ ея груди, но показать его людямъ... Нѣтъ! Ни за что не рѣшится на это Селтонетъ. Но чѣмъ дальше говоритъ тетя Люда, тѣмъ мучительнѣе становится въ душѣ Селтонетъ... Выплываетъ дѣтство... ласки матери... сестренка Зара, такая же нѣжная, хрупкая и бѣлокурая, какъ та... умершая...

— Умершая!

Словно молотомъ ударяетъ по сердцу Селты. „Умершая изъ-за тебя!.. Ты убила ее!“

Словно горячій родникъ вливается въ душу дѣвушки и заливаетъ ее. Стыдъ, боль, жгучее раскаяніе, муки — все смѣшивается сразу, сливается въ одно сплошное клокочущее море ощущеній.

— О, я заплатила бы жизнью, лишь бы воскресить ее!..—вырывается изъ самыхъ глубокихъ нѣдръ сердца Селтонетъ! И, съ потрясающимъ душу рыданіемъ, она падаетъ въ объятія тети Люды.

Молчаніе, долгое, продолжительное слѣдуетъ за этими словами.

Нина, Люда, дѣти стоятъ, понурясь... Сандро вдали отъ другихъ. Подлѣ Сандро Ага-Керимъ. По его лицу бродитъ неопредѣленная улыбка... Еще молчаніе... Длительная пауза... И онъ выступаетъ впередъ.

— Утрите ваши слезы, — говоритъ ага твердо, — пусть ангелъ печали отлетитъ отъ вашихъ сердецъ... Дѣвочка жива... Кура не выбрасывала ея трупа... Керимъ-бекъ-Джамалъ слукавилъ, сказавъ неправду, чтобы узнать истинныхъ виновниковъ исчезновенія русской дѣвушки... Теперь, когда все ясно, какъ небо востока, теперь мы, клянусь вѣщей страницей корана, мы должны ее найти!..

* * *

Еще задолго до восхода, съ самаго ранняго утра, поднялась необычайная суматоха въ домѣ. Джавахов-ское гнѣздо закипѣло всѣми фибрами своей обычно замкнутой, тихой жизни. Всю ночь поддерживали огонь на кухнѣ, и Моро, разбуженная съ вечера, пекла чуваши и лоби на дорогу, жарила куръ, баранину, укладывала провизію въ корзины и курдюки.

Ага-Керимъ успѣлъ снова переплыть Куру на своемъ горномъ красавцѣ-конѣ, сдѣлать необходимыя распоряженія въ домѣ, предупредить жену и вернуться обратно въ Гори.

Онъ, княжна Нина и Сандро съ восходомъ солнца должны пуститься въ дальнюю дорогу. Въ родной сердцу Нины аулъ Бестуди ѣдутъ всѣ трое, ѣдутъ выручать Даню изъ рукъ полубезумной старухи.

Этотъ путь, вопреки удобствамъ, будетъ совершенъ верхомъ весь съ начала до конца. Кто знаетъ, можетъ статься, въ горахъ они нападутъ на вѣрный слѣдъ Дани.

Всю ночь никто не ложился въ Джаваховскомъ гнѣздѣ—ни взрослые, ни дѣти.

Съ первыми признаками разсвѣта Нина Бекъ-Израилъ, одѣтая по-мужски для верховой скачки, въ бешметѣ, шароварахъ и буркѣ прошла на Горійское кладбище на могилу князя Георгія Джаваха.

Кура перестала бунтовать, утомленная безконечнымъ своимъ клокотаніемъ. Снова наладилъ свой паромъ Амедъ, снова возобновилась переправа.

На родной могилѣ, сплошь заросшей кустами розъ, въ небольшой часовнѣ-склепѣ княжна Нина молилась:

— Господи! Дай мнѣ силы! Дай мнѣ силы и мудрость вернуть несчастнаго ребенка къ себѣ!.. Дорогой мой папа, помолись за меня объ этомъ!

Легкій шорохъ за плечами прервалъ ее на полусловѣ... Оглянулась быстро—за нею Селимъ. Лицо безъ кровинки, губы судорожно сомкнуты.

— „Другъ“, возьми съ собою Селима! Возьми въ горы Селима, „другъ“!.. Клянусь, Селимъ сумѣетъ загладить свой проступокъ, — вырывается изъ глубины сердца мальчика.

Нина молчитъ, не глядя на него, раздумываетъ мгновеніе, потомъ поднимаетъ глаза, кладетъ руку на его бритую голову. Мысли вихремъ проносятся въ ея головѣ:

„Оставить его здѣсь—значитъ снова дать ему подпасть подъ вліяніе Селты. А Богъ вѣсть, искренно ли

исправится теперь дѣвочка, ошеломленная всею низостью своего поступка. Съ другой стороны, Селимъ—не Сандро: слишкомъ юнъ, не опытенъ и слишкомъ горячъ. Пожалуй, можетъ испортить все дѣло. А впрочемъ, она и Ага-Керимъ не пустятъ его ни на минуту съ глазъ".

Не долго длятся ея колебанія.

— Хорошо, мальчикъ, ты ѣдешь.

— О!

Въ первую минуту Селимъ замираетъ отъ восторга, захлебывается отъ наплыва чувствъ, потомъ какъ бѣшеный бросается къ Нинѣ, хватаетъ ея руку и цѣлуетъ, цѣлуетъ безъ конца. На глазахъ его замѣтны слезы—слезы радости.

— О, солнце мое! Благодарю тебя отъ сердца!

Въ домѣ Гема трогательно прощается съ Сандро.

— Берегись, мой голубь, чаръ Леилы-Фатьмы. Она колдунья, Сандро. Да, колдунья, милый мой братъ...

— Стыдись говорить такія глупости, сестренка,— смѣясь улыбается тотъ, покачивая головою, серьезной и умной.

Но Гема не стыдится. Она снимаетъ съ шеи образокъ святой Нины и вѣшаетъ брату на грудь.

— „Она" сохранитъ тебя, Сандро, милый, заря очей моихъ.

И нѣжно со слезами цѣлуетъ брата.

Селтонетъ—сама не своя. За одну ночь она исху-

дала и выглядитъ больною. Синевой окружены ея черные глаза. Она не глядитъ ни на кого и жмется къ тетѣ Людѣ.

Маруся, лихорадочно помогавшая все время Моро, то и дѣло подбѣгаетъ къ ней.

— Полно, утѣшься, Селта! Все къ лучшему... Видишь, духъ гордыни и зависти умираетъ въ тебѣ...

Нина долго прощается съ остающимися.

— Слушайтесь тети Люды, дѣти... Занимайтесь, думайте объ урокахъ...

— Мы будемъ молиться за васъ...

Это говоритъ Гема, поднимая на „друга“ свой кроткій взоръ.

— Моя нѣжная, милая крошка! — цѣлуя дѣвочку, растроганно шепчетъ Нина. Потомъ снова принимаетъ свой энергично-дѣловой видъ.

— Князю Андрею поклонъ...—говоритъ Нина.—Подробно разскажите... разскажите ему все и скажите, что безъ дѣвочки не вернемся. Мы ее найдемъ...Жаль, что онъ не можетъ ѣхать съ нами. Въ полку начались маневры.

— Маруся!—подзываетъ она дѣвочку.

— Что, „другъ“?

— Ты и Гема, — понижая голосъ, говоритъ снова Нина,—какъ можно лучше относитесь къ Селтѣ. Помните, раскаяніе уничтожаетъ полвины. Старайтесь вліять на нее. Читайте, разговаривайте съ нею. Я на васъ надѣюсь.

— А на меня развѣ не надѣется „другъ“?—и Валь, успѣвшій подхватить послѣднія слова, выступаетъ впередъ.

— Какъ жаль, что ты не джигитъ, мой мальчикъ!—искреннимъ звукомъ сожалѣнія срывается съ губъ Нины Бекъ-Израилъ.—Какъ жаль, что ты не можешь проводить дни и ночи въ сѣдлѣ!

— Это оттого, что судьба предпочла сдѣлать меня ученымъ,—не задумываясь, отвѣчаетъ Валь.

Всѣ смѣются, несмотря на всю торжественность минуты.

— Ну, съ именемъ Аллаха, въ путь!—скомандовалъ Ага-Керимъ, первый вскакивая на спину своего лихого коня, котораго держитъ Аршакъ.

— До свиданія, Люда! Валь остается тебѣ на помощь.

— Разумѣется, ты можешь быть спокойна, „другъ“. Моя мудрость осѣнитъ своими крыльями и оградитъ отъ всякаго зла питомникъ. Такъ, кажется, выражаются у васъ въ горахъ, Ага-Керимъ?

И опять взрывъ смѣха, не совсѣмъ безпечнаго, однако, покрываетъ слова Валентина.

Нина ласковымъ взоромъ обдаетъ его спокойное недѣтское лицо.

— О, милый, чуткій мальчикъ! Какъ онъ умѣетъ шуткой всегда скрасить тяжелую минуту.

Люда креститъ и цѣлуетъ Нину, Сандро. Даже Агу-Керима и Селима украдкой благословляетъ она.

— Возвращайтесь обратно съ Даней!.. Да скорѣе!..

— Оставайтесь съ миромъ. И да хранитъ васъ Богъ!

Лошади идутъ рысью прямо съ мѣста.

Всадники, какъ вылитые, сидятъ въ сѣдлѣ. Нина по-мужски, верхомъ на своемъ карабахѣ.

Селимъ, тоненькій, стройный, осаживаетъ коня и, вспыхнувъ всѣмъ лицомъ до краевъ папахи, до ворота бешмета, кричитъ по адресу Селтонетъ:

— Я не сержусь на тебя, Селта, нѣтъ! Аллахъ съ тобою!

VI.

Какая пытка!

Больше мѣсяца Даня переноситъ ее.

Теперь ей яснѣе чѣмъ когда либо, что ее обманули. Эта голубая комната-коробка, насыщенная одуряющимъ пряным ароматомъ, съ дымкомъ курильницъ, туманящимъ мозгъ, эти ежедневныя прогулки въ горы, подъ густой чадрою, подъ наблюденіемъ Гассана и его сыновей,—все это только теперь начинаетъ она понимать.

Даже въ аулъ ее не пускаютъ, оберегая, какъ плѣнницу. Она не смѣетъ никуда выйти безъ разрѣшенія Лейлы-Фатьмы. Но хуже всего эти непонятныя чары...

Раза три-четыре въ недѣлю наѣзжаютъ въ усадьбу дочери наиба, важные, знатные гости. Тогда Леила-Фатьма наряжаетъ ее въ тотъ же бѣлый, затканный серебромъ, балахонъ, крѣпко затягиваетъ на головѣ ея унизанную жемчугомъ повязку съ покрываломъ, насильно затемняетъ ея сознаніе какимъ-то странно, точно усыпляюще, дѣйствующимъ составомъ и загадочными чарами наводитъ на нее сонъ, подчиняя страшной, невѣдомой, давящей, какъ кошмаръ, чужой волѣ. Кто-то точно говоритъ въ такія минуты Данѣ:—„Дѣлай это!“ „Поступай такъ!“ И она дѣлаетъ и поступаетъ, хотя душа ея борется и тѣло тоже отъ нестерпимой усталости и муки. На этомъ тѣлѣ есть слѣды ранъ. Она чувствуетъ порою острую боль кинжала, вонзающагося въ мягкую часть руки. Но ни крикнуть, ни произнести слова у нея нѣтъ силы. Или она танцуетъ, танцуетъ почти надъ землею, едва касаясь ея ногами въ какомъ-то странномъ полуснѣ, при свѣтѣ красныхъ и желтыхъ огней, которые подерживаетъ Леила-Фатьма. Иногда она поетъ заунывныя восточныя пѣсни, которыхъ не слыхала и не знала раньше. Иногда видитъ странныя, таинственныя картины изъ прошлаго и будущаго посѣтителей-гостей и говоритъ ихъ имъ, склоняясь надъ гладкой поверхностью воды въ кувшинѣ, или надъ пепломъ, уложеннымъ мягкою горкою въ жерлѣ бухара...

И при этомъ какія муки, какія муки она переживаетъ!..

По вечерамъ, когда нѣтъ гостей въ домѣ, Леила-Фатьма ведетъ ее на утесъ. Гассанъ несетъ арфу за ними. И тутъ, стоя надъ бездной, разверзающейся у ея ногъ, Даня играетъ. Ея игру слышно далеко вокругъ. Но никто не смѣетъ подойти близко. Никто не видитъ ея хрупкой фигурки, укутанной съ головы до ногъ чадрой. Ночь и горы ревниво берегутъ ихъ тайны...

Горцы боятся, какъ проклятаго мѣста, усадьбы дочери наиба. Говорятъ, тамъ поселился шайтанъ. Эта музыка не восхищаетъ, а скорѣе пугаетъ бестудцевъ.

Леила-Фатьма колдунья. Люди чуждаются ея.

Даня играетъ въ присутствіи Гассана и своей новой владычицы. А подальше, у костра, три дидайца, еще лѣтомъ нанятые Леилой, стерегутъ барановъ и коней. Ихъ глаза хищно сверкаютъ изъ-подъ лохматыхъ папахъ, сдвинутыхъ на самыя брови и страшно слышать ихъ отрывистый говоръ.

Даня вздрагиваетъ каждый разъ, когда встрѣчается взоромъ со старшимъ изъ нихъ, Мамедомъ. Этотъ—по виду настоящій душманъ.

— Не бойся ихъ, роза, не бойся! Это добрые люди—слуги мои,—успокаиваетъ ее въ такія минуты Леила-Фатьма, подмѣчая ея испуганный взглядъ.

* * *

Стоя надъ бездной, Даня играетъ...

Цѣлую недѣлю шли дожди... Горные потоки, эти безконечные Койсу, получившіе свое прозвище по имени мѣстъ, пересѣкаемыхъ ими,—расширились, надулись, потемнѣли.

Съ клекотомъ носились сѣдые кавказскіе орлы. Полысѣла и сжалась какъ то листва на чинарахъ. Лѣтніе цвѣты уныло умерли въ котловинахъ. Отцвѣтали дикія розы и вѣяло тлѣніемъ отъ ихъ предсмертныхъ улыбокъ.

Леила-Фатьма ходила всю эту недѣлю съ веселымъ, радостнымъ лицомъ, точно въ праздникъ. Даня, напротивъ, осунулась, поблѣднѣла. Приходилось работать безъ устали послѣдніе дни. Все чаще и чаще наѣзжали посѣтители. Все чаще и чаще продѣлывала Леила-Фатьма надъ ней свои волшебства. Все рѣже и рѣже возникалъ между ними разговоръ о поѣздкѣ по Кавказу, по Персіи, по Россіи, въ Петербургъ.

И приливъ отчаянія все сильнѣе и сильнѣе овладѣвалъ Даней. Все ближе, роднѣе и заманчивѣе начинало казаться недавно пережитое прошлое, все ближе и дороже представлялось милое, ею самою покинутое, Джаваховское гнѣздо...

Сначала безсознательно, робко толкнулась эта мысль ей въ голову, потомъ ярче и опредѣленнѣе освѣтила она усталый, отуманенный мозгъ. Желанной и прекрасной показалась бы малѣйшая возможность вернуться. Но — увы! она понимала, что — Леила-Фатьма не такъ

легко согласится выпустить ее изъ своихъ цѣпкихъ рукъ...

* * *

Снова сумрачный, слезливый день начинающейся осени... Снова плачутъ подъ дымкой тумана горы... Изъ бездны, какъ сѣрые духи, ползутъ влажныя облака.

Тропинки въ ущельяхъ размыло. Утесы скользкою влажною грудью точатъ струящіяся слезы.

Окно въ саклѣ раскрыто настежь. Отдернутъ коверъ отъ дверей. На подушкахъ, брошенныхъ на коверъ, прикрытая буркой лежитъ Даня.

Усталостью скованы ея члены. Все тѣло ноетъ и болитъ. Вчера она опять, подчиненная чужой волѣ, развлекала Леилиныхъ гостей. О, какъ измучилась она! Какъ болитъ ея голова, грудь! Еще одинъ такой вечеръ, и она, кажется, сойдетъ съ ума. Нѣтъ! Нынче же надо прекратить все это. Нынче же скажетъ она Леилѣ-Фатьмѣ: „Довольно! Время не ждетъ. Или ѣхать концертировать съ арфой, или пусть отпуститъ ее обратно домой".

Домой!..

Это слово выдѣлилось случайно изъ вихря Даниныхъ мыслей. А между тѣмъ какъ правдиво оно! Если и любили гдѣ-либо ее, Даню, и жалѣли, и ласкали ее, такъ это тамъ, дома, въ гнѣздѣ...

Гема, тетя Люда, Маруся, Сандро и даже „та", непонятная ей, энергичная суровая дѣвушка, и та по-своему заботилась о ней...

Она, можетъ быть, была права. Надо много и долго учиться, чтобы имѣть возможность царить надъ людьми.

То, что заставляетъ продѣлывать ее Лейла-Фатьма, развѣ это искусство? Развѣ это дастъ славу Данѣ? Развѣ можетъ дать славу? Эта мысль такъ глубоко и цѣпко охватываетъ дѣвочку, что она почти не слышитъ приблизившихся къ ней шаговъ.

— О чемъ задумалась, моя роза? О чемъ, лазоревый цвѣтикъ не нашихъ полей?

Опять она, эта старуха, отравляющая Данѣ душу и мозгъ.

Острый, небывалый еще приливъ злобы охватываетъ дѣвочку. Вся дрожа, вскакиваетъ она съ подушки, вытягивается во весь ростъ, тонкая, пряменькая, какъ струнка.

— Что тебѣ надо отъ меня? Зачѣмъ ты пришла сюда? Зачѣмъ мучишь снова?

— Мучу тебя?—ломаный русскій языкъ татарки едва умѣетъ произносить слова.—Что ты, звѣзда души моей! Богатой, знатной хочетъ сдѣлать тебя Лейла-Фатьма... А ты—„мучишь“!.. Что ты! Что ты, бирюза моя!..

Эта льстивая рѣчь еще больше разжигаетъ сердце Дани. Она еле владѣетъ собой.

— Когда ты увезешь меня отсюда, изъ этой норы?— сильнымъ выкрикомъ бросаетъ она Фатьмѣ.

— Скоро, яхонтовая, скоро...

Глаза дочери наиба прыгаютъ, точно горящіе свѣтляки. Лукава и пронырлива ея улыбка.

Эта улыбка переполняетъ сразу чашу терпѣнія Дани.

— Ты лжешь!—вспыхиваетъ она и топаетъ ногою.— Ты лжешь, старуха! Ты никуда не повезешь меня!

Что то новое пробуждается въ лицѣ Леилы. Остатки прежняго величія озаряютъ его. Теперь уже сама она вспыхиваетъ въ свою очередь, не меньше Дани.

— Ты смѣешь кричать на дочь наиба!—грозно срываются съ ея губъ суровыя слова.

— Но дочь наиба лжетъ, какъ послѣдняя служанка!

Эта фраза вылетаетъ помимо воли изъ побѣлѣвшихъ отъ гнѣва губъ Дани.

Какъ ударъ кнута падаетъ она на Леилу-Фатьму.

— Жалкая дѣвчонка!—съ загорѣвшимся отъ гнѣва взоромъ и перекошеннымъ лицомъ кричитъ она,—жалкая, слабая русская дѣвчонка!.. Ни капли мудрости въ твоей головѣ!.. Развѣ можешь ты получить славу?.. Леила-Фатьма можетъ, а не ты... Но Леила-Фатьма не хочетъ заморить на смерть такую слабую курицу, какъ ты... Довольно ты для нея послужила... Послужи новому повелителю и мужу... Курбану-агѣ ты приглянулась, глупая овечка... Въ жены беретъ тебя Курбанъ-ага... Богатой будешь... Княгиней будешь... Бери, глупая, свое счастье... Обѣими руками бери... Стать женою знатнаго бея суждено тебѣ на роду, глупая, нищая дѣвчонка...

Въ первую минуту Даня плохо понимаетъ сказанное. Такъ дико, такъ невѣроятно-нелѣпо оно. Ей, почти дѣ-

вочкѣ, едва достигшей 16 лѣтъ, стать женою этого важнаго, напыщеннаго дикаго татарина изъ Кабарды, котораго она мелькомъ видѣла изъ-за своей занавѣски, въ вечеръ его посѣщенія, когда играла на арфѣ для него?!

Такъ вотъ оно что! Вотъ куда гнетъ Леила-Фатьма! За богатый калымъ продаетъ ее, Даню, русскую, христіанскую дѣвушку, въ жены мусульманскому бею! Такъ вотъ она какова, эта старуха, обѣщавшая наивной дѣвушкѣ славу!..

Гнѣвъ, ненависть, злоба, презрѣніе вспыхиваютъ въ оскорбленной душѣ Дани. Она дѣлаетъ шагъ къ Леилѣ-Фатьмѣ, порывисто закидываетъ голову и кричитъ ей въ самое лицо:

— Никогда! Слышишь ли: никогда въ мірѣ! Скорѣй умру, нежели это! Скорѣй умру!..

Потомъ порывистымъ движеніемъ оглядывается на дверь.

Что если броситься въ аулъ Бестуди? Бѣжать къ его старшинѣ, наибу, къ муллѣ, къ властямъ селенія, сказать все, просить защиты?.. Открыть козни Леилы-Фатьмы, упросить вернуть ее, Даню, въ Гори, домой!..

Въ аулѣ знаютъ Нину. Ея родители оттуда. Память о дѣдѣ ея, Хаджи-Магометѣ, величавомъ старикѣ, не умерла тамъ и понынѣ. Неужели не заступятся, не спасутъ?

Мысль, вихри мыслей кружатся въ головѣ Дани.

Да! д онечно! Такъ! Такъ!

Разсуждать нѣтъ ни времени, ни силы.

Леила-Фатьма стоитъ передъ ней, торжествующая, злая, безобразная, настоящая вѣдьма.

— Прочь съ дороги, старуха, прочь!..

Даня изо всей силы отталкиваетъ свою мучительницу и съ воплемъ бросается за дверь.

Чьи то сильныя руки хватаютъ ее за плечи. Передъ нею лицо Гассана. За нимъ лица его сыновей. И Леила-Фатьма снова передъ нею. Она что то говоритъ по-татарски, быстро, быстро, тыча пальцемъ въ Даню, злобно сверкая глазами, съ проступившей пѣной у рта. Гассанъ машетъ головою, снимаетъ поясъ, что то приказываетъ сыновьямъ. Тѣ бросаются къ Данѣ.

Минута—и она чувствуетъ себя связанной по рукамъ и ногамъ.

Черные глаза Леилы, съ разлившейся въ нихъ мглою, снова передъ лицомъ Дани и точно магнетизируютъ ее. Знакомое оцѣпенѣніе охватываетъ Даню.

Далекою, несбыточною, отвлеченною кажется ей ея мечта о возвратѣ въ Джаваховское гнѣздо...

Мысль притупляется... Мозгъ работаетъ вяло...

Все кончено для нея, Дани... Все!..

— Прощайте, „другъ“... тетя Люда... милая, милая Гема!.. Прощайте всѣ!..

VII.

ГЛУХАЯ полночь. Не видно ни зги. Сплошная черная мгла кутаетъ землю. И только тамъ, на дальнемъ фонѣ, сверкаютъ выпуклыя пятна золотыхъ рельефныхъ и прекрасныхъ звѣздъ, зажженныхъ самимъ Богомъ.

Четыре путника гуськомъ пробираются по узкой, повисшей надъ бездной, тропинкѣ ущелья. Звонко отбиваютъ каждый шагъ свой осторожные кони. На волю ихъ положились всадники, бросивъ поводья.

Наверху—небо, внизу—бездна, передъ ними невидимая змѣйка горной тропинки. Одинъ невѣрный шагъ, одно невѣрное движеніе лошади, и все пропало. Черныя бездны Дагестана умѣютъ свято хранить свои тайны, тайны смѣльчаковъ, нашедшихъ судьбу свою въ такія ночи на днѣ бездны, среди камней и скалъ...

Но горныя лошади—это хранители, оберегатели и добрые геніи ихъ хозяевъ... Горный конь такъ же остороженъ и чутокъ къ опасности, какъ и быстръ, легокъ и выносливъ въ пути! Не сброситъ, не уронитъ, не соскользнетъ въ бездну, не выдастъ: идетъ весь подобравшійся, упруго ступая по каменистому грунту тропы, только храпитъ, косясь въ темнотѣ на черную мглу обступившихъ его горъ и ущелій...

Но вотъ миновали трудно проходимое мѣсто. Шире становится предательская тропа. Дальше отступаетъ бездна. Теперь уже мелкіе камешки, выскакивающіе изъ-подъ копытъ коней, не падаютъ въ нее, съ легкимъ звономъ срываясь съ утеса. Круче зато дѣлается подъемъ.

Тяжелѣе ступаютъ кони.

За поворотомъ утеса сверкаетъ звѣздочка, яркая, горючая. Это не небесная звѣзда. Это фонарь на верху мечети. Тотъ же маякъ для запоздалыхъ путниковъ горъ, что и на водной стихіи.

— Аулъ Бестуди... Добрались...

Нина Бекъ-Израилъ придерживаетъ ходъ своего Ворона, затягиваетъ поводья.

— Мальчики, устали?—выбрасываетъ она вмѣстѣ съ облегченнымъ вздохомъ изъ груди.

— Я охотно проѣхалъ бы еще столько, лишь бы найти Даню,—пылко восклицаетъ Селимъ.

— А ты, мой Сандро?

Сильный, энергичный голосъ грузина посылаетъ въ темноту:

— Подлѣ тебя, „другъ“, я не чувствую усталости...

— Тише, соколъ, не буди ночную тишь... Никто въ аулѣ не долженъ знать о пріѣздѣ нашемъ, необходимо хранить тайну, какъ можно дольше... А то дойдетъ слухъ до Совьяго гнѣзда, спугнетъ Леилу-Фатьму, и она

упрячетъ Даню въ такое мѣсто, гдѣ самъ шайтанъ не найдетъ ея...

Ага-Керимъ говоритъ шопотомъ, но каждое слово его слышно въ невозмутимой ночной тиши.

— Я бы предложила другое,—раздумчиво роняетъ Нина,—я бы завтра на зарѣ послала просьбу наибу собрать джамаятъ *). Пусть старѣйшіе аула рѣшатъ своею властью насильно вырвать дѣвочку у старухи...

— Но ты забываешь, княжна, что усадьба Леилы-Фатьмы неприкосновенна... Леила-Фатьма вѣдь сама дочь наиба, столько времени мудро правившаго Бестуди, и никто, въ память покойнаго князя Мешедзе не рѣшится оскорбить его дочь вторженіемъ въ ея саклю...

Ага-Керимъ говоритъ увѣренно и спокойно. И каждое слово его вѣско, какъ гиря.

— Ты правъ,—соглашается Нина.

— Звѣзда Гори забыла еще и то, что Леила-Фатьма предсказательница, и всѣ вѣрятъ здѣсь въ ея дружбу съ темной силой...

— Трусы!—презрительно срывается съ губъ Нины.

— Не оскорбляй своихъ одноплеменниковъ, княжна. Они храбрые джигиты, ты знаешь... Но съ чернымъ джиномъ шутки плохи, клянусь... Нѣтъ, нѣтъ, на джамаятъ не возлагай своихъ надеждъ, княжна. Тутъ надо дѣйство-

*) Совѣщаніе старшинъ.

вать иначе... Мысль послѣ заката—хорошая мысль, посланная пророкомъ... Еще лучше она на восходѣ, потому что ее посылаетъ Аллахъ вмѣстѣ съ лучами золотого свѣтила... Керимъ-бекъ-Джамала дастъ отдыхъ головѣ и тѣлу, а на зарѣ выскажетъ свое рѣшеніе.

— Ты правъ и здѣсь, ага. Спѣшимъ къ саклѣ!— бодро срывается съ губъ Нины, и она легонько пришпориваетъ коня.

Вороной съ мѣста далъ ходу. Теперь уже не было той непроницаемой мглы, сжимавшей ихъ всѣхъ въ своихъ объятіяхъ. Фонарь на верху мечети освѣщаетъ улицу; чѣмъ ближе къ нему, тѣмъ онъ опредѣленнѣе, ярче...

Вотъ и площадь майдана... Вотъ узкая главная уличка аула... Всюду висятъ темныя сакли на выступахъ и утесахъ горъ... Вотъ еще маленькій переулокъ.

— Пріѣхали! Стопъ!

Передъ ними, горскаго типа домикъ, буквально повисшій надъ стремниной. Это сакля давно умершаго Хаджи-Магомета, оставленная его внучкой, Ниной, за собою на случай ея пріѣздовъ въ аулъ. Разъ въ году она здѣсь бываетъ въ сопровожденіи слугъ или проводниковъ изъ Гори, открываетъ привезеннымъ съ собою ключомъ дверь, разводитъ огонь на очагѣ, спитъ на тахтѣ дѣда, думаетъ о любимомъ старикѣ, разговариваетъ съ его тѣнью, погружаясь въ воспоминанія.

Здѣсь, въ Бестуди, она отдыхаетъ нѣсколько дней отъ заботъ и тревогъ о питомникѣ, запасается новыми силами для предстоящихъ трудовъ. Но это еще не главная цѣль ея ежегодныхъ поѣздокъ. Аулъ Бестуди — ея родной аулъ. Здѣсь есть люди, нуждающіеся въ помощи ея, какъ человѣка. Къ ней приходятъ больные, извѣрившіеся въ искусство Дагестанскихъ знахарей и наѣзжающихъ сюда разныхъ врачей. Приходятъ и за житейскими совѣтами иногда жительницы аула и всѣ уходятъ, обласканныя, очарованныя ею.

Но нынче, въ эту поѣздку свою въ горы, Нина менѣе всего думаетъ о нихъ.

Даню пріѣхала она выручить сюда. Только за этимъ и пока не найдетъ дѣвочки, не уѣдетъ обратно домой...

* * *

Ключъ повернутъ въ висячемъ замкѣ сакли. Дверь растворяется съ жалобнымъ визгомъ. Чѣмъ-то нежилымъ, затхлымъ вѣетъ изъ внутренности домика...

Но и въ ней, въ этой затхлости давно необитаемаго помѣщенія таится родная, необъяснимая близость для нея, Нины.

Здѣсь жилъ, дышалъ и чувствовалъ дѣдушка Хаджи-Магометъ. Какъ въ молельню, входитъ она сюда, благоговѣйно, со сладкой, восторженно-нѣжной грустью.

Хотя сакля и необитаема, здѣсь все приноровлено для встрѣчи гостей. Дрова уложены на очагѣ, стоитъ лампа, спички лежатъ на столикѣ, въ шкапу коробки съ консервами, съ чуреками и лоби, а бутылки съ заграничнымъ, не киснущимъ виномъ зарыты въ земляномъ полу дальней горницы.

Чиркаетъ спичка, загорается фитиль и, точно по мановенію жезла доброй волшебницы, освѣщается сакля, ковры, диваны, европейская утварь, посуда, даже самоваръ,—самоваръ, привезенный сюда какъ-то лѣтъ пять тому назадъ еще дѣвочкой Ниной въ подарокъ дѣду.

Вмигъ загорается топливо на очагѣ.

— Садитесь. Я приготовлю вамъ чай, закуску. Селимъ, помоги мнѣ. Сбѣгай къ роднику за водою, здѣсь сейчасъ за утесомъ.

Кто бы узналъ теперь въ этой хлопотливой хозяйкѣ смѣлаго удалого путника, проѣхавшаго въ сѣдлѣ столько десятковъ верстъ изъ дальняго Гори!

Рукава мужского бешмета Нины засучены до локтей. Папаха сброшена съ головы. У нея одна забота въ эту минуту: накормить усталыхъ мальчиковъ, Агу-Керима.

Сандро на дворѣ разсѣдлываетъ коней. Слышно какъ проводитъ онъ ихъ по ближайшей улицѣ аула.

Потомъ закусываютъ, пьютъ чай.

Нина уступаетъ мужчинамъ кунацкую, а сама идетъ въ заднюю горницу, гдѣ когда-то жила весело и безмятежно ея красавица-мать.

Ага-Керимъ крѣпко сжимаетъ ея руку на прощанье.

— Спи сладко, любимица Аллаха!.. И да витаютъ золотые сны надъ твоей прекрасной головою...

— Спасибо, ага! Усни и ты... И ангелъ да принесетъ тебѣ мудрѣйшую изъ мыслей на восходѣ,—въ тонъ татарину отвѣчаетъ дѣвушка, соблюдая обычаи своей родины—платить любезностью за любезность.

* * *

Багрянцемъ и золотомъ облиты горы... Точно изъ бездны рождается солнце, обливая утесы пурпуровымъ отблескомъ жгучаго румянца... Звонче поютъ потоки... Сине-розовое утро плыветъ изъ высотъ... Чирикаютъ горныя пташки... Небо ясно и плѣнительно. Точно первые дни лѣта... Почти что жарко...

Ага-Керимъ, Нина и оба мальчика давно на ногахъ. Ихъ разбудилъ крикъ муллы съ минарета, по обыкновенію призывавшій правовѣрныхъ къ первому утреннему намазу.

Ага-Керимъ съ Селимомъ вышли на кровлю, разостлали бешметы, сдѣлали заповѣданное обычаемъ мусульманъ омовеніе и, повернувшись лицомъ къ востоку, упали на колѣни и прочли молитву.

Внизу молились Нина и Сандро. Потомъ наскоро позавтракали сыромъ, лавашами, чаемъ.

— Ты придумалъ что-либо, ага?—спросила, вни-

мательно взглянувъ на татарина, Нина. Селимъ и Сандро такъ и впились въ него глазами.

Онъ утвердительно кивнулъ головою.

— Пусть въ Бестуди не знаютъ о цѣли нашего пріѣзда... Пусть не видятъ, что и Ага-Керимъ здѣсь... Не то подумаютъ сразу:—зря Ага-Керимъ не заглянетъ сюда... Поэтому Керимъ одѣнется проводникомъ, слугою... Княжна и одинъ изъ соколятъ будутъ показываться на улицѣ, принимать гостей въ кунацкой... Другой соколенокъ проберется туда и, подъ видомъ нищаго мальчишки, пастуха, работника, наймется служить къ Леилѣ-Фатьмѣ... Пусть вызнаетъ все... И когда узнаетъ, Ага-Керимъ проникнетъ въ гнѣздо и вернетъ княжнѣ дѣвочку.

— Но, Керимъ, мы не справимся съ ними: насъ только четверо, а слугъ у Леилы немало, — проронила Нина.

— Аллахъ наградилъ Керима проворствомъ и ловкостью джайрана и лукавствомъ змѣи. Пусть не безпокоится княжна... О силѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Только бы хитрая сова Леила-Фатьма не пронюхала, что здѣсь находятся княжна и я.

— А кого же пошлемъ мы въ усадьбу?

Нина вслухъ произноситъ свою мысль.

Оба мальчика стоятъ передъ нею, оба смѣлые, ловкіе, рвущіеся помочь общему дѣлу всей душой. У обоихъ отвагой горятъ глаза.

Оба ждутъ повелѣнія „друга“, готовые ринуться въ „гнѣздо“ по одному ея слову. Ага-Керимъ смотритъ на нихъ тоже и, молча улыбаясь, поглаживаетъ бородку.

Смотритъ и Нина.

Оба ей одинаково дороги. Оба ея воспитанники, пріемные сыновья. Обоимъ чѣмъ-то неизъяснимо желаннымъ и прекраснымъ кажется „подвигъ“ проникновенія въ усадьбу, отыскиваніе Дани. Особенно Селиму, который чувствуетъ свою тяжелую вину и такъ хотѣлъ бы чѣмъ-нибудь исправить ее, загладить ее.

Но Нина знаетъ, что однимъ ложнымъ шагомъ можно испортить дѣло: здѣсь нужна не сила, а выдержка, терпѣніе. И обидѣть каждаго изъ мальчиковъ ей больно. Забраковать для дѣла не хочется ни одного..

Новая мысль быстрою молніей пронизываетъ ей голову. Тонкая улыбка змѣится по лицу. Она переводитъ глаза съ лица одного мальчика на лицо другого... Пусть рѣшитъ за нее судьба...

Пауза молчанія длится долго... Сандро потупилъ взоры... Селимъ весь дрожитъ, порываясь произнести что-то. Вдругъ, неожиданно, рѣзко, порывомъ, вырывается изъ груди его крикъ:

— Пошли меня, джанымъ, пошли меня!..

Нина отрицательно покачиваетъ головою.

— Не огорчайся,—говоритъ она ласково, кладя руку ему на плечо.—Ты еще не умѣешь терпѣливо ждать... Излишней скоростью ты можешь погубить дѣло... Ты

еще слишкомъ молодъ... Ты не смогъ выдержать терпѣливо искушенія, не могъ выждать моего рѣшенія и первый сталъ просить... Не годится это, дитя мое!.. Туда пойдетъ Сандро для общей пользы.

Глаза Селима мгновенно наполняются слезами.

— О, „другъ“, о, „другъ“!—лепечетъ онъ безсвязно, исполненный раскаянія и тоски.

— Не горюй, мой мальчикъ!.. И здѣсь тебѣ будетъ дѣло... И когда понадобится твоя помощь, повѣрь, Ага-Керимъ и я не оттолкнемъ ее, мальчикъ,—говоритъ спокойно Нина.

Ага-Керимъ долго смотритъ на Сандро и обращается къ нему:

— Подойди сюда, орленокъ!

О, за этого нечего бояться!.. Выдержанность, умъ, энергія, воля точно вырѣзаны великимъ рѣзцомъ скульптора на этомъ, еще такомъ юномъ лицѣ.

— Иди съ Аллахомъ! И помни: пять выстрѣловъ одинъ за другимъ на воздухъ изъ пистолета въ трудную или нужную минуту, и Ага-Керимъ будетъ подлѣ тебя,—протянувъ небольшой револьверъ мальчику, говоритъ онъ.

Нина медленно благословляетъ его, креститъ.

— Будь остороженъ, Сандро... Надѣюсь на тебя.

Глаза мальчика вспыхиваютъ молніей.

— О, „другъ“! Я исполню все, чтобы ты могла гордиться мною...

— Каждый вечеръ у утеса шайтана я буду ждать тебя. Ты будешь приносить туда свѣдѣнія, орленокъ,— снова наказываетъ Керимъ.

— Такъ, ага...

— А теперь переодѣнься. Съ нами взяты всякія нищенскія отрепья. Смотри, чтобы никто не узналъ тебя подъ ними.

— Леила-Фатьма никогда въ жизни не видала меня... Будь спокоенъ, „другъ“!

И мальчикъ съ быстротою вихря бросается переодѣваться.

Когда онъ появляется снова, его трудно узнать. Старый рваный бешметъ, шаровары въ лохмотьяхъ и такая же папаха; крѣпко, невидимымъ подъ рубахой поясомъ, притянутъ пистолетъ...

Нина смотритъ на своего воспитанника съ виду спокойно, но со смутной тревогой въ душѣ.

— Что если его ждетъ опасность?

Но тутъ же гонитъ эту мысль изъ головы. Ея Сандро сумѣетъ скрыться во-время изъ усадьбы Леилы. Онъ такой умный, смѣлый, такой находчивый во всякія минуты жизни. И потомъ Ага-Керимъ не выпуститъ его изъ глазъ—будетъ подлѣ, поблизости каждую минуту. Кромѣ того, она, сама Нина, подниметъ на ноги весь аулъ въ случаѣ опасности, разнесетъ усадьбу тетки Леилы-Фатьмы, но не дастъ случиться ничему дурному, не дастъ!

Грустно одно, что такъ осложняется дѣло. Лучше было бы, если бы она могла пойти прямо къ теткѣ и спросить:—„гдѣ Даня?“

Но этимъ значило бы испортить все...

Жаль, что Ага-Керимъ такъ хорошо извѣстенъ дочери наиба. Ага-Керимъ женатъ на ея сестрѣ Гуль-Гуль. А то бекъ Джамала вѣрнѣе бы исполнилъ порученіе, даваемое мальчику. Что дѣлать?.. Такова воля судебъ!

— Ступай же смѣло, мой мальчикъ! И да хранитъ тебя святая Нина!—говоритъ она, сжимая руку Сандро, и отпускаетъ его...

VIII.

Эй, кунаки, пустите-ка погрѣться у костра пастуха.

Три дидайца слышатъ веселый татарскій окрикъ.

Изъ полутьмы вырисовывается отрепанная фигура байгуша.

— Куда несетъ тебя Аллахъ, мальчишка? — освѣдомляется старшій изъ нихъ, Мамедъ, съ любопытствомъ поглядывая на пришельца.

У того только черные глаза поблескиваютъ въ тем-

нотѣ, да сверкаютъ въ улыбкѣ ослѣпительно бѣлые зубы. Лихо заломлено набекрень то, что въ давнія, лучшія времена, очевидно, носило названіе папахи: теперь это просто-попросту какіе-то грязные вихры, сомнительнаго вида отрепья, смѣшавшіяся на лбу съ черными блестящими кудрями мальчика.

— Эге, кунакъ, да я вижу, ты изъ веселыхъ!

Второй дидаецъ, Сафаръ, лѣниво поворачивается съ одного бока на другой.

— Будешь веселымъ—стеречь табуны не надо,— подхватываетъ ворчливо себѣ подъ носъ, третій, совсѣмъ еще молодой.

— Небось, даромъ стережете, а?..

Мальчишка-байгушъ корчитъ лукавую рожу.

— Вотъ дурней нашелъ за пазухой у шайтана!— глупо ухмыляется средній.—За полтора тумана на голову... Вотъ что, кунакъ!

— Ловко! Небось, у самого пророка въ раю такихъ цѣнъ не бываетъ,—восторгается вновь прибывшій.—И кто же это васъ ублажаетъ такъ, кунаки?

— Старуха одна, дочь наиба... Да что ты вчера родился, мальчишка, что про Леилу-Фатьму не слышалъ?

— Великъ Аллахъ, ее то мнѣ и надо!

— Зачѣмъ?

— Служить къ ней проситься хочу.

— Ты то? Ницій, оборванецъ?

— А что! Или нищіе волей Аллаха должны разучиться ѣсть хинколъ?

— Клянусь, у мальчугана языкъ остеръ, какъ лезвее кинжала... Видно, ему нечего терять... Ты кѣмъ же наняться хочешь въ усадьбу?—И старшій изъ дидайцевъ заглянулъ пришельцу въ лицо.

— Пѣвцомъ.

— Что?..

— Пѣвцомъ,—не сморгнувъ, отвѣчаетъ мальчикъ.—Давно слыхалъ я, что богатые беки и князья наѣзжаютъ къ вашей хозяйкѣ гадать прошлое и будущее, а чествовать важныхъ гостей пѣсней некому. Вотъ я и мыслилъ...

— Ты въ добрый часъ помыслилъ, мальчуганъ!—замѣтилъ Сафаръ.—Пѣсни—услада джигита. Особливо послѣ вкуснаго шашлыка. Только трудненько ихъ заучить.

— Мнѣ нечего заучивать. Я самъ слагаю сызмала пѣсни...

— Ты, куренокъ?

— Ты хотѣлъ сказать—орленокъ, старикъ?..

Стройная юношеская фигура выпрямляется съ гордостью.

— Но, но, потише!.. Не знаешь адата?.. Такъ не говорятъ старшимъ.

— Если старшіе не оскорбляютъ младшихъ,—не сморгнувъ, отвѣчаетъ байгушъ.

— Клянусь, у мальчишки языкъ, какъ вертелъ. По-

жалуй, онъ и сказочникъ, и пѣсенникъ хоть куда. А нука спой, кунакъ, а мы тебя послушаемъ охотно.

— Мои пѣсни такъ занятны и прекрасны, что, заслушавшись ихъ, вы, чего добраго, провороните стадо,— опять звучитъ у костра надменный отвѣтъ.

— Эге! Да ты важенъ, точно уздень... Такъ, потвоему выйдетъ мальчуганъ: отведемъ тебя къ хозяйкѣ завтра съ восходомъ. Авось, приметъ тебя,—смягчившись, подкупленный находчивостью юноши, говоритъ Мамедъ.—А пока, вотъ тебѣ потникъ, вотъ чурекъ. Ложись, ѣшь и спи до завтра.

— Вотъ за это храни васъ Аллахъ!..

* * *

Въ усадьбѣ Леилы-Фатьмы поселился лезгинскій юноша-байгушъ. Пока онъ не у дѣла. Старый Гассанъ взялъ его себѣ въ помощники. Убираетъ садъ, домъ, дворъ, таскаетъ воду съ Аминатъ, проѣзжаетъ коней съ Гассановыми сыновьями.

Мальчикъ исполняетъ все это быстро, ловко, охотно. Смѣтливый, юркій, странно только, что плохо говоритъ по-татарски. Оправдывается тѣмъ, что долгое время прожилъ съ дѣтства въ Тифлисѣ у армянина, продавца клинковъ.

— Потомъ уѣхалъ хозяинъ, а я остался безъ дѣла, вернулся въ горы, а языкъ свой и забылъ,—разсказывалъ онъ.

— Ну, хоть пѣть бы умѣлъ по-татарски.

— О, это могу, прикажи только, отецъ,—почтительно склоняя голову передъ Гассаномъ, говоритъ мальчикъ.

— Погоди, придетъ время. Соберутся гости въ саклѣ, тогда и споешь.

Тотъ только вздыхаетъ. Видно, хотѣлъ бы отличиться поскорѣй.

Когда всѣ ложатся спать и въ усадьбѣ воцаряется тишина ночи, мальчикъ-байгушъ кошкой прокрадывается вдоль забора, къ утесу шайтана, что въ десяти саженяхъ торчитъ отъ воротъ. И мгновенно клекотъ орла прорѣзываетъ тишину ночи.

Ему отвѣчаетъ лай дикой чекалки изъ лѣса. Это условный знакъ.

— Ага-Керимъ, ты?

— Сандро!

Двѣ фигуры появляются на утесѣ.

— Узналъ что-нибудь?

— Пока ничего, батоно. Будутъ на той недѣлѣ гости... Мнѣ обѣщанъ новый бешметъ. Выступлю въ кунацкой впервые. Тогда „ее“ увижу, навѣрно, а пока силюсь всячески узнать, здѣсь спрятали ее, или нѣтъ...

— Не спѣши, время терпитъ.

— А что подѣлываетъ „Другъ“?

— Шлетъ тебѣ привѣтъ. И Селимъ тоже. Не то-

ропись. Знаешь поговорку: „пустишь съ крутизны коня скоро, сломаешь ноги себѣ и ему“. Эту поговорку никогда не слѣдуетъ забывать.

— Ты правъ, ага.

— Завтра здѣсь же, у утеса?

— Такъ, господинъ.

— А пока храни тебя Аллахъ. Помни: пять выстрѣловъ изъ револьвера подъ рядъ въ трудную минуту, удалецъ!..

И Керимъ, потрепавъ по плечу мальчика, первый спускается съ утеса.

Сандро спѣшно возвращается назадъ...

* * *

Въ Совьемъ гнѣздѣ идетъ послѣдняя уборка каштановъ. Дидаецъ Али, глуповатый парнишка лѣтъ семнадцати, раскачиваетъ деревья. Сандро, въ своей рваной одеждѣ байгуша, подбираетъ плоды и кладетъ ихъ въ корзины.

Сандро уже четвертыя сутки проводитъ въ Совьемъ гнѣздѣ, а толку мало. О Данѣ ни слуху, ни духу. Какъ ни выглядываетъ ее всюду своими зоркими глазами юноша, о присутствіи Дани въ усадьбѣ нѣтъ и помину. Спросить же о ней здѣшнюю дворню нельзя. Поймутъ, донесутъ Леилѣ-Фатьмѣ, погубишь дѣло.

Единственный безопасный здѣсь человѣкъ — это Али. По глупости, Али ни за что не догадается, не расчухаетъ сути. Судьба, какъ нарочно, сталкиваетъ сегодня

Сандро съ Али. Гассанъ приказалъ собирать каштаны до захода солнца.

Это—дикіе каштаны, ѣсть ихъ нельзя, но Аминатъ умудряется приноравливать ихъ въ хозяйствѣ.

Али залѣзъ на верхушку и чувствуетъ себя тамъ падишахомъ, а въ это время Сандро томится внизу.

Что, если нѣтъ уже въ живыхъ Дани? Что, если эта безумная Леила убила ее?

Даня, капризная, своенравная, строптивая, могла поперечить старухѣ, и—кто знаетъ—дочь наиба, можетъ статься, давно уже успѣла расправиться съ нею.

Хуже всего эта неизвѣстность. Надо узнать во что бы то ни стало, теперь же, сейчасъ. Не каждый разъ приходится ему оставаться съ Али.

Сандро принимаетъ надменную позу, заламываетъ еще больше набекрень папаху и говоритъ:

— Эй ты, лупоглазый, влѣзъ на вышку, такъ думаешь, что самому шайтану братъ!

— Дидайцы всегда парятъ орлами въ небѣ, а я дидаецъ,—важно бросаетъ въ отвѣтъ съ глупой улыбкой Али.

— Ну и орелъ! Просто кошка, вскарабкавшаяся не на свое мѣсто.

— Ну-ну, потише, байгушъ!..

— Чего байгушъ! Я богаче турецкаго султана, потому что пою, какъ бюль-бюль весною на вѣткѣ. Въ

горлѣ у меня цѣлыя тысячи абазовъ, если ты хочешь знать,—дѣланно обижается Сандро.

— Ужъ скажешь тоже! Небось, золотая штука плѣнницы лучше. Та плачетъ какъ горленка весною. Вѣкъ не пропѣть тебѣ такъ...

— Какая штука? — притворясь не понимающимъ, лѣниво спрашиваетъ Сандро, въ то время какъ дрожь нетерпѣнія охватываетъ его.

Но Али понялъ, что проговорился, и поджимаетъ губы.

— Мало ли что! — говоритъ онъ безпечно, — много знать будешь—посѣдѣешь. Тутъ, братъ-кунакъ, „Совье гнѣздо“ и самъ шайтанъ играетъ на золотой штукѣ,— заканчиваетъ онъ, сердито вытирая полой рванаго бешмета ротъ.

— А плѣнница?

— Какая еще плѣнница тебѣ далась! Убирайся къ чернымъ джинамъ, мальчишка!

И цѣлый градъ каштановъ валится съ бѣшенымъ остервенѣніемъ на голову Сандро. Каштаны попадаютъ въ голову, бьютъ по лицу. Но Сандро не чувствуетъ боли, онъ счастливъ.

— Даня здѣсь! Даня здѣсь!—мысленно ликуетъ онъ, исполненный новыхъ надеждъ и радости.

Неожиданно чья-то рука опускается на плечо Сандро Онъ живо оборачивается всѣмъ тѣломъ. Передъ нимъ безобразная старуха въ богатыхъ яркихъ одеждахъ, смѣсь алаго съ желтымъ и голубымъ.

Она пристально смотритъ ему прямо въ глаза.

— Ты тотъ пѣвецъ-мальчишка, о которомъ говорилъ Гассанъ?

— Такъ, госпожа...

— Ты будешь нынче пѣть передъ моими гостями и разсказывать сказки. Знаешь ты сказки?

— Какія только тебѣ угодно, госпожа.

— То-то! Черезъ день прибудутъ гости... Курбанъ-ага и другіе... Приготовься... Хорошо исполнишь, что надо, награжу тебя, плохо — не гнѣвайся на Леилу-Фатьму — прогоню со двора...

IX.

НУ, что, надумалась, райская пташка?

Леила-Фатьма вырастаетъ точно изъ-подъ земли передъ Даней.

Дѣвочка лежитъ, безучастно вперивъ въ потолокъ тоскующіе глаза. У нея, какъ у узницы, связаны ноги. И вся она еще больше похудѣла и осунулась за эти дни.

— Опять ты здѣсь передо мною, Леила-Фатьма!

— Въ послѣдній разъ спрашиваю тебя—хочешь волей, по доброму, встрѣтить Курбанъ-агу, птичка? Хочешь быть вѣжливой съ твоимъ повелителемъ, какъ подобаетъ будущей княгинѣ?

— Опять!..

Глаза Дани вспыхиваютъ гнѣвомъ.

Леила-Фатьма только угрюмо трясетъ головою.

— Ай, и сурова же ты, дѣвушка! У насъ, въ Дагестанѣ, не даютъ нашимъ дочерямъ столько воли. Дѣло красавицы повиноваться родителямъ или тѣмъ, кто замѣнилъ ихъ ей.

— Уйди!

— Ой, помолчи, звѣздочка небесная, ой, не гнѣви старуху.

— Уйди! Уйди! Уйди!..

— Молчи или... раскаешься жестоко...

Леила-Фатьма въ два прыжка у ложа Дани, сжимаетъ до боли ея руки, наклоняется надъ ея лицомъ.

— Нынче вечеромъ будетъ здѣсь Курбанъ-ага... Три дня отдыхать останется со своими людьми въ усадьбѣ Фатьмы... Потомъ снова тронется въ путь... И тебя возьметъ съ собою, и Леилу-Фатьму... Свадьбу въ Кабардѣ справлять станемъ... Повеземъ тебя туда...

— Какую свадьбу? Что?!

— Или забыла?

Нѣтъ, не забыла Даня. Думала только, что это пустыя слова, шутки, что только запугиваетъ ее Леила-Фатьма. А теперь...

Невольный стонъ срывается съ ея губъ.

— Такъ это вѣрно!.. вѣрно!.. Леила-Фатьма, говори же!

— У нашего племени слова стоятъ серебра, они не дождевыя капли, чтобы разбрасывать ихъ по крышѣ. Запомни это разъ навсегда, — сердито шепчетъ дочь наиба.

Но Даня уже не слышитъ, что говоритъ ей ея мучительница. Черные глаза Фатьмы прожигаютъ ее насквозь. Знакомыя чары окружаютъ ее снова. Туманится разсудокъ, рвется нить мыслей, и не то сонъ, не то забытье овладѣваетъ Даней...

* * *

Сквозь этотъ сонъ смутно слышно движеніе на дворѣ, за стѣнами сакли, ржаніе коней, звуки многихъ голосовъ. Гассанъ съ сыновьями привѣтствуетъ Курбанъ-агу выстрѣлами изъ винтовокъ. Сама Леила-Фатьма выбѣгаетъ за ворота поддержать стремя его коня. Сегодня рѣшается ея судьба. Сегодня Курбанъ-ага привезъ богатый выкупъ.

Еще болѣе суровый и важный входитъ въ сопровожденіи своихъ друзей въ кунацкую Курбанъ-ага. Нынче бешметъ весь такъ и отливаетъ на немъ золотомъ, и одѣтъ онъ въ свой лучшій нарядъ. Нынче ѣдетъ онъ какъ женихъ на смотрины невѣсты.

О своемъ пріѣздѣ Курбанъ-ага предупредилъ. Прислалъ слугу съ дороги, чтобы Леила-Фатьма могла устроить настоящій пиръ.

О, она сумѣла отличиться на славу! Куски лучшей

баранины, обильно приправленной пряностями и чеснокомъ, появились передъ Курбанъ-агой и его гостями. Затѣмъ буза, питье, благословленное самимъ пророкомъ, домашнія сласти, засушенные плоды. Когда гости достаточно насытились, Леила-Фатьма три раза ударила въ ладоши. И, далеко отпахнувъ полу ковра, висѣвшаго надъ дверью, вошелъ Сандро.

— Этотъ юнецъ будетъ славить тебя, храбрѣйшій изъ витязей Кабарды,—произнесла Леила-Фатьма, склоняясь передъ беемъ чуть ли не до земли.

Леила-Фатьма приказала въ тотъ день какъ можно лучше нарядить Сандро. На немъ алый бешметъ, затканный позументомъ, шелковыя шаровары, папаха съ малиновымъ дномъ. За поясомъ—оружіе изъ оставшагося послѣ покойнаго наиба имущества.

Это уже не прежній рваный байгушъ, не нищій татаринъ.

Щеки Сандро горятъ. Глаза—не меньше.

Болтливый Али успѣлъ все-таки проговориться своему новому пріятелю о томъ, что спрятанная у хозяйки въ саклѣ дѣвушка—невѣста Курбана, что черезъ три дня Леила-Фатьма съ беемъ отправляются въ путь къ Кабардѣ, гдѣ и справятъ свадьбу князя съ русской.

— „Надо дѣйствовать не медля ни минуты“,—то и дѣло проносится вихремъ въ головѣ Сандро, узнавшаго эту вѣсть, и онъ ждетъ только вечера, чтобы встрѣтиться съ Ага-Керимомъ у шайтановой скалы.

— Славь доблесть лучшаго изъ джигитовъ, — улучивъ минуту, шепчетъ ему Леила-Фатьма, не успѣвшая еще получить съ Курбана вторую часть калыма за невѣсту.

— Знаю,—тряхнувъ головою, отвѣчаетъ Сандро и съ достоинствомъ настоящаго пѣвца выходитъ впередъ.

Сандро немного поэтъ. Онъ умѣетъ сочинять пѣсни, какъ сочиняютъ ихъ странствующіе пѣвцы. При этомъ онъ и хорошій пѣвецъ. Онъ знаетъ не одну пѣсню востока и пѣвалъ ихъ не разъ въ Джаваховскомъ гнѣздѣ. Частью онъ выучился этому отъ Селима, Селты и Амеда, своего пріятеля-перевозчика, и пѣвалъ ихъ своимъ красивымъ вибрирующимъ голоскомъ.

Опьяненные бузою и размякшіе отъ вкуснаго обѣда, гости, уже заранѣе подкупленные красивою, благородною внѣшностью мальчика, полны къ нему снисхожденія и симпатій.

Когда же юный, свѣжій голосъ Сандро началъ пѣсню,—и самъ бекъ, и его спутники замерли на своихъ мѣстахъ.

Сандро пѣлъ:

Много-много есть въ Кабардѣ славныхъ витязей лихихъ,
Но Курбанъ-ага могучѣй, всѣхъ знатнѣй, богаче ихъ.
Блещетъ роскошью Курбановъ домъ, что каменный дворецъ,

Есть на пастбищахъ немало у Курбанъ-аги овецъ,
Много быстрыхъ тонконогихъ у Курбанъ-аги коней,
Есть въ усадьбѣ у Курбана пять красавцевъ-сыновей.
Какъ войдутъ джигиты въ силу—станутъ лихо воевать,
Ставутъ княжеское имя выше, больше прославлять.
На Кабардѣ есть немало смѣлыхъ витязей лихихъ,
Но Курбанъ съ дѣтьми своими всѣхъ заткнетъ за поясъ ихъ...

Курбанъ-ага величаво наклоняетъ голову и съ мѣста благодаритъ пѣвца. По лицу его бродитъ улыбка.

— Да будетъ тебѣ счастье! Молю Аллаха послать благословеніе на твою чернокудрую голову, юноша... Твой голосъ сладокъ, какъ медъ у пчелы рая. Спой еще.

Сандро задумывается на мгновеніе.

Нелегкая задача пѣть, когда такъ плохо владѣешь языкомъ. Онъ помнитъ одно: надо постараться, сумѣть понравиться Курбану, получить возможность быть здѣсь на пиру и увидѣть Даню, убѣдиться въ томъ, что она жива, здорова, что ее можно спасти.

— Спой еще, олень дагестанскихъ горъ.

Сандро задумывается.

— Въ честь невѣсты твоей спою я теперь, Курбанъ-ага,—говоритъ онъ.

— Благодарю заранѣе, пѣвецъ.

Сандро затягиваетъ снова. Его голосъ растетъ и крѣпнетъ. И самъ онъ, исполненный надежды, точно растетъ и крѣпнетъ вмѣстѣ съ нимъ.

Въ богатой усадьбѣ наиба Мешедзе
У дочери Фатьмы-Леилы живетъ
Невѣста Курбана, красавица-дѣва,
Прекрасна, какъ гурія райскихъ высотъ;
Глаза ея черны, какъ ночь Дагестана,
Какъ солнце лучистыя косы ея...
Уста ея—розанъ душистый востока...
И взоръ ея полонъ лазурнаго дня...
Но взглянетъ на дѣву Горійскаго края,
На плѣнницу—дочь Карталинскихъ долинъ...

— Молчи, пѣвецъ! —неожиданно вскрикиваетъ, обрывая пѣсню Сандро, Леила-Фатьма.—Молчи!..

И тутъ же шопотомъ, замирая отъ ужаса, добавляетъ она:

— Откуда ты знаешь, что она изъ Карталиніи, изъ Гори?

Сандро усмѣхается одними уголками рта.

— Нѣтъ у насъ такого адата, чтобы прерывать пѣсню... Больше не услышишь ни звука... Вотъ!

Онъ скрещиваетъ на груди руки и съ надменнымъ выраженіемъ на лицѣ отходитъ въ сторону.

Курбанъ-ага медленно поднимается ему навстрѣчу. Глаза его горятъ. Лицо взволновано.

— У меня на родинѣ,—говоритъ онъ,—почитаютъ послѣ алимовъ больше всего пѣвцовъ... Сядь, юноша, рядомъ съ Курбанъ-агою. Тебѣ благословеніе и почетъ.

На востокѣ молодежь не смѣетъ сидѣть въ присутствіи старшихъ. Очевидно Сандро успѣлъ понра-

виться Курбану, угодить ему пѣснями, если онъ оказалъ ему такой почетъ.

— Благодарю, князь. Я зналъ твою храбрость, теперь буду знать и милость твою,—съ тонкой улыбкой срывается у Сандро, и онъ непринужденно опускается на подушку подлѣ почетнаго гостя Фатьмы.

Смуглое, морщинистое лицо Леилы-Фатьмы искажено гримасой.

— О, этотъ нищій байгушъ, мальчишка, подосланъ оттуда!.. Онъ знаетъ все!.. Надо предупредить появленіе Дани... Не пускать ее сюда, пока не поздно...

Но, увы, Леила-Фатьма забываетъ, что ею отданъ приказъ привести сюда Даню и что она сама уже успѣла усыпить дѣвочку и внушить ей, что надо. Поздно отступать.

Какъ бы въ подтвержденіе ея мыслей отпахивается чьей-то невидимой рукой коверъ отъ входа, и изъ внутренней горницы появляется Даня.

Крикъ ужаса готовъ вырваться изъ груди Сандро.

— Она!

Но, Боже великій, что они сдѣлали съ нею! Это блѣдное безъ кровинки лицо, эти глаза, смотрящіе и не видящіе! Эти неподвижныя, закаменѣлыя, какъ у старухи, черты!

— Даня! Даня! Бѣдная Даня!

Она безъ всякаго труда, скользя, едва касаясь пола, несетъ арфу.

И арфа, и сама она—точно призраки, легкіе призраки, что-то отвлеченное, далекое, чуждое земли...

Сердце Сандро обливается кровью отъ жалости при видѣ этой, почти отрѣшившейся отъ своей земной оболочки, Дани.

— О, Леила-Фатьма! О, гадкая, жадная, злая старуха, что ты сдѣлала съ нею?!..

Даня тихо, машинально устанавливаетъ арфу, исхудалыми блѣдными пальчиками перебираетъ струны, настраиваетъ инструментъ, потомъ играетъ.

Безъ слезъ нельзя слушать эту тоскующую по волѣ жалобу сердца. И во снѣ, въ забытьи, все тотъ же кошмаръ, все та же больная мечта... Мечта вернуться въ Гори, въ Нининъ питомникъ...

Арфа плачетъ... Арфа рыдаетъ кровавыми слезами... Это—стихія разрушенныхъ надеждъ, мучительное раскаяніе въ содѣянномъ, прощаніе со всѣми тѣми, къ кому стремится сердце.

Сандро стискиваетъ кулаки, закусываетъ губы зубами, чтобы не разрыдаться. Курбанъ-ага видимо волнуется не меньше. И его важную, сѣдѣющую голову покорила игра блѣдной дѣвушки...

Другіе гости сидятъ, сурово нахмурясь, потупя взоры, боясь выказать волнующія ихъ чувства.

Все печальнѣе, скорбнѣе становится арфа... Все мучительнѣе, острѣе проникаютъ въ души и сердца эти плачущія струны золотого лебедя изъ волшебной сказки.

Слабый румянецъ окрашиваетъ щеки Дани. Глаза ея пріобрѣтаютъ прежній блескъ. Ея мысль пробуждается, разбуженная собственной игрой.

Изъ свѣтло-синихъ звѣздъ катятся слезы. Или это не слезы, а росы, скатившіяся съ невѣдомыхъ голубыхъ цвѣтовъ?

— Другъ!.. тетя Люда!.. Гема!.. Сандро! Гдѣ вы?.. Не увидѣть, не встрѣтить мнѣ больше васъ!

— Я здѣсь! Я здѣсь, Даня! И спасу тебя во что бы то ни стало! Жди!—мгновенно проносится въ саклѣ дрожащій, взволнованный возгласъ.

Послѣдніе признаки забытья соскальзываютъ съ Дани. Ея глаза вспыхиваютъ, широко разливаются зрачки. Она обводитъ взоромъ горницу: незнакомыя или мало знакомыя суровыя лица... сумрачные глаза... взглядъ аги, притянутый къ ней, какъ магнитомъ... а рядомъ съ кабардинскимъ княземъ—милая широкоплечая фигура, перетянутая поясомъ, съ умнымъ, энергичнымъ лицомъ, полнымъ отваги, воли, обѣщанія.

— Сандро!—внѣ себя вскрикиваетъ Даня, взмахнувъ руками, выпускаетъ арфу и безъ чувствъ валится на коверъ.

* * *

— Держите его!.. Онъ —предатель!..

Леила-Фатьма съ проворствомъ дикой козы выскакиваетъ впередъ. Ея костлявый бронзовый палецъ ука-

зываетъ на Сандро. Ея глаза, горящіе какъ плошки, огромные, страшные глаза, пронизываютъ его насквозь.

— Хватайте его, джигиты! Это душманъ!

Сандро колеблется съ минуту. Рука его конвульсивно сжимаетъ рукоятку кинжала. Онъ весь на чеку.

Курбанъ-ага вскакиваетъ. Вскакиваютъ и другіе.

Леила-Фатьма внѣ себя.

— Держите его! держите!

Десятки рукъ протягиваются къ Сандро. На минуту онъ замираетъ. Хищно сверкаетъ его взоръ. Восточный дикарь, сынъ когда-то вольной Грузіи, пробуждается въ немъ. Ловкій прыжокъ, прыжокъ, которому позавидовали бы горные джайраны, и... онъ за дверью...

— Держите его! держите!—воплемъ несется за нимъ вдогонку крикъ Фатьмы.

Но уже поздно.

Сандро за порогомъ, быстро выхватываетъ онъ изъ-за пазухи револьверъ, данный ему Ага-Керимомъ, и стрѣляетъ пять разъ подъ рядъ на воздухъ.

Едва успѣваетъ прогремѣть пятый выстрѣлъ, какъ сильныя руки обезоруживаютъ его, кто-то бросаетъ его на землю, крутитъ ему локти за спину...

Передъ нимъ мелькаетъ злобное торжествующее лицо Леилы-Фатьмы.

— Что, попался, байгушъ, душманъ! Дай срокъ, раздѣлаемся съ тобою! — шипитъ она, захлебываясь, съ пѣной у рта.

— Держите его!.. Онъ—предатель!..

Потомъ хмурое лицо Курбанъ-аги склоняется надъ нимъ, исполненное гнѣва.

— Такъ-то, волченокъ! Вотъ ты какой пѣвецъ!

Сандро собираетъ всѣ свои силы, лицо его принимаетъ спокойное выраженіе, онъ улыбается и говоритъ тономъ искреннимъ, какъ у ребенка:

— Не гнѣвайся, князь... Даня — сестра моя. Я— братъ ея по крови... Мы оба изъ Грузіи... Леила-Фатьма украла сестру... Я хотѣлъ ее освободить изъ рукъ старухи... Я не зналъ, что ты, смѣлый, храбрый ага, выбралъ ее въ жены себѣ... Противъ этого я, братъ ея, ничего не имѣю. Больше даже: возьми и меня въ Кабарду, когда повезешь свою будущую княгиню, мою сестру... Я буду пѣть вамъ на свадебномъ пиру лучшія изъ моихъ пѣсенъ... Только объ одномъ прошу, ага: не разъединяй насъ съ нею... запри обоихъ... до времени... Я боюсь, что она умретъ отъ страха передъ старухой... Вели насъ запереть вмѣстѣ, вели, храб...

— Ты лжешь, мальчишка! Шайтанъ влилъ въ твой языкъ ядъ хитрости, какъ въ зубы змѣи!..—обрывая мальчика, вскрикиваетъ Леила-Фатьма.

Курбанъ-ага сурово взглядываетъ на нее.

— Молчи, женщина!.. Не тебѣ учить князя изъ Кабарды!.. Молчи и слушай!.. Запри обоихъ и приставь слугъ понадежнѣе, чтобы глазъ не спускали съ нихъ, слышишь... Синеокая гурія должна видѣть одну только радость въ Кабардѣ у аги... А присутствіе брата...

— Но онъ не братъ ей!

— Аллахъ разсудитъ это. А пока, вели помѣстить ихъ въ надежный уголокъ... Не выпускай ихъ изъ глазъ ни на минуту... Получишь сверхъ калыма еще немало, если сохранишь обоихъ для аги... На утро мы выѣзжаемъ,— закончилъ онъ тономъ, не допускающимъ возраженій.

Леилѣ-Фатьмѣ остается только повиноваться. Скрѣпя сердце, она соглашается, не смѣя протестовать.

Въ ея душѣ удвоивается злорадство.

— Гассанъ, Мамедъ, Сафаръ, берите обоихъ, несите ихъ въ голубую горницу... Да на запоръ ворота... И никого не пускать!

Слуги спѣшатъ исполнить приказаніе дочери наиба.

Самъ Курбанъ-ага осторожно поднимаетъ съ ковра Даню и передаетъ слугамъ. Тѣ несутъ бережно, почти благоговѣйно, будущую знатную кабардинскую княгиню. Другіе волокутъ Сандро слѣдомъ за нею. Леила-Фатьма замыкаетъ шествіе.

— О, я знаю уголокъ, куда самъ джинъ ночи не сможетъ проникнуть, — шепчетъ она себѣ подъ носъ, бросая взоры кругомъ.—Будь покоенъ, князь Курбанъ, будь покоенъ!..

* * *

Въ голубой комнатѣ царитъ полумракъ... Дымокъ на треножникахъ чуть синѣетъ...

Леила-Фатьма достаетъ изъ-за пазухи горсть какихъ-то куреній и швыряетъ ихъ на всѣ четыре треножника по четыремъ угламъ.

Пламя вспыхиваетъ ярче...

Острой, рѣжущей обоняніе, полоской тянется ароматъ... Свѣтлѣе становится въ комнатѣ... Леила-Фатьма быстрыми шагами подходитъ къ задней стѣнѣ, отдергиваетъ тафтяную занавѣску, наклоняется къ полу и шаритъ руками по карнизу стѣны.

— Вотъ они гдѣ будутъ до завтрашняго утра... Вотъ гдѣ,—шепчетъ она злорадно себѣ подъ носъ.

Медленно шурша растворяется какая-то дверца. Это потайная дверь, незамѣтно вдѣланная въ стѣну.

Небольшая, безъ признаковъ мебели, горенка представляется взорамъ Сандро. Ни одной тахты, ни ковровъ. Стоятъ только бутыли съ бузою, да свалены въ кучу туши копченой и соленой баранины и чурековъ.

— „Кладовая, — мгновенно проносится въ его мысляхъ.—Она же и карцеръ для насъ“.

Слуги собираются бросить Даню на старую баранью шкуру, которая разложена по полу.

— Принесите сюда ковры! — командуетъ Курбанъ-ага.

Слуги немедленно, молча, исполняютъ это приказаніе.

На коврѣ укладываютъ мягкія цыновки, шкуры козы и подушки поверхъ ковровъ. На нихъ осторожно опускаютъ Даню.

Сандро кладутъ прямо на полъ.

Леила-Фатьма садится на ларь, гдѣ сложены продукты, запасенные на зиму.

Ея лицо подергивается отъ бѣшенства, когда она встрѣчаетъ взоръ Сандро, со спокойнымъ недоброжелательствомъ направленный на нее.

Такъ бы кажется собственными руками и задушила этого мальчишку... О! этотъ хитрый, пронырливый грузинскій лисъ! Небось, соображаетъ старуха, не зря далъ онъ пять выстрѣловъ сряду. Въ Бестуди ждутъ его друзья. Это ясно, какъ день.

Но постойте, проклятыя урусскія змѣи! Не найти вамъ ни дѣвчонки, ни этого пѣтушонка, вздумавшаго вообразить себя горнымъ орломъ. Не найти вовѣки, волею шайтана! Дверца въ стѣнѣ голубой комнаты сдѣлана такъ искусно, что никому и въ голову не придетъ мысль объ ея существованіи.

Здѣсь, подъ поломъ, прячетъ свои деньги Леила. Тамъ, подъ половицею, ея сокровищница, тамъ зарыто все ея богатство. Ради него то они съ Гассаномъ и смастерили такъ искусно эту дверь.

Курбанъ-ага мгновенно прерываетъ мысли старухи.

— Ты отвѣтишь мнѣ за обоихъ—за сестру и брата. Чтобы ни одинъ волосъ не упалъ съ ихъ головы.

Его лицо сурово, рѣшительно. Въ Леилу-Фатьму бей Кабарды вѣритъ плохо. Не въ этой черной колдовской

душѣ искать честной и правдивой истины. Къ тому же она, какъ говорятъ, знается съ нечистымъ. Если онъ ѣздилъ сюда, то—пророкъ видитъ его мысли—только изъ желанія узнать свою долю. А этотъ юноша такъ прекрасно пѣлъ и еще лучше говорилъ. Смѣлъ же орленокъ, пришедшій въ гнѣздо вороновъ отбивать сестру. Пусть сыновья его, Курбана, научатся отъ этого юноши играть своею жизнью ради близкихъ. Онъ беретъ его завтра съ собою.

И исполненный рѣшимости, Курбанъ-ага выходитъ изъ горенки. За нимъ остальные. Сандро и безчувственная Даня остаются подъ надзоромъ Леилы-Фатьмы на всю ночь...

X.

САНДРО лежитъ, связанный по рукамъ и ногамъ. Его члены затекли. Его лицо повернуто въ сторону Леилы-Фатьмы. Та не сводитъ съ юнош и глазъ. Въ нихъ и жгучая ненависть, и злоба, и невыразимое бѣшенство безсилія.

— Проклятый предатель! Лукавый грузинъ!—шепчетъ она, потрясая передъ нимъ своими черными костлявыми кулаками.

Однако не смѣетъ тронуть его пальцемъ, помня завѣтъ Курбанъ-аги. Мальчикъ неприкосновененъ.

— Постой, голубь, постой, встрѣтимся не здѣсь, такъ въ Кабардѣ!—шепчетъ она, зловѣще погружая въ самую глубину глазъ юноши свои страшные глаза.

Но эти глаза, наводящіе дикое непонятное оцѣпенѣніе на душу Дани, лишающіе силъ и послѣдней воли слабую дѣвочку, ничто, для сильнаго энергичнаго юноши. Онъ только ухмыляется и спокойно говоритъ старухѣ:

— Лучше приведи Даню въ чувство... Она можетъ умереть...

Онъ правъ. Леила-Фатьма въ своемъ гнѣвѣ забыла о главномъ.

Обморокъ слишкомъ длителенъ для такой хрупкой натуры, какъ Даня. Надо во что бы то ни стало его пресѣчь.

Леила-Фатьма быстро сползаетъ съ ларя, на которомъ сидѣла, обхвативъ руками колѣни, пробирается къ небольшому кувшину, стоящему въ углу кладовой, и зачерпываетъ изъ него маленькой глиняной кружкой. Затѣмъ, подойдя къ безчувственной Данѣ, силой разжимаетъ ей зубы, вливаетъ содержимое кружки ей въ ротъ и, помочивъ край кисейнаго покрывала, обтираетъ имъ щеки дѣвочки, ея лобъ и виски. Сандро видитъ, какъ трепетно вздрагиваютъ рѣсницы Дани, какъ шевелятся губы ея. Сейчасъ она придетъ въ себя. Сейчасъ она увидитъ его, узнаетъ. Онъ дастъ ей понять, что надежда на спасеніе близка, рядомъ.

Онъ дѣлаетъ усиліе разорвать стягивающія его веревки, но увы!—онѣ слишкомъ крѣпки... Постарался для госпожи своей вѣрный Гассанъ!..

Легкій вздохъ вырывается изъ груди Дани. Раскрывается побѣлѣвшій ротикъ, силясь произнести чуть слышныя слова.

— Я здѣсь, Даня. Ничего не бойся. Я съ тобою...— кричитъ ей Сандро.

Зловѣщій хохотъ Фатьмы покрываетъ его слова. Снова душистая тряпка, вмигъ выхваченная старухой изъ кармана, падаетъ на лицо Дани, прежде нежели дѣвочка можетъ окончательно придти въ себя... А черные глаза Леилы какъ бы пронизываютъ ее насквозь.

— Спи, моя роза, спи! Проснешься на пути въ Кабарду завтра.

И ослабѣвшая дѣвочка погружается въ свое обычное сонное забытье...

* * *

Какъ длится эта ночь... Боже, какъ она безконечно длится!

Леила-Фатьма сидитъ попрежнему на своемъ ларѣ, обхвативъ колѣни, раскачиваясь изъ стороны въ сторону, и мурлычетъ пѣсню. Ея горящій взоръ неотступно прикованъ къ Сандро.

Этотъ взоръ, это монотонное мурлыканье и раска-

чиваніе, подобно маятнику, человѣческой фигуры,—все это невольно нагоняетъ сонъ... Въ головѣ Сандро носятся, борясь съ искусственно навѣваемой чужой волей дремотой, смутные обрывки мыслей.

Ночь идетъ... До разсвѣта уже недалеко... Или не услышаны его выстрѣлы въ Бестуди?.. Что же медлятъ „другъ“ Нина и Ага-Керимъ! Или судьба повернула имъ спину?.. Или участь Дани рѣшена?..

Чутко прислушивается къ тишинѣ внимательное ухо... За стѣнами сакли притаилась Дагестанская ночь. Фея тишины и мира обвѣяла ее своей лаской...

Тссс... Что это, однако?..

Топотъ коней, лязгъ подковъ о камень, смутный глухой говоръ и стукъ въ ворота.

— Они! Это они! — внѣ себя кружится вихремъ мысль Сандро.—Они! Они!

Онъ чуть поднимается съ пола.

— Они! Они!..

Новый стукъ въ ворота, уже болѣе сильный, энергичный, и вслѣдъ за тѣмъ—повелительный голосъ, который онъ, Сандро, узнаетъ изъ тысячи ему подобныхъ.

— Именемъ Аллаха, откройте, кунаки!

Леила-Фатьма вскакиваетъ, какъ безумная, стоитъ, потерянная, блѣдная, ничего не понимая.

Потомъ бросается къ Сандро.

— Что это? Ты знаешь, проклятый грузинъ?

— Конечно, знаю. Это они пришли за мною и Даней.

— Кто?

— Твоя племянница, Бекъ-Джамала, слуги, весь Бестуди должно быть... Иди же раскрой ворота. Встрѣчай гостей.

— Измѣнники!—не то воплемъ, не то стономъ срывается съ губъ старой Мешедзе.

— Такъ это правда, что ты предалъ меня? Но не радуйся, грузинскій куренекъ!.. Знай, прежде чѣмъ кто-либо проникнетъ сюда, Леила-Фатьма сумѣетъ сжечь саклю, тебя и ее...

И съ безумно сверкнувшимъ взоромъ она бросается за дверь...

— Открывайте, именемъ Аллаха!—это уже не голосъ Ага-Керима. Это наибъ селенія съ муллою стоятъ у воротъ.

Гассанъ и сыновья его, какъ на иголкахъ. Снять запоры съ воротъ, ослушаться хозяйки, значитъ прогнѣвить богатаго, знатнаго бея Курбанъ-агу. Не повиноваться—важный проступокъ передъ закономъ. Наибъ тотъ же представитель власти, старшина.

Три дидайца тоже въ раздумьи.

Они—бѣдные пастухи, байгуши, промышлявшіе прежде барантой. Теперь баранта имъ ни къ чему, съ тѣхъ поръ какъ есть теплое мѣстечко у нихъ въ усадьбѣ.

Но они знаютъ одно: противиться наибу нельзя, но нельзя также предать госпожу—Леилу-Фатьму.

— Именемъ Аллаха требую впустить насъ! — слышенъ голосъ муллы изъ Бестуди.

Гассанъ съ сильно бьющимся сердцемъ дѣлаетъ знакъ сыновьямъ. Тѣ своими тѣлами налегаютъ на запоръ.

— Нельзя васъ пускать! Не велѣно госпожей! Слышите, не велѣно!..

— Руби ворота!—слышенъ чей-то энергичный приказъ извнѣ.

Но три дидайца предупреждаютъ намѣреніе непрошеныхъ гостей. Съ быстротою дикихъ шакаловъ бросаются они на защитниковъ усадьбы, отбрасываютъ ихъ и, прежде чѣмъ тѣ успѣваютъ понять въ чемъ дѣло, широко распахиваютъ ворота...

* * *

Въ кунацкой сладкимъ сномъ спятъ гости Леилы-Фатьмы. На почетномъ мѣстѣ, среди шелковыхъ персидскихъ подушекъ, Курбанъ-ага. На деревянныхъ тахтахъ попроще и цыновкахъ—остальные.

Говоръ голосовъ и бряцаніе подковъ на дворѣ неожиданно будятъ всѣхъ.

Леила-Фатьма вбѣгаетъ въ горницу со скоростью молоденькой дѣвушки.

— Они за ними пріѣхали... Но не найдутъ ихъ здѣсь, клянусь Аллахомъ, клянусь Аллахомъ!

Она мечется по кунацкой, какъ безумная. Ея

глаза блуждаютъ. Сѣдыя космы выползли изъ-подъ чадры.

— Не найдутъ, не найдутъ, Курбанъ-ага! Будь спокоенъ!

Съ обычнымъ своимъ невозмутимымъ спокойствіемъ поднимается съ тахты Курбанъ-ага. Чьей-то предупредительной рукой зажигается свѣтъ въ кунацкой. Быстро вскакиваютъ со своихъ импровизированныхъ постелей друзья аги. Хватаются за оружіе спросонокъ. Но спокойный голосъ кабардинскаго князя призываетъ всѣхъ къ порядку.

— Должно быть, власти изъ Бестуди и родственники бѣлокурой гуріи... Но я внесъ уже половину выкупа за невѣсту! Отнять ее можетъ теперь одинъ Аллахъ... Пусть каждый изъ васъ скорѣе вырветъ свой языкъ, нежели заикнется о томъ, что она подъ этой кровлей. Или вы не кунаки князя Курбана изъ Кабарды...—сурово роняетъ онъ.

— Аллахъ надѣлилъ только женщинъ болтливостью, а мы—джигиты!—несется въ отвѣтъ чей-то увѣренный голосъ.

— Молчи, Махмедъ. Они здѣсь..

Сильнымъ движеніемъ отбрасывается конецъ ковра у двери.

На порогѣ кунацкой появляется первымъ Ага-Керимъ. Подлѣ него наибъ селенія и кое-кто изъ старшихъ жителей Бестуди, кого старому наибу удалось

собрать ночью и убѣдить ѣхать на выручку русскихъ дѣтей. И мулла съ ними, какъ охранитель правовѣрныхъ противъ черной силы.

За ними княжна Нина. Ловкая подвижная фигура Селима подлѣ нея. Взрослые заслонили мальчика, такъ что его не видно.

Но черные, горящіе, какъ уголья, глаза Селима такъ и рыскаютъ по саклѣ въ надеждѣ увидать Даню и Сандро.

Наибъ выступаетъ первый.

Ни жива, ни мертва является Леила-Фатьма передъ нимъ.

— Гдѣ дѣти изъ Гори? — спрашиваетъ ее сурово наибъ.

— Пусть Аллахъ сомкнетъ навѣки мои очи, если они у меня!—отвѣчаетъ старуха, блуждая глазами.

— Ты лжешь, колдунья! У насъ есть доказательства, что они у тебя!—срывается съ губъ Ага-Керима.

— Тетя, Леила-Фатьма, ради отца своего и моего дѣда наиба Мешедзе, скажи правду!—выступая впередъ, произноситъ княжна Нина.

Леила-Фатьма вздрагиваетъ, какъ подъ ударомъ хлыста.

— Нина Бекъ-Израилъ, дочь моего брата-уруса, христіанина, ты опять здѣсь?

— Ты знаешь, зачѣмъ я пришла. Отдай мнѣ Даню... Укажи, гдѣ Сандро, и мы оставимъ тебя въ покоѣ.

— Лжешь, уруска. Ты хочешь меня заманить въ зеленую саклю, чтобы мучить проклятыми снадобьями и лечить... Лжешь!

— Тетя, Леила-Фатьма, опомнись. Желала ли я тебѣ когда-нибудь зла?

Глаза старой татарки блуждаютъ по горницѣ. На губахъ показывается обычная пѣна. Знакомый припадокъ безумія охватываетъ ее.

— Женщина, веди насъ туда, гдѣ спрятаны дѣти,— приказываетъ наибъ.

Въ его голосѣ столько власти, что ослушаться его нельзя.

Но Леила-Фатьма угрюмо молчитъ.

Ея взоръ, взоръ загнанной волчицы, потупленъ.

— Ищите сами. Найдете, ваше счастье, — угрюмо срывается съ ея губъ.

— Идемъ...

Наибъ съ Ага-Керимомъ и Ниной идутъ впереди. Курбанъ-ага съ Леилой-Фатьмой—за ними. Незамѣтно проскальзываетъ между ними тоненькая фигурка Селима.

Остальные ждутъ въ кунацкой.

— Ищите, сакля вся на виду,—усмѣхается недобрымъ смѣшкомъ дочь наиба.

Первая горница — ея. Обставленная по восточному, небольшая, она сразу охватывается взоромъ.

Дальше голубая комната, тафтяная занавѣска, осы-

панныя звѣздами стѣны, полумѣсяцы, арфа въ углу, дымокъ курильницъ, вытягивающійся кверху, одуряющій ароматъ амбры, мускуса и еще чего-то.

— Это ея арфа! Она была здѣсь!

Нина Бекъ-Израилъ задыхается отъ радостнаго волненія. Ея бѣдная дѣвочка, ея сирота-питомица, ея несчастная взбалмошная головка была здѣсь...

Леила-Фатьма вздрагиваетъ отъ неожиданности.

— „Положительно Аминатъ съ Гассаномъ на старости выжили изъ ума: позабыли спрятать арфу и потушить куренья. Злые духи затмили ихъ разумъ“—думаетъ она и поднимаетъ на племянницу лицо, все искаженное судорогой.

— Ты права, дочь Израила, она была здѣсь...

— А теперь? — собравъ всѣ свои силы, находитъ возможность спросить Нина и, затаивъ дыханіе, ждетъ отвѣта.

— Вчера еще она отправилась въ Темиръ-Ханъ-Шуру.

— Зачѣмъ?

— Играть на арфѣ.

— Но арфа здѣсь. Ты лжешь снова!

— Какъ будто одна только и есть арфа на свѣтѣ!

Леила-Фатьма улыбается ехидно. Все равно, что ни говори, они не повѣрятъ ей.

Тамъ, за тафтяной занавѣской значится чуть замѣтная черточка. Если придавить ее пальцемъ, откроется

дверь, они, враги ея, увидятъ Даню и Сандро... Но,—великъ Аллахъ и всѣ силы неба и ада,—они далеки отъ истины и не замѣтятъ черты. Незамѣтно она переглядывается съ Курбаномъ-агой.—„Спасены", говоритъ этотъ взглядъ, злорадный и торжествующій въ одно и то же время.

Ага-Керимъ выступаетъ впередъ.

— Ты должна указать намъ, гдѣ дѣти, или поклясться на коранѣ, что они не здѣсь у тебя,—говоритъ онъ, сурово сдвигая брови.

— Ага-Керимъ! Не тебѣ учить Леилу-Фатьму. Ты обманомъ увезъ сестру ея Гуль-Гуль, ты былой горный душманъ, барантачъ, разбойникъ!—собравъ всю злость со дна своей души, бросаетъ Леила-Фатьма въ лицо горцу.

Тотъ блѣднѣетъ, какъ смерть. Затѣмъ лицо его вспыхиваетъ мгновенно.

— Благодари Аллаха, что ты женщина,—говоритъ онъ вѣско, отчеканивая каждое слово, — иначе за меня заговорилъ бы съ тобою мой кинжалъ.

— Вы видите, ихъ здѣсь нѣтъ,—спокойно роняетъ наибъ, поворачиваясь къ своимъ спутникамъ.—Должно быть, они въ другой зимней саклѣ. Веди насъ туда, Леила-Фатьма.

Чуть замѣтная радость торжества мелькаетъ, какъ зарница, на лицѣ старухи.

Кончено. Миновала опасность. Не догадаются они, ни за что, ни за что!

Превосходно владѣя собою, она говоритъ снова спокойно, ровно:

— Ступайте. Здѣсь, въ усадьбѣ наиба, нѣтъ тайны для честныхъ гостей.

И первая выходитъ изъ комнаты.

Теперь Курбанъ-ага идетъ послѣдній.

Важный, спокойный, ступаетъ онъ по коврамъ.

Вдругъ, какъ изъ-подъ земли, вырастаетъ передъ нимъ небольшая фигурка.

— Я вижу по наряду твоему, бей, что ты изъ Кабарды,—и восторженно сіяетъ передъ нимъ юное, почти дѣтское лицо.

Курбанъ-ага вздрагиваетъ отъ неожиданности. Какое лицо! Какое сходство!

— Кто ты, мальчикъ?—спрашиваетъ онъ, положивъ руку на плечо Селима.

— Я... — начинаетъ мальчикъ и мгновенно смолкаетъ, пораженный страннымъ выраженіемъ въ лицѣ аги.

Рука послѣдняго схватываетъ его за поясъ.

— Откуда у тебя, сынъ мой, этотъ кинжалъ?—спрашиваетъ ага.

— Онъ отъ отца мнѣ достался, отъ Али-Ахверды-Маюмы,—голосомъ, полнымъ достоинства, роняетъ Селимъ.

— Аги-Али-Ахверды? Моего кунака и спасителя!

Обычное спокойствіе и важность мгновенно слетаютъ съ лица Курбана.

Быстро мелькаетъ передъ нимъ давно пережитая картина молодости.

Онъ, богатый уздень, ѣдетъ въ глухую ночь въ горахъ... Онъ спѣшитъ къ себѣ въ усадьбу... Вдругъ свистъ... крики... выстрѣлы... и группа абрековъ, горныхъ душмановъ, прежде нежели онъ успѣваетъ опомниться, бросается на него... Его стаскиваютъ съ коня... Кинжалы сверкаютъ уже въ лучахъ мѣсяца надъ его головою... Дикія ожесточенныя лица разбойниковъ, чуждыя пощады, склоняются надъ нимъ...

Онъ прощается съ жизнью, съ молодыми женами и съ только что родившимся въ эту ночь у одной изъ нихъ, самой любимой, малюткою-сыномъ...

Онъ и ѣхалъ затѣмъ нынче такъ поздно ночью въ горы, чтобы позвать ближнихъ родичей на пиръ по случаю рожденія сынишки. Мысленно прощается онъ съ нимъ... Сейчасъ конецъ, смерть... Ударъ кинжала въ сердце, и сегодня же въ ночь приметъ его душу пророкъ... Вдругъ топотъ коня... Незнакомый всадникъ, вождь душмановъ, должно быть, полный власти надъ ними...

Къ нему направляетъ свои мольбы Курбанъ:

— Возьми все, что есть... Ничего не надо... Отпусти домой... Этою ночью Аллахъ даровалъ мнѣ сына...

Незнакомецъ долго смотритъ на него, размышляя. Потомъ говоритъ:

— У меня тоже нынче родился мальчикъ, Се-

лимомъ имя его нарекли... Во имя моей радости тебя отпускаю... Живи, ага. Прощай.

— А деньги? Возьми золото, джигитъ, за дарованную жизнь и счастье.

— Не надо... Быть можетъ, Аллахъ сторицею воздастъ моему Селиму за это... А вотъ кинжалами помѣняемся, будемъ кунаками, если хочешь, ага... Да если, не приведи Аллахъ, что станется со мною и встрѣтишь моего Селима, помоги ему,—такъ заключилъ вождь душмановъ свою рѣчь.

И въ темную жуткую ночь помѣнялся кинжаломъ Курбанъ-ага съ разбойникомъ Али-Ахвердой.

И этотъ хорошо знакомый, съ надписями, кинжалъ свой онъ видитъ у пояса стройнаго мальчика, съ пламенными глазами, какъ двѣ капли воды похожаго на Али-Ахверду, его спасителя въ тотъ страшный часъ!

Это онъ, безъ сомнѣнія, это *его* сынъ!

Неизъяснимое чувство наполняетъ душу Курбана. Дни молодости воскресли... Роковая ночь ужаса переживается вновь... И этотъ мальчикъ—живое напоминаніе того, что онъ должникъ передъ нимъ, должникъ на всю жизнь...

Онъ молча обнимаетъ ребенка.

— Селимъ Али-Ахверды, я въ долгу передъ отцомъ твоимъ, котораго уже нѣтъ на свѣтѣ... Проси, чего хочешь. Все, что въ моей власти, исполню, — говоритъ онъ, торжественно глядя въ глаза ребенку.

Присутствующіе устремляютъ взоры на Курбана. На лицахъ ихъ застыли удивленіе и неожиданность.

Княжна Нина тихо выступаетъ впередъ.

— Князь, я васъ не понимаю, —говоритъ она удивленно.

Тогда Курбанъ-ага быстро-быстро объясняетъ суть дѣла.

— Курбанъ-ага обязанъ сыну за отца. Пусть проситъ, чего хочетъ, мальчикъ, — заключилъ онъ новымъ обѣщаніемъ свой разсказъ.

— Но ему нечего просить, ага. Онъ обезпеченъ, онъ въ надежныхъ рукахъ... Кажется, ты ни въ чемъ не нуждаешься, Селимъ, голубчикъ? У тебя не будетъ просьбы къ кабардинскому князю?—снова роняетъ Нина и взглядъ ея погружается въ быстрые глаза Селима.

— Ты ошибаешься, „другъ“. У меня есть просьба къ князю Курбану-агѣ.

Черные глаза вспыхиваютъ ярче, дѣлаются еще пламеннѣе, живѣе; два уголька разгораются въ ихъ глубинахъ.

Подъ перекрестными взорами окружающихъ Селимъ выступаетъ впередъ.

— Курбанъ-ага, у мальчика Селима есть просьба къ князю... Князь Курбанъ знаетъ все... Князь Курбанъ мудрый, храбрый, великодушный... Князь Курбанъ джигитъ, а не барантачъ. И князь Курбанъ клянется, что исполнитъ просьбу Селима.

— Клянусь кораномъ, сынъ храбреца!

— Курбанъ-ага, князь кабардинскій, — произносилъ торжественно Селимъ, — ты сейчасъ поклялся, что исполнишь мою просьбу. Такъ вотъ, скажи Селиму, его благодѣтелямъ и друзьямъ, гдѣ спрятана русская дѣвушка у Леилы-Фатьмы... Скажи, Курбанъ-ага... Ты клялся кораномъ, скажи!

Невольное „ахъ“ срывается съ устъ присутствующихъ. Затѣмъ мгновенное молчаніе воцаряется въ саклѣ... Молчаніе тихое, какъ самая тихая ночь... Курбанъ-ага дѣлаетъ нѣсколько шаговъ по направленію къ двери и возвращается обратно...

Въ глазахъ его борется тысяча разнородныхъ ощущеній. Но лицо снова спокойно, неподвижно и важно, какъ всегда.

Жадными глазами слѣдятъ за нимъ Нина, Керимъ, Селимъ, наибъ изъ аула... Слѣдитъ на-смерть перепуганнымъ взоромъ Леила-Фатьма, закусивъ губы, едва дыша...

Ужасной, безконечной кажется имъ всѣмъ эта минута безъ словъ.

Курбанъ точно колеблется...

И вдругъ, точно встряхивается ага. Быстрымъ шагомъ подходитъ онъ къ задней стѣнѣ, наклоняется и сильно нажимаетъ то мѣсто, гдѣ проведена чуть замѣтная для глаза роковая черта.

Дверь подается сразу.

Вмигъ точно расширяется стѣна.

Мелькаютъ фигуры Дани, связаннаго Сандро.

Ужасный крикъ вырывается изъ груди двухъ женщинъ: вскрикиваетъ Нина, исполненная жалости и тоски, вскрикиваетъ Леила-Фатьма, исполненная ненависти и злобы. Вѣрнѣе, не крикъ это, а вопль безумія, прорѣзавшій тишину ночи.

Внѣ себя, старуха кидается впередъ.

— Курбанъ-ага—предатель! — кричитъ она съ перекошенными отъ бѣшенства чертами лица, съ пѣной у рта, съ дико сверкающимъ взглядомъ,—онъ пожалѣлъ калымъ дать Леилѣ-Фатьмѣ, захотѣлъ нарушить договоръ. Такъ пусть же никому не достанется дѣвчонка!

И, прежде нежели кто успѣваетъ предвидѣть это, большой турецкій старинный пистолетъ сверкаетъ въ ея рукахъ... Быстрымъ движеніемъ направляетъ она дуло на спящую Даню...

Послѣдняя, словно руководимая страннымъ толчкомъ, широко раскрываетъ глаза...

— „Это смерть!—несется въ головѣ дѣвочки жуткая и быстрая мысль.—Это смерть!“

На нее въ упоръ направлено страшное оружіе рукой безумной старухи... Дальше—перекошенное ненавистью безобразное лицо, связанный безсильный Сандро, а у двери она, „другъ“ Нина, Ага-Керимъ, Селимъ...

— Спасите!—срывается полнымъ отчаянія крикомъ съ губъ Дани.

Чья-то свѣтлая фигура становится между Даней и безумной старухой.

Но уже поздно.

Гремитъ оглушительный выстрѣлъ.

И тотчасъ же легкій, слабый крикъ проносится надъ саклей.

Что-то теплое, липкое брызжетъ въ лицо Дани.

— Кровь!

И бѣлая фигура безсильно склоняется подлѣ нея.

XI.

— „ДРУГЪ“ убитъ, спасите „друга“!—кричитъ Сандро внѣ себя, трепещущій на полу, какъ птица...

Пуля Леилы-Фатьмы прорвала сукно бешмета Нины. Алая струйка крови брызнула оттуда.

Но блѣдное, какъ смерть, лицо княжны улыбается почти счастливой улыбкой.

Слава Богу! Она подоспѣла во время. Она успѣла стать между безумной старухой и ея жертвой.

Даня спасена.

Ранена Нина, она, Нина, не опасно должно быть, если есть еще силы думать, двигаться, говорить...

Быстрымъ движеніемъ направляетъ она дуло на спящую Даню...

Она зажимаетъ одной рукой рану, другой обнимаетъ Даню:

— Птичка моя бѣдная!.. Милое сердце мое!

Слезы текутъ по лицу дѣвочки.

Слезы отчаянія, страха за жизнь Нины, слезы радости, свиданія, спасенія.

— Вы ранены?.. Скажите!.. Скажите!.. Да?

Голосъ Дани слабенькій, рвущійся какъ струны. А въ лицѣ ея ужасъ, тревога и любовь.

Ага-Керимъ съ наибомъ держатъ бьющуюся у нихъ на рукахъ Леилу-Фатьму.

Она воетъ знакомымъ страшнымъ воемъ на всю усадьбу, на весь аулъ.

Селимъ подлѣ Сандро. Ударомъ небольшого, но остраго кинжала онъ разрѣзаетъ на немъ веревки.

— О, Сандро, впервые вижу такого удальца!

На рукахъ Нины трепещетъ Даня.

— Милая!.. Родная! Если-бъ я знала только, развѣ бы я... я...

И глухое, судорожное рыданіе потрясаетъ саклю.

— Дѣвочка моя... не надо... успокойся... все забыто, моя Даня... все прощено...

Какой бальзамъ эти слова для измученной Дани, для ея израненнаго сердца!

Вотъ она, суровая повелительница питомника, Нина! И гдѣ только нашла въ ней суровость Даня? Тщеславіе должно быть ослѣпляло ее тогда.

Она, Нина, спасшая ее только что отъ смерти, принявшая на себя предназначенный для нея, Дани, безумной старухой выстрѣлъ, не ангелъ ли она, посланный съ неба?

Но что это? Смертельно блѣднѣетъ лицо этого ангела, судорожно вздрагиваютъ ея губы, тускнѣютъ черные глаза, державшія Даню руки замѣтно слабѣютъ...

— „Другъ“ умираетъ!.. Лекаря сюда!.. Фельдшера!.. Кого-нибудь скорѣе!..—внѣ себя вскрикиваетъ Сандр и падаетъ къ ногамъ Нины, лишившись послѣднихъ силъ.

XII.

— ЕДУТЪ! Ѣдутъ!

— Я ничего не вижу.

— У тебя глаза, какъ у совы въ полдень.

— Арба! Арба! Я вижу горскую арбу.

— Не выдумывай, пожалуйста. Они должны быть верхами.

— Но я вижу арбу, тебѣ говорятъ...

— Нѣтъ, это экипажъ со станціи.

— Гема права. Ты все преувеличиваешь, Маруська. Это коляска и всадники. Конечно, да.

— Тетя Люда, сюда! Они ѣдутъ! Ѣдутъ!

Съ утеса, что высится за зеленой саклей, дорога какъ на ладони.

Валентинъ, Маруся, Гема и Селтонетъ стоятъ на утесѣ, сосредоточенно устремивъ глаза въ даль.

Уже мѣсяцъ прошелъ съ того дня, какъ четыре всадника ускакали въ горы. Мѣсяцъ въ невѣдѣніи, въ тревогѣ, въ ожиданіи.

Было условлено заранѣе между „другомъ“ Ниной и Людой: „не будетъ вѣстей—все благополучно. Будутъ вѣсти—значитъ плохія. Молитесь о насъ“.

Все свободное время дѣти проводятъ на утесѣ.

Селта и Гема, отличающіеся особенно зоркимъ зрѣніемъ, глядятъ въ сторону горъ. Валь и Маруся—на городскую дорогу, что ведетъ отъ станціи. Никому не извѣстно еще, по какой дорогѣ пріѣдутъ милые путники.

— Гдѣ вы видите ихъ? Гдѣ?

Люда, только что покончившая съ распоряженіями по дому, быстрою походкою взбѣгаетъ на утесъ. Въ рукахъ у нея бинокль.

Лихорадочнымъ движеніемъ подноситъ она его къ глазамъ.

И вдругъ мгновенно блѣднѣетъ.

— Коляска и верховые... Въ колескѣ кто-то лежитъ!.. Скорѣе внизъ, къ воротамъ, дѣти, скорѣе!..

У воротъ уже стоятъ Павле, Моро, Михако, Аршакъ.

— Кого-то везутъ въ колясцѣ,—говоритъ Аршакъ, закрываясь рукой отъ солнца.

Невольно вздрагиваетъ сердце у взрослыхъ и дѣтей, что-то тѣснитъ грудь, точно навалился на нее огромный камень.

Страшная догадка почти сводитъ съ ума.

— О, Богъ великій и милосердный! Будь милостивъ къ намъ!

Это срывается съ устъ Гемы. Темнокудрая дѣвушка сжимаетъ какъ на молитвѣ руки, поднимаетъ къ небу глаза.

— Будь милостивъ къ намъ!—лепечетъ Селта.

— Если Аллахъ сохранитъ ихъ, Селтонетъ будетъ другою... совсѣмъ другою... О, помоги имъ, пророкъ!

Валь стоитъ, сосредоточенный, спокойный по виду. Но только вздрагиваютъ рѣсницы его прищуренныхъ глазъ, да замѣтно блѣднѣетъ все больше и больше тонкое, худенькое лицо.

Ближе, ближе путники. Теперь уже можно различить: коляска и три всадника. Значитъ одинъ изъ четырехъ не можетъ ѣхать на конѣ, его везутъ..

Но кто же? Кто же?

Грудь сдавливается сильнѣе...

Гема стоитъ, обнявшись съ Марусей, и оба дрожатъ.

Валь стоекъ и блѣденъ, какъ смерть.

Люда молится въ душѣ своей тихо, неслышно.

Селта... цѣлая буря клокочетъ въ душѣ Селтонетъ. Весь этотъ мѣсяцъ она переживала страшную пытку раскаянія...

Если бы Нина или тетя Люда хотя бы покарали ее за поступокъ съ Даней—ей было бы легче... О, во сто разъ легче было бы ей, Селтонетъ... Но ее не бранили, не наказывали, не упрекнули даже, только подолгу ежедневно бесѣдовала съ нею Люда и ласково, кротко обрисовывала ей, Селтѣ, ея вину и всѣ послѣдствія этой вины. Это было въ началѣ мѣсяца, а потомъ прекратилось и это. Все было точно забыто. Жили дружной семьей, однимъ общимъ интересомъ, сообща ожидали возвращенія изъ горъ милыхъ путниковъ.

Но если другіе ни словомъ не упрекнули Селту, то совѣсть самой дѣвочки буквально сжигала ее.

За что она, Селта, возненавидѣла Даню? За что такъ безжалостно поступила съ ней? Вѣдь ей лучше, чѣмъ кому-либо другому, было извѣстно о недугѣ Лейлы-Фатьмы. А она скрыла это отъ Дани.

Чего бы только не дала теперь Селта, чтобы все кончилось благополучно и всѣ вернулись здоровыми и невредимыми сюда домой.

О, этотъ мѣсяцъ! Аллахъ видитъ, какъ провела его Селтонетъ.

Ея лицо осунулось, исхудало. Окруженные синевой отъ безсонницъ глаза стали огромные, какъ у совы. И одѣвается теперь проще Селта: нѣтъ на ней яркихъ

нарядовъ, ненужныхъ побрякушекъ. Она не мечтаетъ о богатствѣ, о роскоши, о прекрасной партіи; нѣтъ въ ней и недавняго стремленія къ шумной, полной блеска жизни, желанія нравиться, сверкать, подобно звѣздѣ.

Одна мечта, одно желаніе словно выжгли всѣ остальныя. И нѣтъ, кромѣ этого огромнаго, всеобъемлющаго желанія, мѣста другимъ въ душѣ Селтонетъ.

— О, сдѣлай, Аллахъ, такъ, чтобы вернулась здоровой Даня и всѣ другіе, всѣ, всѣ!

Вотъ она—ея мечта, ея жгучая, робкая и покорная мечта.

— Они!

Крикъ, похожій на стонъ сердца, вырывается за разъ изъ нѣсколькихъ грудей.

— Они!

Быстро подскакиваютъ всадники, Ага-Керимъ, Селимъ, Сандро.

Изъ-подъ поднятаго верха коляски выглядываетъ худенькое, почти прозрачное личико.

— Даня! Она! Жива! Здорова!

Чьи-то руки подхватываютъ ее на лету. Берутъ бережно, какъ святыню. Чьи-то губы цѣлуютъ.. Чьи-то слезы мочатъ лицо.

— Слава Аллаху! Вернулась! Вернулась!

— Гдѣ „другъ“? Гдѣ же „другъ“? Гдѣ милый, любимый „другъ“?

— Нина, ты ранена! О!

Люда бросается къ колескѣ. Помогаетъ выйти княжнѣ.

Рука у Нины на перевязи. Лицо блѣдно не менѣе Данина, но спокойно и бодро, какъ всегда.

— Пустое... глупости... маленькое недоразумѣніе...

Она хочетъ говорить и не можетъ... Ее, какъ мухи, облѣпили Маруся, Гема, Валь. Цѣлуютъ здоровую руку, лицо, платье.

— О, милый, милый „другъ“! Что съ вами, что съ вами?

Селтонетъ сжимаетъ въ объятіяхъ Даню.

— Звѣздочка моя золотая, мѣсяцъ серебряный, роза восточная, хрупкая, нѣжная, милая, милая, прости меня, прости!

Слезы крупными горошинами катятся изъ глазъ Селтонетъ.

О, благословенныя слезы!..

Съ ними затихаетъ мука совѣсти, замираетъ послѣдній самоупрекъ. Съ ними снова расцвѣтаетъ голубой цвѣтокъ счастія въ душѣ Селтонетъ.

Даня очень слаба и отъ дороги, и отъ пережитыхъ волненій. Но у нея есть еще силы на то, чтобы исхудалыми руками обвить шею татарки, прижаться щекой къ ея щекѣ и шепнуть ей на ушко:

— Все забыто... все прощено, милая, милая Селта... Ты виновата не больше меня.

И дѣвочки прижимаются крѣпко, тѣсно другъ къ другу.

* * *

Вечеръ... За окнами притаилась тихая мглистая сказка темныхъ звѣздныхъ небесъ, безсоннаго плеска Куры и черныхъ призраковъ предночнаго тумана...

Здѣсь, за столомъ въ кунацкой уютно и тепло...

На почетномъ мѣстѣ сидитъ Нина. Раненая рука не позволяетъ ей рѣзать куски за ужиномъ, но нѣсколько паръ рукъ наперерывъ исполняютъ это за нее. Всѣ ловятъ каждое движеніе „друга“, стараясь предупредить малѣйшее ея желаніе.

— Мы твои руки, твои пальчики, „другъ“ — шепчетъ Гема, заглядывая ей въ глаза.

— Я предпочелъ бы быть твоей головой, чтобы дать отдыхъ твоимъ мыслямъ,—вставляетъ Валентинъ.

Подлѣ Нины, прижавшись къ ней, какъ котенокъ, сидитъ Даня, слабенькая, хрупкая Даня, съ какимъ-то, особеннымъ по выраженію, обновленнымъ лицомъ. Сидитъ, не спуская влюбленнаго взора съ Нины.

О, эта Нина, такъ непонятая ею впервые и теперь ставшая ей, Данѣ, дороже всѣхъ здѣсь на землѣ!

Нѣтъ кажется вещи на свѣтѣ, которой бы Даня не пожертвовала теперь для „друга“ Нины, ставшей для нея, Дани, такой безконечно дорогой, близкой, родной, послѣ того, какъ та пожертвовала Данѣ всѣмъ въ мірѣ,

не задумалась даже самую жизнь отдать за нее. Вѣдь попади въ нее безумная Леила-Фатьма ниже, нѣсколько ниже, вершкомъ только ниже, и это благородное сердце замолкло бы навсегда...

Даня вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ при одной мысли объ этомъ.

Какъ глупа, безсмысленно эгоистична была она, Даня, когда не умѣла цѣнить заботъ о себѣ...

Послѣ ужина Нина разсказываетъ все по порядку. Ее слушаютъ, боясь проронить хоть единое слово, Люда, Михако, прислуга, князь Андрей, примчавшійся изъ лагеря въ этотъ поздній часъ. Ага-Керима нѣтъ. Онъ уже умчался къ себѣ въ горы, полный нетерпѣнія повидать свою молодую жену.

Но его именемъ пестритъ разсказъ Нины. О, какъ много обязана она беку-Джамала! Какъ мудро и смѣло онъ поступалъ! Ему и смѣльчаку Сандро всѣмъ обязаны. Находчивому умницѣ Селиму тоже, милому, милому Селиму...

— Ты захвалишь насъ, „другъ“, ты захвалишь насъ!—весь вспыхнувъ до корней волосъ, бросаетъ Сандро.

— Молчи, мой мальчикъ, молчи!

И снова развертывается пестрая нить событій, отчаянно удалого поступка Сандро, неожиданной помощи Селима. Все какъ было, все. Всѣ смотрятъ на обоихъ мальчиковъ восторженно, какъ на героевъ. Глаза Гемы пылаютъ гордостью за брата.

О, она не ошиблась въ немъ: ея Сандро—герой!

— А гдѣ Леила-Фатьма?—освѣдомляется кто-то.

— Мы отвезли ее въ лечебницу въ Тифлисъ. Ея припадокъ повторился съ ужасной силой. Въ больницѣ ей сумѣютъ помочь. Ее нельзя винить, дѣти, она душевно-больная, Леила-Фатьма.

— Теперь я все, кажется, разсказала,—заключила Нина, обрывая рѣчь и оглядывая присутствующихъ мягкими, ласковыми глазами.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Главнаго не разсказала ты, „другъ“, — говоритъ худенькая, блѣдная, трепещущая Даня, поднимаясь со своего мѣста. Ея синіе глаза горятъ какъ никогда. Прозрачное, худенькое личико восторженно приподнято. Взоръ его одухотворенъ величайшимъ чувствомъ міра—чувствомъ любви къ той, которая спасла ей жизнь.

Сбивчиво, отрывисто говоритъ она.

Говоритъ о подвигѣ Нины, говоритъ о дѣвушкѣ, ставшей подъ дуло револьвера безумной старухи, ради нея, Дани. Говоритъ о томъ, что было пережито, какимъ ужасомъ полна была ея жизнь въ усадьбѣ старой Мешедзе. И какъ Нина, ея ангелъ-хранитель Нина, вырвала ее, Даню, изъ ужасныхъ рукъ безумной, жадной старухи...

И о Курбанѣ-агѣ, Гассанѣ разсказываетъ она, но смыслъ этой рѣчи — повѣдать всѣмъ о великодушіи „друга“, о самозабвеніи, героизмѣ княжны.

Ее слушаютъ, боясь проронить хоть единое слово...

Голосъ разсказчицы рвется отъ слезъ. Ея худенькая, тонкая воздушная фигурка колеблется, какъ стебель цвѣтка... Не окончивъ разсказа, Даня мягко скользитъ на коверъ, обнимаетъ колѣни княжны и, рыдая, лепечетъ:

— О, „другъ“!.. Я не забуду этого... никогда, никогда!..

* * *

Кончается вечеръ... Разрастается все шире и шире могучая восточная черная ночь...

Въ кунацкой молчатъ...

Тихій ангелъ слетѣлъ незримо и покрылъ присутствующихъ своимъ сизымъ крыломъ...

Это дань охватившему всѣхъ глубокому волненію. Взоры потуплены... На рѣсницахъ кое у кого дрожатъ слезинки. Одухотворенно глядятъ глаза... Улыбаются губы, невольно, счастливо...

— Вотъ когда я послушалъ бы музыку!.. Твою арфу послушалъ бы я, Даня!—пробуждается первымъ Валентинъ.

— Арфу? Но ея нѣтъ со мною...

— Ты ее забыла въ Бестуди?

— Нѣтъ.

Слабымъ румянцемъ окрашиваются прозрачныя щечки.

— Я оставила ее тамъ, не забыла... Оставила на-

рочно въ саклѣ покойнаго Хаджи-Магомета, — смущенно роняетъ Даня,

— Нарочно оставила?—раздается сразу нѣсколько недоумѣвающихъ голосовъ.

— Нѣтъ... Нѣтъ... Этого не можетъ быть!—замѣчаетъ Валь.—Ты, которая такъ любила свою арфу...

— Да, я любила и люблю ее безконечно...—объясняетъ спокойно Даня,—но... но она меня дѣлала такой тщеславной... честолюбивой послѣдніе годы... И я рѣшила оставить ее... разстаться съ ней... на время... Я вернусь къ ней... вернусь за нею... конечно... вернусь, можетъ быть, черезъ годъ, два, а то и больше... Непремѣнно вернусь... Въ моей душѣ, я чувствую, есть доля, маленькая доля артистки, которая не позволяетъ мнѣ совсѣмъ бросить арфу... Но я вернусь къ ней не раньше, какъ... кончу учиться у тети Люды... выдержу экзаменъ въ гимназіи... поступлю въ музыкальную школу... въ консерваторію. И вотъ... тогда... тогда, подготовленная знаніемъ къ жизни, я отдамся карьерѣ артистки... Но не раньше... не раньше... Клянусь, моей огромной, новой всеобъемлющей любовью къ „другу“, клянусь!..

Восторженное личико сіяетъ какъ солнце... Синіе глаза, полные неизъяснимой преданности, ловятъ взоръ Нины.

Сердце суровой по виду княжны вздрагиваетъ. Теплая, теплая волна разливается въ душѣ Бекъ-Израилъ. Здоровая рука ея ложится на прильнувшую къ ней бѣлокурую головку...

Мысль, быстрая какъ молнія, обжигаетъ мозгъ княжны.

— Что значитъ передъ такой минутой замкнутое, личное счастіе?..—думаетъ она.—Нѣтъ, она была права, тысячу разъ права Нина, что бѣднымъ одинокимъ дѣтямъ-сиротамъ рѣшила отдать всю свою, безъ остатка, молодую рабочую жизнь. Такія минуты вознаграждаютъ ее за отвергнутое личное счастіе...

И гордая своимъ торжествомъ, она устремляетъ взоры туда, во тьму, гдѣ крадется родная восточная красавица-ночь, гдѣ Кура тоскуетъ, жалобно, тихо и покорно...

КОНЕЦЪ.

ГПБ Русский фонд
69-7
2805